

Чебоксары — 2008

Михаил СЕНИЭЛЬ

Листья на ветру

Стихотворения

Чебоксары — 2008

ББК 84 (2 Рос-Чув) — 5
УДК 821.512.111
С 31

Михаил СЕНИЭЛЬ
ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ. Стихотворения. — Чебоксары, 2008. — 448 с.

В книгу «Листья на ветру» известного двуязычного поэта Михаила Сениэля, пишущего на чувашском и русском языках, вошли стихи 1963—2008 годов, написанные на русском языке. В них — боль военного и социалистического детства, беспокойная юность и мудрая пора подведения итогов. И, конечно же, — стихи о любви...

В книге три раздела: «Листья на ветру», «Свет и тени» и «Мой завет».

Предисловие Ивана Тургана

ISBN 5—87677—046—9

© М. Сениэль, 2008
© И. Турган, 2008

ЗВУКИ ТИШИНЫ...

Михаил Сениэль, двуязычный поэт, пишущий на чувашском и русском языках, предлагает русскоязычному читателю свою книгу избранных стихов «Листья на ветру». Стихи взяты из трехтомника, подготовленного поэтом для отдельного издания.

Он начал писать в 1949 году, восьми лет, стал печататься в чувашской республиканской печати с 1956 года и всегда хотел казаться взрослее своих лет, уже с самого раннего возраста не терпел суетности и будничного мельтешения, далеко смотрел, высоко думал и глубоко чувствовал. Сначала мальчик писал на своём родном чувашском, так как другими языками не владел, а с 1956 года пишет на двух языках.

Поэт дебютировал «русскими» стихами в начале 1959 года в Чистопольской городской газете. «Так и пишу, — говорит он, — являюсь как бы двуязычным, пишу, ни на что не претендуя, как бог на душу положит».

Скромничает поэт. Ещё в конце семидесятых годов прошлого века критик А. Хузангай заметил, как М. Сениэль «напряжённо и сосредоточенно прислушивается прежде всего к самому себе, не забывая при этом и о мире, различает и пытается воплотить в поэтическом слове самые тонкие колебания своего состояния и окружающего пространства; как словно обострилось его восприятие звуков, цвета и запахов, а также внутренней потаённой жизни души; как его поэзия стала глубже, прозрачнее и чище». А это уже черты обретаемой зрелости, более ответственное понимание назначения поэзии.

В книге «Листья на ветру» три раздела: «Свет и тени», «Листья на ветру» и «Мой завет». Стихотворения разделов — плод непрерывного труда 1963—2008 годов, они охватывают все стороны человеческого бытия. Тут и горение души, и полёт мысли, тут и мечты, грёзы... История и современность... Жизнь и смерть... Родина... Любовь...

Наиболее удачной, органичной выглядит, так сказать, ночная, «лунная» лирика поэта. В ней передаётся чуткое состояние лирического героя, который напряжённо вслушивается в самого себя, помня при этом и о белом свете. Состояние ночи — это метафорическое иносказание тишины, спо-

койного периода, который наступил в творчестве. И интонация в этих «ночных» стихотворениях раздумчива, медлительна...

М. Сениэль не забывает и о дневных заботах, но ночь — это время самоуглублённости, время мысли и чувств. Всё это я говорю к тому, что поэт в стихотворениях настойчиво пытается добиться нового качества стиха, предпочитая внутреннее размышление броскому жесту, громкой реплике. С этим же связано и частое обращение к фольклорной традиции. Стоящие перед собой моральные вопросы, проблемы нравственного выбора, любви М. Сениэль в поэзии пытается решить с опорой на шкалу устойчивых народных ценностей.

Высокое понимание диалектики и трезвое философское приятие её диктовали Михаилу Сениэлю подчас стихи классической ясности, мудрого спокойствия и глубины, и от таких стихов ещё дороже эта неоглядная и шумная, стремительная и прекрасная наша жизнь. Когда читаешь стихи из книги «Листья на ветру», почему-то думается о вечном. И от таких стихов ещё священнее и таинственнее каждое прикосновение живого лепестка, касание прохладной дождевой капли и шелест утренней волжской волны, ещё больнее и радостней ранит и далёкое предсказание кукушки, и прозрачный полёт стрекозы, и медленное парение золотого листопада.

В лучших своих стихах поэт выступает перед нами как истинный мастер лирической живописи, обнаруживающей нерасторжимую, животворящую связь с материнской почвой. Переполюняющее его чувство любви и нежности к людям, к родной земле способствовало раннему повзрослению сердца. У Михаила Сениэля — «умная душа», книга «Листья на ветру» тому подтверждение.

Только чувствуя неотвратимую скоротечность времени, человек жаждет запечатлеть в жизни лучшие движения собственной души, только предполагая, пусть с горечью, печальный жизненный итог, стремится он утвердить среди людей свою неповторимую личность и оставить потомкам добрую и благодарную память о себе. Того же хочет и поэт Михаил Сениэль.

Иван ТУРГАН

Листья на ветру

УТРО

Трепетен рассвет. Июнь, как откровенье,
в вышитой рубашке, весь в цветах,
празднично стоит; на удивленье
молодеет. Слышится писк птах.
Солнышко восходит. Словно звон
струн волшебных, утром тишина
тоньше, вдохновеннее; со всех сторон
к слуху моему приближена.

У дороги блещут белые ромашки,
светят в вышину от рос густых,
ловят тишину, она им машет
голубою шалью. На кусты,
на деревья бросились везде
солнечные зайчики; прыг-прыг!
заиграли — на лугу, в воде
сколько радости проснулось вдруг!

1966

* * *

Поэт — он больше жертва, чем поэт.
А кто не жертва — стихотворец просто,
но он на роль поэта нагло просится:
и лезет, и штурмует — спасу нет!

У нас лишь два поэта было, есть.
И это нам приходится учсть.
А остальные — слабы, непоэты;
не совесть — остальные, и не честь.

Тем более — не боль и не огонь,
пылающий, как Сеспель; не поющий
родник сильбийский — Прта, поэт наш лучший.
И оба — жертвенны. Таков закон.

Поэт ли образ века своего?
Ну нет же, нет! И только и всего?
Не образ, нет, поэт — загадка вечная.
Он тот, кто к жизни, к богу нас зовёт.

1965

ПРИЗНАНЬЕ

Весною хорошо иль плохо?
Ой, хорошо! Я ожил, чёрт!
Весной, как у поэта Блока,
сквозь тело музыка течет.

С девчонкой пошептался — выйдет
под вечер к роще или нет?
Наверно, вспомнил я впервые,
что юн я, что и я поэт.

Душа горит и всё приемлет,
что живо, звонко и цветёт.
И в ней несметно сила дремлет,
сквозь — плавно музыка течёт.

Течёт она, её лелея,
бодрит и дух, мол, не тужи.
И мнится мне, я одолею
и этот путь, и эту жизнь.

Плывя в ночи в лучах, дарованных
луной весны, как новый дар —
я вижу берег очарованный.
И... очарованную даль.

1964

* * *

Схожу с ума, жизнь — сказка вечная.
Душа в ней — яблоня в цвету.
Схожу с ума — туманность вещая
в ночах весенних застит ум.

Сойду ль с ума — покажет время.
С тропы той точно не сойду,
где мчимся с новью стремя в стремя,
где в будущем — себя найду...

1963

ЮНОСТЬ

«По этой суете вертлявой
грустить ещё ты будешь век...»
Да, буду, друг мой! Время — дьявол,
а я... А я — лишь человек.

Да, юность — суета. Не спорю.
Она и чудо в день такой:
в волшебный сад войдя от горя,
мы ходим радостны с тобой.

Мы ходим тихи и довольны.
И рады жизни, как Адам, —
не виданным ещё дотолле
деревьям, птицам и цветам.

В душе у нас огонь и пламя
и откровений дивный круг.
В них страсти пыл и жажду славы
мы обнаруживаем вдруг.

О, всем хвала и честь влюблённым!
Пусть любит друг и враг любой.
Будь юностей у нас миллионы,
я б их растратил на любовь!

Я б их на вихри упоеня
употребил, стихи твоя.
Войдут в легенду, без сомненья,
моя, друг, юность и твоя...

1963

* * *

Не говорите мне, что я талант,
не говорите вы, что я бездарен,
когда в огне горю, когда — в ударе;
таланты, бездари так не творят.

Не просто я горю, — пою, пою,
ввысь поднимаюсь — над людьми, эпохой.
Обозревая песней суть мою,
и слышу я и вижу бога...

1963

* * *

В грандиозных делах принимая участие,
понял я: всё обман, всё фигня.
Даже нету надежд у любви и у счастья,
нету завтрашнего у них дня.

Я с надеждою жил, и безумная радость
бушевала, теснилась в груди.
Был от счастья слепой, был крылатый. И, надо ж,
видел гордым себя впереди.

Думал я, что всемогущ, в лучах воссияю,
полюблю навсегда и — одну.
Оказалось, ошибся: разумность теряя,
стал тонуть и пошёл я ко дну.

Где ты, где, о мечта, миг счастливый? Мгновенье,
задержись-ка, уходишь куда?
Но напрасна, пуста и мольба, и моление,
и канувшие в вечность года.

О судьба моя, кроется наше паденье
в слепоте моих дум поутру
и в коварстве и хитрости сладостной девы...
Грех... Не к худу бы сказ, а к добру...

1963

* * *

Здоровья нет, и будущего нет...
Ведь наглухо закрыта мне дорога
в литературу — в страсть мою и свет.
Ведь я изгой, отвергнутый с порога.

Обычно, как всегда. Обыкновенно.
Дракон не спит, он начеку, всё верно.
Неполных двадцать три мне. И, как Сеспель,
с собой покончу я, наверно...

1963

* * *

Я думал умереть, не умер,
решил, по-видимому, жить.
Сказал себе: «Ты что, мужик,
давиться из-за дев — неумно...»

Ни дня вернуть не суждено нам
из тех, что сгнули вдали.
Пади в стенаниях и столах;
рыдая, не вставай с земли.

С любовью ты простился стойко.
Поставь на траур хор свечей.
Один останься, сам с собой, ты —
ничей ведь всё равно, ничей.

Но всё-таки живой. Не умер.
Пусть дней вернуть не суждено,
любовь вернёшь, так как ты умный.
Вернёшь и счастье... Всё одно.

1963

ДЖИГИТ

Закрыв глаза, зажмурился — нет улицы,
открыл — она опять передо мной.
Ничто так не красиво под луной,
как речка при луне туманом курится,
как девушка вздыхает над водой,
как на востоке солнечные кони
к зениту мчатся, алым днём звеня;
как мир смеётся, тишину храня,
а я смеюсь у мира на ладони,
как будто мир в ладони у меня.

1964

В СТЕПИ

Лесок тут и озеро
и диких уток тьма.
В степи лазоревой —
цветов кутерьма.

Зелёно и сине,
багрово, бело...
О, степь, диво дивное,
и как тут светло!

В порыве смятённом
бреду одиночек.
Я в этой метели —
как в море челнок.

В простор я ныряю,
меня здесь нет,
в цветах затеряюсь,
простынет и след...

1964

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Сорок восемь часов
сокрушались волны,
тяжко вздыхали,
кого-то жалея.
Может, и больше...
Но, не в силах слушать, —
я пошёл прочь.

Сорок восемь часов
липы качались,
листвой не одетые.
Не распустив лепестков,
стебли ландышей
клонились к земле...
Но, не в силах на это смотреть, —
я пошёл прочь.

Сорок восемь часов
жаркий пламень любви
делила с другим
мною любимая женщина.
Может, и больше...
Я это не знаю.
Я пошёл прочь.

1963

ЛЕСНАЯ ТРОПИНКА

Деревья сомкнулись угрюмо.
О тропка моя, на земле
лесная глубокая дума
печалит меня с малых лет.

Извечен — о жизни и смерти —
тот помысел не напоказ.
Пропитан весь болью, и сердце
насквозь он пронзает подчас.

В тот миг замираю я в страхе,
не чую себя, не живу,
как мысль, существую абстрактно,
стою как во сне — наяву.

Но в нём — и целебное свойство:
палима болючим огнём,
живительного беспокойства
душа не лишится при нём.

1966

ОСЫПАЮТСЯ ЛИСТЬЯ

Осыпаются листья, осыпаются тихо,
так же тихо, спокойно кружится земля.
В небе тихом луна отлетающей птицей
тихо машет крылом, сердце, дух веселя.

Мы мечтаем дружить и любить бесконечно.
Мы мечтаем прожить жизнь без малого тысячу лет.
Мы мечтаем прожить далеко не беспечно
на прекрасной на нашей цветущей земле.

Шум и шорох в лесу. Глух, таинственен воздух.
В нём незримо живёт боль осенних тревог.
Осыпаются листья, осыпаются звёзды,
всё твердя о непрочности в мире всего.

Сколько раз мы живём, столько раз умираем —
нам ли стоит грустить об уделе таком.
Осыпаются листья, осыпаются и оседают,
устилая дорожки, тропинки шуршащим ковром.

1963

ХЛЕБ

Проходит всё, в том нет у нас сомненья.
Мы все уйдём. Пройдёт и ваша жизнь.
Но не проходит хлеб. И он всему решенье.
Всему залог и бог. Мы все на нём сошлись.

Без хлеба нет любви, нет проявлений духа,
нет духа даже, ибо плоти нет.
Нет бывших, настоящих, нет грядущих.
И мир для нас зловещий мрак — не свет.

Не существуем мы, а коли существуем,
без хлеба быть свободным не мечтай.
Такие в мире ныне сабантуи,
что вмиг проглотят, только волю дай.

Восславим хлеб, восславим человека,
рукою трепетной чуть подперев висок.
О Родина! Ты хлебной будь от века!
Лишь хлеба именем твой образ так высок!

1964

СКВОЗЬ ТУМАН

Осень. Не лето уже. Сквозь туман
я пробираюсь домой; всё равно
по какой мне тропинке к селу, к домам,
подходить; я плутаю давно.

Мысли нелепее одна другой
лезут впотьмах в гробовой тишине.
Мрачен я, мрачен и груб, милый мой,
за пессимиста сойду уж вполне.

«Вышла такая по жизни ходьба,
был я как будто в тумане сплошном.
Состоялась ли, нет ли, моя судьба,
состоится ль, не знаю о том.

Хоть гляди, не гляди во все глаза,
впереди посвист злой зимних вьюг.
Жил ли я, нет ли, жизнь отошла назад,
будто вовсе и не жил, мой друг».

Что за чушь? Ах, туман... Что ж — туман?
Свет небесный потух, что ли? Стой!
Жил ли я? Жил! Живу! Караван
мой идёт, не устал ещё, он — под горой.

1966

У ПРУДА

Где тихо отражалась хмурой ночью
далёкая печальная звезда,
ломаю от досады лёд непрочный
замерзшего осеннего пруда.

Грусть не уходит, радость не приходит,
я и не жду, в душе моей печаль,
проходит время лучшее, проходит,
а времени... ох, как его мне жаль.

...Вдруг кто-то шумно плюхается в воду,
от плюханья расходятся круги,
и вижу я: торжественно и гордо
плывут гусыни, может, — гусаки.

Но что мне делать с нудной этой грустью,
ведь нет причин серьёзных унывать?
Как весело в пруду гогочут гуси,
им радостно, на всё им наплевать!

Хорош я гусь! За дивные мгновенья,
что прожиты, корю я жизнь, дурак;
ведь каждое мгновенье — откровенье,
хоть пусть и прожито чуть-чуть не так...

1966

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЕ

Чернеет дорога далёкого детства,
кроваво-багров цвет зари.
Я очень встревожен, но только об этом
с тобой не хочу говорить.

Я хмурый, я бледный; мы станем стихами,
придётся гореть нам и тлеть.
И новые песни придут вслед за нами
пожить, а потом умереть.

Светлеет дорога далёкого детства,
светло-золотист цвет зари.
Я очень доволен, но только об этом
не буду пока говорить.

Я светлый, я ровный; мы будем цветами,
цвести, распрямляться, хиреть.
И новые зори предстанут пред нами —
пожить, а потом умереть.

1967

* * *

Вере

Я искренне сказал, не ради похвальбы,
о том, что я поэт, и что — не скоро
замеченным и признанным мне быть,
а быть побитым — как пить дать, не скрою.

Я знаю, этим жизнь не облегчить,
не оправдаться истиной расхожей.
Всем сердцем чую, и хребтом и кожей,
что не любить мне больше, что не жить...

1965

ВЕРЕ СИМОНОВОЙ

О золотоволосая, о алтынчеч,
наивная и мудрая, когда запальчив,
о целомудрии я начинаю речь.
Ты, мне ответствуя, запальчива тем паче.

Бурлит в тебе горячность не напрасно —
стан юный твой и плечи как вино.
Тебе всего семнадцать, ты — прекрасна.
Ты свет себе найдёшь, а мне — не суждено.

Не похвалюсь я будущим своим итогом —
не сделать много мне, немного петь.
И уготован путь поэту, жребий, богом —
брести во тьме, во тьме и умереть.

Огонь в душе сильнее всё и сильней,
но не сгореть весенними ночами.
Прости, не плачь, подруга славных дней
любви и озарений, радостей, печали.

О, золото волос, чувств золотая россыпь!
С тобою, Вера, счастлив был я, знай.
Не плачь, любимая, прости, прости ты просто,
прости великодушно и — прощай...

1965

ALMA MATER

Угасает лето, наступает осень.
Лебедям моим — на юг лететь.
Я куда собрался и куда спешу я,
alma mater, университет?

Не к тебе собрался, не к тебе спешу я.
Вышли сроки лебедям моим.
Как угасло лето, наступила осень.
Перед новым временем стоим.

Отшумела юность, знанья обретая,
отшумели дни весны, любви.
Ах, как скоро, рано наступило время,
ах, как рано, лебеди мой?

Знаю я, и осень быстро угасает,
не споют зимою соловьи.
Наступило время, наступило время,
что ж, прощайте, лебеди мои.

Вот и я поднялся, я расправил крылья,
как и вам, мне далеко лететь.
В новый путь собрался, к зрелости спешу я,
alma mater, университет...

1967

СЛОВА МОИ

Слова мои, судьба моя, бреду я
в постылом чайнѐ, тоскуя, без чудес.
В лицо, дыша ненастьем, ветер дует.
Не унесите нам в осияние небес.

Слова мои, судьба моя, не буду
о вашей я судьбе гадать и горевать,
продам задёшево, предам вас, как Иуда,
чтоб уцелеть, чтоб счастье продлевать.

Слова мои — судьба моя. Напрасно
завёл о счастья я ловко речь.
Такое счастье было бы ужасно,
уж лучше расстрелять меня.
На месте сжечь!

1967

МОЯ ВИНА

Приволен воздух, свеж и тонок.
Им надыхаться, вдоволь пить
его свет ясный, как ребёнок,
душою чист я должен быть.

И чист я, брось меня мытарить...
Пройдусь свободно по нему.
Не стыдно в творческом ударе
признаться в этом никому.

И по земле ходить пока что
я вправе, чист, не воровал,
не притеснял, не лгал отважно,
тем более — не убивал.

Единственно, что ключ гармоний
искал всю жизнь я, в том вина
моя большая, до агоний
прошу за то душить меня!

...Всегда прекрасно мирозданье.
Но дисгармоний обуздать
в нём невозможно. Как созданье,
поэт трагичен навсегда.

1967

ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

Луч засветится, мглу раздвигая,
будет гаснуть, о смерти твердя.
Роковая пора, роковая —
обречённые листья летят.

Листья эти безжалостно душит
злобный ветер, ярясь на закат.
Вопли, стоны не радуют душу.
Ночь сгустилась. Сильней листопад.

Это сам сатана разгулялся —
рвёт и мечет, и кружит всю ночь.
Лист летит, чтоб без смысла валяться, —
невозможность нельзя превозмочь.

Сняв с себя непосильное бремя,
перестав верить мутной воде,
вы, провидцы скандального времени,
что сумели во мгле разглядеть?

Или заперты звёздные выси
даже для
самых робких надежд?
Что же вы, обречённые листья,
не поднимете смуту, мятеж?

1967

* * *

Хотелось мир переиначить,
его ругая и кляня,
разнообразие внести в жизнь нашу,
обнять друзей, врагов обнять.

И всех любить... Но это значит,
что никого и не любить,
путь жизненный свой обозначить
пунктиром лжи, Иудой быть.

Куда ни глянь, везде дурманы:
и лицемерье, и обман,
идей промозглые туманы.
И в снах, и в яви — всё туман.

Душа тоскует по святыне.
То — правда бога и моя.
Тоска в глазах, в душе отныне.
Тоска и мысль мой дух творят.

1968

* * *

Во всём один свет, один дух.
И могут ли поле и злак друг без друга,
цветок и пчела? Все приравнены богу.
Народы, сердца — все бредут
отдельно как будто, но могут ли в круге
одни без других, нет, не могут, не могут.

Апостол ночей Сениэль,
ты бродишь по комнатам, ты вымеряешь
их вдоль, поперёк одиноко, печально,
всё ищешь во всём суть и цель,
а сам всё теряешь, теряешь, теряешь
и горестно светишься — слабо, прощально...

1969

* * *

Приникнув к миру, на рассвете
услышу голос в ранней мгле,
что бренны мы на этом свете,
что временны все на земле.

Мотив сей, душу отравляя,
грызёт меня, жить не даёт.
Пора! За счастьем отправляюсь.
Вокруг темно, и путь далёк.

За счастьем отправляясь, знаю
что ждёт меня на том пути.
Вот почему всю ночь без сна я.
Уйти мне в путь иль не уйти?

Пусть бренны мы на этом свете
и временны все на земле,
не важно: упаду во цвете
иль дряхлым — в девяносто лет.

То важно, что не испугался,
не побоялся тёмных сил,
за счастье и за правду дрался,
бессмертье смертью заслужил...

1969

ЗЕМЛЯК

Нет сил тому не поражаться —
влез в пушкины всерьёз вполне
земляк мой, Педер Подражатель,
в худой чувашской стороне.

Не только подражал, сосал он
(Есенин, Пушкин, Байрон, Фет,
Доронин...). Слог его так жалок,
безвкусен, что поэта — нет.

Какой же лирик он — без лиры?
Он — лжец и врун, тем и велик.
Все истинные барды мира
за истину костями легли.

Перепевая, он ограбил
татарских чувашей фольклор.
Раб лести, и карьеры раб он.
Эвон куда пробрался вор!

Сумел: ведь уж давно — «народный»,
сей Пушкин. Просто чудеса!
...Таков был в жизни враг мой кровный,
зело похожий на скопца.

1970, март.

В ТУМАНЕ ЛЕТ...

Вере Симоновой

Пусть разные у нас теперь, подруга, тропы,
мне не забыть, как мы тайком, друг мой,
на вальсы, танго, твист и на фокстроты
в Дом офицеров бегали с тобой.

Была порою ты в вечернем чёрном платье
такая строгая, что в синеве очей
и в золоте волос твоих тонул я, чуть не плача,
и я, в тревоге и любви, потом не спал ночей.

И всё-таки тогда мы славно погуляли!
Того веселья свет в душе поныне не угас.
И нежность сладкую друг к другу мы узнали.
Сам бог соединил тогда, наверно, нас.

В тумане лет стоишь всё в платье чёрном.
Тебя увидя, и сейчас я сам не свой.
И с каждой вешней золотой зарёй вечерней
тебя я, Вера, вижу пред собой.

И альма-матер вижу — небыли и были.
И юность бурную, сокрытую во мгле.
О как любили мы и как любимы были!
Но... мало этого для счастья на земле.

1970

ДОЖДИ

Дожди идут, дожди...
Трепещут листья... Осень...
Опутала меня,
как наважденье, тьма.
Не понят, не любим,
раним я и тревожен.
Грустнее всё слова.
И осень — как тюрьма.

Дожди идут, дожди
то сдержанно, то сильно.
Что зацветёт сирень,
я осенью не жду.
Зачем же я хотел,
хотел в неудержимом
всем сердцем удержать
дней юности мечту?...

1972

НАДЕЖДА

Вот вечер, тихий вечер,
село, в селе том сад,
где я с Надеждой встречи
ждал много лет назад.

Она прошла дорогою
и не свернула, нет.
Я всё глядел с тревогою
сквозь заросли — ей вслед.

Вдыхал прохладу ночи,
ход месяца ловил.
О, как сверкали очи,
как жаждал я любви!

Тем часом, словно фосфором
облив село и сад,
и месяц скрылся, господи,
ушёл через леса.

Роняло звёзды небо.
Я плакал над собой:
«Тебе надежды нету,
нет встреч тебе с судьбой...»

Вот вновь село и вечер,
в селе всё тот же сад,
где не дождался встречи
я много лет назад.

Вновь просветлённо очень
под месяцем иду,
но не сверкают очи.
Я никого не жду.

1972

МОЁ НЕБО...

Надо мною высокое небо,
предо мною родная земля.
Два крыла, сердце сокола мне бы,
сразу б взмыл в поднебесие я.

Не ходил бы беседовать с тенью
вяза старого к быстрой реке —
то ли слушать весёлое пенье,
то ли — всхлипы и плач вдалеке.

Пополам разделили дорогу,
раскололи судьбу пополам
то ль стенания йомзей-пророков,
то ль раскидистых лип купола.

И бессветно в душе, и безмолвно.
День проходит, идёт не спеша.
Хоть с округой и связан я кровно,
почему-то томится душа.

Не крыло, сердце вещее мне бы,
не хочу в поднебесие я.
На земле, на земле, не на небе,
моё вечное небо, друзья!

1972

ШУМЯТ БЕРЁЗЫ

Геннадью Айги

Шумим. Мы берёзы. Шуршим.
Мы шепчем: кто умер, кто умер?
А может быть, бог? Нереально, неумно.
А может, бог нашей души?

Ведь всё может быть. Осень — страх.
И мы — дуновенье распада.
И нам одиноко и пусто. Досадно —
и наш же развеется прах.

Нам даже не больно. Шурша,
всему мы конец не пророчим.
Всё в мире шуршит, как и впрочем
шуршала и наша душа.

Она что, мертва? — Я спрошу.
Душа мировая жива? Безусловно.
Шум осени? Да. Но уходит он, словно
покинутый, — осени шум...

1973

ЛЮДИ, ЛЮДИ...

Люди, люди, счастливые люди,
сговоритесь вы, чтоб и на нас
благодать низошла, и мы будем
тоже счастливы — и все забудем
эту жизнь укорять, проклинать.

Зазвучат мои струны на лире
среди тысяч и тысяч смертей —
станет жизнь и просторней, и шире.
И наступит гармония в мире.
И не будет невзгод у людей.

По часам жизнь свою не измерю,
а измерю счастливостью лет.
Песне звонкой лишь, вольной, доверюсь.
Люди, люди, я знаю, я верю:
будет счастье на нашей земле!

1974

БЕЗ ЛЮДЕЙ...

Без людей я никто. Только люди
и подымут меня, и сгноят —
иль шербет мне дадут, или яд.
И все, кто ненавидит, кто любит,
на земле ряд за рядом стоят.

Осень ли на пороге, весна ли,
ожидая своих, свет зажгут
в комнатах... И меня где-то ждут.
Без людей как мне жить? Я не знаю.
А они без меня проживут?

Как я раньше не думал об этом?
Без людей обходился я как?
И не так, и не эдак, никак
не мечтать мне без них о победах.
Без людей как прожить мне в веках?

1974

ДЕТИ

Дети — созвездья земли.
Так говорит совесть сердца.
Чтобы на них наглядеться,
нужно, чтоб вечно цвели.

Дети — надежда земли.
Так говорит радость сердца.
Чтобы на них опереться,
нужно, чтоб дети росли.

Дети — тревога земли.
Так говорит нежность сердца.
(Дети на солнышке греются,
дети домой не ушли.)

Папы и мамы земли,
с бомбой и без, в ваше сердце,
в душу глядят ваши дети.
Нужно, чтоб их не сожгли...

1975

* * *

Тоскую я, тоскую по душе
мне родственной; ищу, не нахожу
уж сколько лет — ловлю и на ходу,
и на житейских сходках; и уже
стал уставать, уж вроде не хочу.

А сколько раз в пылу взлетал душой,
чужую принимая за свою,
легко поверив суете большой!
И встретил, может, но прошёл, прошёл
я мимо — не узнал любовь мою.

Тоскую... Неизбывна, зла тоска...
И из неё нет выхода совсем,
нет выхода... И, чтобы радость съесть,
всё шире и страшней тоски оскал —
чтоб душу сжечь и сердце сжечь...

1977

ОДИНОЧЕСТВО

Людей так много, а друзей так мало,
но и от них неслыханно далёк,
живя и маясь в буднях, как в тумане,
я безнадёжно в мире одинок.

Как сблизиться с друзьями мне, не маяться?
И как, рассеяв мглистый тот туман,
уверовать в друзей, не сомневаться
в их верности, когда всё-всё — обман?

Как верить мне в любовь, когда из праха
мною поднятая ввергла в прах меня?
Нет, не любить любовь, а только трахать
и нужно, видимо? И — изменять?

Без светлых чувств, без упоенья, тупо
пахать и пребывать в предсмертной мгле
от пустоты в душе, тоски, и глупо
внушать себе: нет счастья на земле?

Куда нам, одиноким, в мире деться?
Дано нам одиночество судьбой.
Смертельная обида точит сердце.
И всё же... не покончу я с собой.

1977

ГОНЯТ

Гонят, падлы, гонят, гонят...
И местком тут, и обком...
Видно даже без очков —
не сегодня буду понят.

И — не завтра; нет надежды.
В чём вина моя, беда?
Видимо, я угождать
не умею им — невежда.

И потом — пишу неплохо
по сравненью с тем хамлом,
кое в разных там уловках
съело суку с кобелём.

Стихотворцы-блюдолизы,
графоманы всех мастей,
в классики все подалися —
чем их больше, тем лютей.

Званий, премий всевозможных
обладатели — они
божьей искры, даже ложной,
богом напрочь лишены.

И лютуют, и штурмуют,
и строчат на нас донос:
«Те, кто к нам верлибр занёс,
все враги, скорей в тюрьму их!».

Я его не заносил.
Никакой другой заразы
не пытался внести ни разу —
всё равно вопят, нет сил.

Книги — жгут. И им — раздолье.
Петь — запрет. Запрет — орать.
Смерть. Нежизнь... Напиться что ли?
В стельку? В дым? Иль подождать?

Литр обильнее чекушки,
чтоб сплясать кордебалет...
Одолжи, дружище Пушкин,
дай строфу, один куплет:

«Сохраню ль к судьбе презреньё?
Понесу ль навстречу ей
непреклонность и терпенье
гордой юности моей?».

1978, февраль.

НЕ ЗАБЫТЬ...

Были годы, ужасные годы!
Был оседлан я, загнан, забит.
И текли, и текли, словно воды —
этих лет и в гробу не забыть.

Связи с прошлым, изжитым, разорваны.
Ты свободна теперь, о душа!
Погрустив, вспылать не зазорно —
жаждать, жаждать, мечтой подышать.

Ах, постичь бы, пускай и не сразу,
ах, постичь бы мне... божьих тропин
и твоих, жизнь, невидимых глазу
сокровенных душевных глубин.

И развеять бы взглядов туманность —
поддержать личность надо, не бить:
пусть лелеет нам душу гуманность
человека любого любить.

Человека любить, не народы...
Не с того ли и душу я спас,
и текут, и текут эти воды,
удаляясь всё дальше от нас,
словно годы, мой друг, словно годы?...

1978, февраль.

СПАСИБО...

Сказали: здесь тебе не место,
и так двенадцать с лишним лет
капризничал ты, как невеста,
вредней тебя тут зверя нет.

По собственному ли желанью,
антисоветчик и злодей,
уйдёшь отсюда или властью
раздавлен будешь среди страстей.

Вот так со службы и не зря я
был вышвырнут пинком под зад:
не Демон, изгнанный из рая,
не Данте, созерцавший ад.

Под натиском среды советской,
теснимый и гонимый, я
был отеснён и сдвинут резко...
Спасибо, родина моя!

1979, июнь.

ЗАЯВЛЯЮ...

Забывшие себя, — язык и род,
свои родные песни и наследье, —
вы, предавая свой родной народ,
в манкуртов превратились все на свете.

Сказать ясней: вы — перекаати-поле.
Ещё яснее: в проруби — говно.
Шесть-семь десятков тысяч вас, не боле,
тошнит меня от вони всё равно.

Эй, вы, русскоязычные чуваши!
Вы, презирая свой родной народ,
не сможете убить его, все ваши
потуги и напрасны, и не впрок.

Я заявляю вам, в него влюблённый,
торжественно и гордо: вы — урод.
Да здравствует народ мой двухмиллионный!
Да сгинет весь русскоподобный сброд!

1979

ПОБЕГ

Замыслил я побег...

А.С. Пушкин

О рабство, рабство, гнёт духовный!
Я, сын гармонии греховный,
побег замыслил не секретно,
замыслил за черту, которая запретна.

Я убегу, уж убежал я —
давно живу, не разрешая
себя насиловать ни власти,
ни близким и родным, ни деве Насте.

Я — царь: живу один, проклятый;
и хмырь, и мытарь вместе взятый.
От рабства к новой я свободе
удрал, пусть неизведанной, — не войте.

И не ругайте — не ругайтесь!
Освободился — волю дайте
творцу-поэту, волю, волю! —
мятежен беспокойный дух живого.

О симпатические струны
души моей! О как вам трудно,
когда вороны чувств, не лебеди,
затрагивают вас порой, колеблют.

Поэт — волшебство безграничное.
И, независимые лично,
орлом парят и поэтически —
орлы, все знаем, — птицы, а не птички.

Хочу бороться, насмерть биться;
желаю к истине пробиться —
излить все мысли, ощущение,
пропев и песню грёз, и песню мщенья.

Борьба, движение и страсти,
красоты, безобразья — здрастье!
Я вас всегда в виду имею,
то накаляюсь страшно, то немею.

Предчувствую существованье
и далей, и глубин — вниманье
своё на них я направляя,
в себе пророка смело выявляю.

Предсказываю-прорицаю,
душой звучащей вижу, знаю:
падёт империя; заглохнет
и рабство, рабство наше — гнёт греховный.

1980, февраль.

* * *

Эй, где ты, юность? Далеко-далече.
Чтоб оценить минувшее всерьёз,
бреду глухим я переулком к речке,
где слышу лепет молодых берёз.

Друзьям я умным друг не подходящий —
за дурака считают, свет не мил,
мол, пыль пускал в глаза и дым чадающий,
вон, поглядите, сколько надымил.

Терпеть такого — ну какая радость?
Я сам себе не люб, друзья, ей-ей.
Я всё кричал, а мне молчать бы надо
и больше слушать, сразу б стал милей.

А мне бы вообще уgomониться,
набраться гибкости в делах мирских,
и кто б тогда решился усомниться
в моём уме? Никто бы. Нет таких.

Мы все уйдём, все ляжем где-то рядом.
Задумчивый стою я у плетня.
Да. Надымил, а мне гореть бы надо
и греть вас всех у своего огня...

1980

МАМЕ

Да, мама, мы тебя не осрамили.
За все за эти годы, день за днём,
мы, сыновья твои, семь братьев, были
дружны, шли верно, не грешны ни в чём.

Учились, жили и трудились честно.
Был старший младшему опора и пример.
Уж если тут и юность лет учесть, то
держались просто молодцом, поверь.

Я, самый старший, так пыхтел, что вечно
ходил в долгах, худой, судьбу на грош менял.
Я этот путь прошёл небезуспешно.
Ты в долгий путь благослови меня.

Пора пришла ли, не пришла ль, итожим
уж кое-что, иного чувства нет.
Ты говоришь: «Благословенье божье
да осеняет до скончанья лет».

Не нужно божьего благословенья,
мы твоего хотим, как откровенья, мать,
оно одно душе отрада и спасенье,
а заодно и божья благодать.

1981

ТАЙНА

В полной тишине горел восток,
полная луна — ночное диво —
поднялась, и гордость, и восторг
принесла, и — счастья глоток,
умиротворенье, я б сказал счастливо.

Льётся свет, весенний лунный свет.
В роще скрылся ветерок бродячий.
Свет и вечность. Вот в чём жизни цвет.
В этот час скорбеть желанья нет
над ничтожным, мелким, преходящим.

Царствуй, соловьём свищи, луна,
озаряй мои печали, лиру,
чтоб, величественна и сильна,
радостно пропеть могла она
о могущественной тайне мира.

1981

ЛУННЫЙ СВЕТ

Свет лунный с неба тихо льётся,
рассеянный нежный свет.
Покой в душе, и сердце бьётся
обрадованно в ответ.

У ночи светлой вестей немало,
и ты уверенно иди
туда, где что-то столь туманно
мерещится впереди.

Искрится, дышит голубая
весенняя тишина.
Ты молод ещё, мечта любая
сбыться должна.

Иди на волю, на воздух синий
и будь пред лунным ликом чист,
сорокалетний и красивый,
возрадуйся, возвеселись!

1981

* * *

Лихорадочно живу.
Возбужденный до предела,
не пойму, кого зову
и к кому имею дело.

Но меж нами тайна есть.
Гнёт меня, гнёт осторожно
тёмный лик иль просто рожа
колдовская — как болезнь.

И разрыв в ней, и сближенье,
и, как наказание, страх.
В ненасытной этой тени
радость превратится в прах.

Страсть, огонь, боренья, слёзы
в прахе этом не живут.
Слышу звон цепей, угрозы.
Правят мною мрак и жуть.

Плохо мне, ой, плохо, мама, —
неужель переломлюсь?
Рок ли воспарил над нами?
Сгину, но... не покорюсь!

1981

* * *

Тихий звук, тонкий звук
в мире семизвучном.
В звуках запахи живут
радостно, нескучно.

В запахе мы слышим звук
в мире семицветном.
А цвета куда зовут
весело, приветно?

Ночью дальний лай собак
кажется тюльпаном.
Пахнет? Да! А как табак?
Чем он не сопрано?

Чем же пахнешь ты, печаль?
Болью иль свободой?
А свобода чем? А — даль?
А как — мать-природа?

Жизнь чем пахнет, как звучит,
цвет какой имеет?
Чтоб сказать, сто лет я жить
должен, и не менее...

1981

НАИТИЕ

И чую, и слышу,
идя сам в себе
по лесам, по полям, я,
то — песня о времени гуннском и скифском,
о нынешнем тоже,
и — пламя;
то — облако, тихие снега, туманность,
звезда Тенгрихана.
Во всё проникает свет взгляда,
свет памяти, разума,
свет тишины,
свет звука,
свет музыки —
в звук и в движенье, дыханье,
во все времена,
во все яви и сны.
Языческий свет первозданный!
Я жив!
Я живу!
Никогда не умру я —
и после того,
как уж стану ни звук, ни дыханье
и ни движенье, —
свет духа даруя...

1981

СВЕТ ДРУЖБЫ

Стоял я в зареве заката
в печали, в сумерках души;
сочувствовал тебе, как брату,
с душой возвышенной — в тиши.

Сквозь сумрак вечера увидел:
взошла звезда, теплясь вдали.
Судьба ли, друг тебя обидел —
свет дружбы не ушёл с земли.

Свет дружбы высветил метанья,
предстал, как ясная слеза.
Тебя дороже не видал я
людей, мой свет, моя звезда.

Люблю прекрасных, сильных, дружных...
В ночи, в летании волшбы,
услышу шорох крыл воздушных.
Яснее станет лик судьбы.

Не за секундою конечной
в удачу обернётся даль,
мгновенье превратится в вечность,
а в свет надежды — скорбь, печаль...

1981

ВЕСНОЙ

Луна смеялась, звёзды пели.
Кругом давно уж ночь была.
Луна цвела, я оробело
на диск глядел. Луна плыла,
то появляясь, то скрываясь,
как чайка — странница морей,
как звонкое очарованье
далёкой юности моей,
как тихое напоминанье
о глухости осенних дней.
Плыла, и стало мне теплей.
Тебя одну лишь вспоминал я.
Я до сих пор тебя люблю.
Я до сих пор себя ловлю
на мысли: это не луна
светила ночью, а она
русалкою на дне купалась,
беззвучно пела над водой.
И мне казалось, мне казалось:
я всё такой же молодой!

1981

БОЛЬ

Памяти Алексея Галвира

Всё и слышу, и вижу. Я в мире
без него сирота, но не розно
прохожу... В дом приду. А в квартире
друга нет. И не будет. Я вздрогну.

Будто кто-то присутствует,
вздохи, стоны и всхлипы
не истаивают; чувствую:
наваждение липнет.

Время до той поры протекало
и надежно, и ровно, а в горести
располовинилось, в душу вкралось
ощущение пропасти.

Заскорбело внутри и всё ссохлось.
Иссушило слезу, плакать нечем.
Что в провальной-то темени зоркость?
Что слеза? И к чему этот вечер?

Друг любимый и неповторимый,
в небе звёздочка ли замерцала,
я зову, я шепчу твоё имя,
и ищу тебя там, в звёздной дали...

1981

ЗАВИСТЬ

Случайно как-то похвалил
меня при всех поэт народный,
мелькнула сразу же вдали
над другом зависть — дьявол чёрный.

Я видел: он вошел в него,
всё в нём взорвал, переиначил
и не оставил ничего —
друг выпивать, чудачить начал.

Пришлось ему себя предать,
потом меня, потом сто женщин
и сто мужчин, отца и мать,
а зависти не стало меньше.

С того безрадостного дня
страстей разгул друзей халтурных
не утихал вокруг меня
да и вокруг литературы.

Но реки не вернулись вспять.
Шумят деревья, свищут птицы.
И я не перестал дышать —
мой древний род не прекратился.

Был запрещён, потом сожжён
мой сборничек — стихов жилище,
с ума я всё же не сошёл,
здоров стоял над пепелищем.

С поста уйти был принуждён,
навек разлучён с любимой,
но для того ли я рождён,
чтоб сгинуть в прах непоправимо?!

Кто сколько грязи бы не лил,
не спрячусь в логово, не дрогну,
уж не поэт, а глас народный
чтоб не случайно похвалил.

1981

БЕЛЫЕ ДНИ

Белые дни, от инея белые,
белою тенью мелькают, беспечные;
их вереница, как белые лебеди,
с криком немим отлетает; я — в трепете.

Что вслед сказать — совершенно не знаю,
вместе со стаей летаю и маюсь.
Что же душа? В ней метельно, в ней выюжно.
Ей от мгновений тех белых недужно.

Сердце надсадно, испуганно бьётся.
Стая летит, чёрным вороном вьётся.
Что же случилось? В тревоге смертельной я,
белые дни, о дни белые, белые?!

Савана нету у нас, нету; слава нам;
мы хоронили, хороним без савана.
Что же тогда, что же так сатанеет он —
отсвет его, отсвет савана этого?

Лезет в глаза белым дымом мне, в душу.
Что же с того? Лезет? Пусть. Мир не рушится.
Белые дни; ну и что же что белые;
пусть себе мчатся, спешат, очумелые.

1982

ПО ЖИЗНИ

Как шальной, огорошенно
я по жизни бегу.
Что же было хорошего
у меня на веку?

Снег был, свет, воздух синий,
и вода, и трава,
звон осины осенний —
золотая листва.

Слава требует риска.
Жизнь в бесславье верней.
Кроме ругани, крика
что запомнил я в ней?

Я запомнил слезинку
у цветка на заре,
у ребёнка росинку
на щеке во дворе.

Жизнь промчится, затихнет,
оборвётся струной.
Дождик частый нависнет
над родной стороной.

Надо мной будут литься
тихо слёзы дождя.
Вне меня будет биться
сердце мира, друзья.

К жизни нету претензий.
И готов я сполна
при таком интересе
всё отдать, всё понять.

Не виню, не ругаю,
пусть ругают меня,
всё равно — я считаю —
удалась жизнь моя.

1982

* * *

О милые, дальние дали,
лежащая в тьме тишина,
в смирении и в печали
невестится ваша весна.

Весенние сумерки лунные
грустят, но грустить не велят.
Из сумерек девушка юная
глядит и глядит на меня.

И сумрак, и облик не тают.
Пусть годы вернуть не дано,
я радостно грежу, плутаю
в пределах, где нас нет давно.

И пусть сей обман дольше длится,
пусть радуется сердце и грудь,
и вдруг золотой вереницей
покажется жизненный путь.

1982

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Несбыточной в дорогах дальних
не будет пусть мечта моя.
Я не нашёл любви в скитаньях,
заплакал как ребёнок я.
А сердце слёз не принимало,
и заблуждение всё ясней:
я сердцу не внимал нимало,
внимая рассказням друзей.

Пылимся мы в дорогах дальних,
стремленья к правде не тая.
Я правды не нашёл в скитаньях,
и кровь разгневалась моя.
Лишь сердце правду понимало,
и заблуждение всё ясней:
я сердцу не внимал нимало,
внимая рассказням друзей.

1984

КУДА?

Не скажу, что беды не боюсь,
но скажу, что частенько встречаюсь с бедою,
сколько б их ни нависло, борюсь,
каждый раз содрогаясь душой перед боем.

Вот опять острой болью висит.
Миг — и вся навалится, всего взбудоражит.
Знаю я: нелегко сердцу чуткому жить.
Знаю и не сдаюсь, изводясь в каждом разе.

Не черстветь, обновляться — девиз
тех, кто хочет борьбой и в борьбе очищаться.
Где растёт он, в слезах иль в крови?
Без него нет любви, без любви нет и счастья.

Лишь в любви откровенья исток.
Жизнь бессмысленна, без откровения если.
И борьба есть святыня. О том —
песнь моя, о любви сокровенная песня.

Вот и всё. Вроде мудрость проста.
Но не просто всё так, друг, на самом-то деле.
Пусть — борьба, но куда, но куда на пределе
так пронзительно мчимся, куда?!

1985

ТРЕВОЖНО

Тревожно душе, ох тревожно.
Над ней вновь густеет гроза.
Её отогнать невозможно
и поздно вернуться назад.

Ревнители, прячете правду.
Без правды как жизнь нам прожить?
Исчадья незримого ада.
Не соколы духа, ужи.

Исчадия тьмы и тумана,
безвременья подлецы,
исчезну — бояться не стану
я вас, оголтелые псы.

Как ловко вы прячете совесть
не только от нас, от себя.
Вы нищи, бессовестны то есть,
от вас отрекусь вовсе я.

Нет вас кроме вас и не будет.
Вы лживы насквозь, навсегда.
И маску с обличья не будни
сорвут, а сорвёт лишь беда.

Тогда уж не спрячетесь, дудки,
тут спрятать нельзя ничего.
Лишь славные, сильные духом
властителем будут всего.

Бледнеете? Зло говорите?
Искусно скрываете дрожь:
«Не слишком ли храбр ты, воитель,
опасно, на риск ведь идёшь?»

О том же и голос был свыше.
Ответил я тихо ему:
«На риск я осознанно вышел,
осознанно смерть приму».

1985

НЕОЖИДАННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Кто думал: жизнь всего лишь миг —
зажглась и пролетела.
Был неизведан мною мир,
и к небу шаг не сделан.

Погасла падавшей звездой.
Никто в том не повинен.
Я был как знак иль звук пустой
не сбывшейся судьбины.

Бедой безлюдье было мне.
Людишек хоть и много,
отзывчивых, сердечных нет.
Они гнушались мною.

Одних знакомцев я любил,
друзьям предпочитая.
У них без тайной мысли пыл,
друзья — вражду питают.

Детей любил, собак и птиц,
любовь к ним долговечна.
А в юности — срамных девиц, —
нет тварей человечней.

Не жду, что скажут: не забыт,
спасён ты предстоящим,
ведь не был поднят я в зенит
мгновеньем уходящим...

1985

УТРАТЫ

Бескорыстно мы жили; и силу, и удаль
мы выказывать смели в пути, на ходу.
А роднее дней наших что будет, что будет?
Ведь, овеяны смертной тоской, дни уйдут.

Своеволье утрат, как злодей поневоле,
не оставит в покое, спокойно, без зла
будет бить, и нам станет до крайности больно.
Нас обнимет внутри пустота и разлад.

Как же быть, если всюду утраты, утраты,
если жизнь вроде как и не жизнь без утрат?
Но утраты бесстрастны; им рады не рады,
злое дело своё всё творят и творят.

Нет управы на них, нет обиды, напрасно
обижаться на ветер, на гром иль на снег.
Как управишься с ними? Ведь то и прекрасно,
что свободны они и вольны на разбег.

Без утрат жизнь не в жизнь. Ах, утраты, утраты...
Я — предчувствие горя, страданья. Я — боль.
Не застигнутый вами несчастен стократ я,
а застигнутый вами несчастен не столь...

1985

* * *

Свет солнца, божественный свет,
люблю тебя: свет есть любовь,
любовь это бог, и когда её нет,
мы сиры и жалки, оставил нас бог.

Без бога в душе человек
и не человек, и не зверь.
Уж лучше нам быть без царя в голове,
чем тёмным, безумным быть скопом, поверь.

Вожу вот дрожащей рукой
и вижу: гласят письма
о нашей с тобою судьбе роковой,
о нашем с тобою пути, временах.

И если истопчут в пути,
на этой кремнистой тропе,
о, солнце, свети ты и не уходи,
ты вечно нам пой на своей на трубе...

1989

У ПАМЯТНИКА

Поклон тебе, Мишши, за жгучесть слова,
за огненное сердце, светлый ум,
за то, что в жизни снова ты и снова
приходишь к нам — властитель наших дум.

Какие б ни гуляли ныне ветры,
какие б ни теснили времена,
для нас ты как маяк, как символ веры,
и в нас душа твоя растворена.

Нам, юношам годов иных, в тумане
лишившимся всех радостей земли,
всё чудятся подснежники и маки,
что «позапрошлым летом расцвели».

Вы не грустите, ветлы и берёзы!
В свой Шубашкар через преграды лет
пробился всё же, вылитый из бронзы,
навечно возвратился наш поэт!

И, чувствуя законность ту, по праву,
у всех чувашей в сердце — торжество.
Мертвы, забыты перед этой славой
бесславные гонители его!

И, видя, как нас ловко гонят в сети,
обида не прощая никому,
мы молимся тебе, как богу, Сеспель,
великому поэту своему!

1989, май.

* * *

Кто сказал: ах, ты Русь зоревая?
Я скажу: ах, Чувашия-край,
твои боги, меня опекая,
опекали крамольника, знай.

Нас держали и держат за горло
благодетели разных времён.
Наг и нищ мой народ; холод, голод
под литавры всегда терпит он.

Непогода духовного гнёта
многих к петле, к вину привела.
Скорбный дух мой и бьётся, и гнётся,
но сломалась душа, извелась.

Я теперь уж не верю в ваш гений,
я не верю теперь в палачей,
в сатанински уродливых генах
не ищу уже «счастья ключей».

Сильных, умных ведут в заточенье
иль — в снега, на задворки страны.
Заскорuzлых людишек круженье
и верченье вам в радость даны.

Ещё долго, от края до края,
будет помниться ваша чума.
Ах, не надо мне вашего рая,
сыт по горло, он хуже, чем ад.

1989

МОЙ ГОЛОС

Ведь было время, было шумно
в садах поэзии подчас,
не то теперь: о том прошу мне
напомнить, время, лишний раз.

Мой голос, голос молодого,
летающий из глубин годов,
ведь сохранился он и снова
как юный зазвучать готов.

Ты светел был, правдив, мой голос,
и тусклым быть не мог, не мог,
и нёс меня на крыльях, то есть
грудь будоражил, горло жёг.

Отчалив, от себя уйдёшь ли,
ушёл бы к берегам иным.
Отчаявшись, уйдёшь, уж точно,
я не ушёл, тобой храним.

Прости, созвучье «Ориноко»,
прости, о время, не готов,
но голос слышу одинокий,
летающий из глубин веков...

1990

* * *

Становлюсь угрюмым, деревянным,
но подруге это всё равно,
матерится громко — уши вянут, —
пьёт со мною горькое вино.

Даже стены в вековом раздумье
понимают, кажется, меня.
Эта — нет. Насилует. В безумье
лезет — сука — среди бела дня.

Из деревни в этот славный город
я пришёл за славой — херувим.
Разожглись кровавые раздоры —
стали гнуть меня, ломать, травить.

Уезжают из родного дома
сотни тысяч чуть ли в никуда.
На полях не убрана солома,
на путях застыли поезда.

Так всегда, ничто не изменилось,
вот и пьём мы бешенства вино.
Я — разрушен, лопаются жилы,
а подруге это всё равно.

1990

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Двадцатый век счастливым кто назвал?
Не тот, кто мир весь принял за болвана?
Никто, нигде и никогда не знал
подобного всемирного обмана.

С великой истиной связав судьбу,
кому доверились, чему, о боги?!
Куда мы шли, куда пришли? Забудь.
Как фантастично это и убого.

В духовную свободу, в благодать
стремились, а была дорога наша
дорогой в никуда, да, в никуда,
где ни штанов, ни песен и ни каши.

Считали сдуру подвигом свой путь,
и занимались самоистреблением.
И наш экономический абсурд
всем объявляли сказочным явлением.

Живёт в коммунистическом раю
народ без совести, без угрызений,
без внутренних духовных потрясений,
живёт... у бездны мрачной на краю.

1990

ВЕСЕЛЬЕ В СЕБЕ

Заботы гнетущие строги.
Суть жизни искали мы в чём?
Единственный смысл и уроки
и правду отколь извлечём?

Свет ласковый нас озаряет.
Прелестное веретено,
прядущее музыку рая,
в медлительность приведено.

От этого вспыхнет реальность,
которую ни осязать,
ни видеть нельзя, но как данность
она несомненна, друзья.

Знаменьем, залогом и знаком
нюансы всех дивных тонов
пребудут — и я одним махом
в рай чувств перебраться готов.

Веселье в себе для поэта
на этой на грустной земле
единственно стоящим цветом
является тысячи лет...

1990

ШОПЕН

Интимно и меланхолично
под этот ручей переливный
таинственных звуков лиричных
предчувствую радостный ливень —
стихий торжество в моём сердце,
бушующих несказанно
светло и прекрасно и странно;
предчувствую: он — пронесётся;
и скоро потом приутихнет,
затихнет совсем и покинет
меня, моё сердце тот ливень
под этот ручей переливный...

1990

ИГРАЮТ ШОПЕНА

То ли играют Шопена,
то ли мы сами Шопен,
так хорошо нам, что время
будто бы без перемен.

Слаще мне скрипки старинной,
слаще вина, денег, шлюх
музыка родины милой —
шорох дождя, ветра шум.

Шелест листвы, вод сиянье,
птица, летящая в ночь,
тихое неба мерцанье,
боль, уходящая прочь.

Нежно, таинственно, сильно
взят был навечно в полон,
всюду с собою носил я
звуков чудеснейших звон.

Сердцу открытому рано
стало защитой, как щит,
всё, что душевные раны
так исцеляет, шадит.

...Так отдыхает, приходит
сердце в себя и душа, —
всякая горечь проходит,
твёрже становится шаг.

1990

* * *

В себе чувствуя свет,
выход верный и радостный знаю:
это — бог и рассвет;
я им душу в стихах открываю.

В себе чувствуя грязь,
ухожу утром к богу аллеей.
И тут, с глазу на глаз,
скорбно, ласково смотрит, жалея.

Изменился весь мир.
Вдруг открылась, светя чрезвычайно,
на какой-то на миг
бытия сокровенная тайна.

1991

АЙГИ

Все евреи любят Мандельштама,
Пастернака любят и Айги,
но Айги ведь не семит местами,
даже вовсе не семит Айги.

А французы любят Сю, Ростана,
Арагона любят и Айги,
но Айги ведь не француз местами,
даже вовсе не француз Айги.

А Россия любит в вольном стане
Льва Толстого, Пушкина, Айги,
но Айги ведь не русак местами,
даже вовсе не русак Айги.

Все чувашаи любят Иванова,
любят Сеспеля, а не Айги,
но Айги ведь не чуваш давно ли,
даже если и чуваш Айги...

1991

ЛИСИН

У Лисина повадки лисьи,
мне говорили, я — не внял,
среди иллюзий и коллизий
был созерцателен и вял.

Униженно и оскорблённо —
гонимым он тогда предстал.
Его я слушал удивлённо
не оттого, что я простака.

Помог в беде по-христиански,
за что был властью так зажат,
что до сих пор смертельно, адски
гудит башка, болит душа.

Душила власть и измывалась
и... пала, новая теперь,
но много хуже оказалась —
пуста, мелка; нет сил терпеть.

Своекорыстных охлократов
избрали на свою беду —
шныряют крысы-депутаты,
кусок хватают на ходу.

Тогда никто не заступался
за Лисина, пугал навет,
сейчас он в славе стал плескаться,
ему хвалу поёт весь свет.

За помощь дураком обозван
я был им тотчас в кабаке,
но а сейчас вот на хуй послан —
у новой власти в кулаке.

Среди иллюзий и коллизий
один и вправду я дурак.
У Лисина повадки лисьи,
твердят... о, если б только так!

1991

СЕНИЭЛЬ

Сениэль отколь? Из Зурбагана?
Что вы? Из деревни Саврашбусь.
Жизнь свою прожил почти погано,
то есть скверно — вот какой он гусь.

С детства занимался стихотворством
(делом заниматься не умел);
проявив завидное упорство,
в первые ряды попасть сумел.

Первый ряд не каждому даётся,
первым быть — обречь себя на казнь.
Первый ты? А мы тебя, уродца,
вмиг загоним в щель, чтоб — раз и квас!

Даже и последним там не будешь.
Так уделаем — ты понял, нет? —
что такое ряд навек забудешь.
Вот так вот... Покедова. Привет.

Да... Но сын чувашского народа,
парень из деревни Саврашбусь,
Сениэль — тарханского он рода.
Гордая порода, сволочь. Гусь.

1991

А.С. ГРИН

В Крыму, не в граде Старый Крым,
где прах покоится фантаста,
а в Евпатории двадцатых
творил наш Сеспель-пилигрим.

Нет, Сеспель, не двойник я вам,
но рифмоплёт довольно смелый,
я — из когорты Сениэлей,
я — из «Бегущей по волнам».

Тогда любил, сейчас люблю
и до скончания дней, пожалуй,
любить я буду Парус Алый —
себя всегда на том ловлю.

Звучит похоже «Сене Эль»,
то бишь — Край Новый, обновлённый,
весьма коммуной опалённый,
со словом звучным «Сениэль».

Вот и готов мой псевдоним.
Я пред тобой в долгу, Гринёвский,
то бишь — балда, моряк хреновский,
волшебник слова А.С. Грин.

Мечтатель вечный, не педант,
ты не отсюда, а оттуда,
бежит по свету — морю чуда —
душа поэта Фрези Грант.

На бездну не боясь ступить,
она одна всё видит, слышит
кто чем живёт и кто чем дышит,
поймёт вас сразу без обид.

И надо б каждого понять,
увидеть чтоб, вникая строго,
невидимого в нас как много.
Не скалься, смертный, — не паяц.

Сосед идёт, и ты иди.
Все как бы собрались на вече.
Друзья! О люди, добрый вечер!
Не скучно ль, не темно ль в пути?

Нет, ждёт нас девушка Ассоль.
Мне, рыцарю мечты, не ново
вдыхать и самому жизнь в слово,
но не туман Она, не сон.

Мы зря ль фантазией горим!
Да ведь Ассоль же — наши души,
которые тлен не разрушит.
И будет вечен Старый Крым...

1991

КОРАБЛИ

Вы пришли из Зурбагана, Лисса,
из Гель-Гью и Каперны пришли
в гавани моей мечты и риска,
юности моей волшебство — корабли.

Бригантины, бриги и фрегаты
мчались в грёзы на всех парусах
в штиль и бури, песнями богаты,
кои и сегодня на устах.

Чайка-горе — эдакая птичка —
голосит над бездною морской.
И наивны мы, и поэтичны,
но зато крылаты и — с душой.

И сегодня, в этот летний вечер,
ровная пусть бродит полутень,
пусть печален мир, мечта на свете
дорога мне, как весенний день.

В горестях, в печали и тревоге
пусть сберечь мы душу не смогли,
всё ж идут к нам и идут, как боги,
юности моей волшебство — корабли...

1991

ОБЛАКА

Сон... Предрассветные облака...
Белые плывут фрегаты...
Счастье предошущает гад
так же, как и другие гады.

Хочется в грёзах этих мне
чутьочку ещё понежиться.
Чуда я жду в тишине,
плачет по нём душа-грешница.

Ночь на исходе... Пронзит
перед рассветом — обещано —
мир весь, музыкой зазвенит
благая весть, не зловещая.

Весть? Но о чём? И к чему
эти зывают видения?
Плачу я отчего? Почему
сладко всё и блаженно? Не гений я.

Сон... Предрассветные облака...
Пусть засветятся неудержимо.
Дух мой гордый, куда и как
ты устремляешься, скажи мне?

1991

ИЗ ТЬМЫ...

Не футурист я, не антихрист,
то бишь нисколько не фашист.
И я не коммунист, а тихий,
простой поэт; я свеж и чист —
не демократ-авангардист.

Я — не Айги, не Маринетти
и не Софронов; болтовню
мои стихи не признают.
И если те их жгли, то эти
морозят, душат на корню.

Мне пакостны всех видов «измы»,
чья цель, как понял я, — надуть
народы; звать, дудя в дуду,
иль к рынку, или к коммунизму.
Я не пошёл и не пойду.

Чего я не хочу — я знаю,
чего хочу — не знаю, нет.
И будущее наше — вне,
над хаосом, от партий с краю,
совсем не здесь, а в стороне.

«Изм» — преходящ, искусство — вечно,
политика — зловещий мрак,
а мрак поэту — злейший враг.
О, солнце, шлю привет сердечный
тебе из тьмы. Я жив. Я рад.

1991

ЗАЩИТА ДУШИ

На свете свободен лишь бог,
а то, что свободен сын божий —
легенда; а то, что — сапожник,
художник, поэт иль любой
из смертных, то — слух просто ложный.

Что есть злоба дня? Жизнь народа.
Что — мелочи жизни? Жизнь, жизнь!
Так, значит, поэт, жми, держись!
Но все мы ведь разного рода,
иной, сморщив рыло, бежит.

Где твой кислород, современность? —
спеша, вопрошает хитрец,
себя от «микробов» через
предательство, ложь и неверность
спасает — не бард, а делец.

И так защищает он душу
свободную; но — для кого?
Для тех «европейцев», чьего
куска удостоится тут же.
Ублюдок. Не боле того.

Для особей, бросивших почву —
язык и культуру, народ;
для бросивших Родину, род
иль их не имевших, чей почерк
всегда одинаков, суров.

Путём разложения разрушить,
но не создавать — вот закон
у «граждан вселенной». Знаком?
Кто против пойдёт и нарушит,
тот уж не жилец, смертник он.

Ища элитарность, негений,
ты есть эгоист, славолюб;
абстрактно творя словоблуд,
о чём же в пространстве, среди теней
бормочешь? О чём? Зол и лют?

Бездарность не скрыть. Выпирает.
И бред твой разгадан давно.
Бескрылым взлететь не дано.
Безжизненный смысл умирает,
хоть и «авангард» — всё равно.

Предательство есть не защита
души, это — подлость, обман.
Немного тут нужно ума.
Не нужно и в Прагу тащиться
иль в лондонский зябкий туман.

Свобода! Какие напасти
страну ожидают среди сил?
А ты уж свободу убил —
расчётливой сумрачной касте
продался и душу сгубил.

1991

* * *

И те, и эти есть на свете,
все очень любят поднажать:
иль бьют, иль режут без ножа —
не по душе и те, и эти,
не принимает их душа.

От пули умер, с голодухи,
где разница-то? Смерть есть смерть.
Не прыгай, все твердят, не смей!
И о каком свободном духе
могла бы тут возникнуть речь?

Ты в чём повинен, работяга,
перед всевышним и судьбой?
О, как смеются над тобой,
мордуют, обзывая всяко.
И кто? Весь сброд нетрудовой.

А к власти рвутся дилетанты,
точнее — горлодралы. Да.
Им по херу твоя нужда.
Грабители! Вот там-то, там-то,
дорвавшись, жрут тебя... Беда!

1991

* * *

И чувства остыли, и мыслей не стало,
и как-то пустынно, и как-то темно,
а в сердце от грусти, от воронов стаи,
от крыльев бесчисленных, от шума черно.

Я вроде нормальный, я вроде не блудный,
и вроде читают, и вроде поют,
так что же, так что же мне люди как будто
писать разрешают, а жить не дают?

Так как же? Так что же? Что жизни есть выше?
О сердце! О люди! Назло не умру.
Да я ведь ни разу не пробовал выжить,
ни разу, ни разу — живя на миру...

1991

В НОЧИ...

Лампада возжена. Горит моя лампада
среди тишины в ночи, и за окном — туман,
в тумане — фонари. Душа моя без лада,
разлад в ней, хочет, чтоб был сладостный обман.

Сижу. И вот себя привёл я в настроенье,
душою грежу, и мечтаю, и горю.
И дух ликует мой, и сердце в упоенье:
«Везёт же мне!» — я вдохновенно говорю.

Не старость это, думаю, пока не старость,
хоть время и ведёт исправно свой учёт.
Быть может, преждевременно пришла усталость —
чуть, малость, повисит, побудет и уйдёт.

Не зря же смог вернуть былых видений чудо,
и женщина мечты стоит передо мной.
И, не боясь греха, намёков, пересуда,
лелею и люблю в ночи сей образ мой.

Как истинный поэт, всегда хочу не прятать
и мысли, и слова, и чувства, и мечты.
На языке богов я воспою ту радость
и женщину мою — нездешней красоты...

1992

О, РАВВИ...

Жду всю жизнь: вот придёт человек
и заглянет мне в душу, увидит
всё, что есть в том моём существе,
в те моменты, когда больше всех
нахожусь ближе к богу — провидец.

Я душою бессмертен, велик
в те моменты — так мало кто пожил —
и куда б пути ни завели,
опознаю его светлый лик,
прошепчу: «О, равви, ты — сын божий».

Но, увы, не придёт человек,
не заглянет мне в душу; богатство —
всё, что зреет в моём существе —
унесёт скоро времени ветер,
и останусь пустым я — болтаться.

1992

* * *

Растерянность. И голод, и распад...
И кажется, что вынут некий стержень.
Всё рушится. Была держава. Где же
она теперь? Где цель? Где грёзы спят?

До грёз ли... От всего теперь отказ.
Тянул я свою лямку ежечасно
и ежедневно — к лучшей доле, счастью;
мечтал увидеть их хотя бы раз.

Труды мои, надежды, всё — тщета.
Идёт всё прахом. И зачем живу я?
В стране свирепствует, надменно торжествуя,
физически, духовно... нищета.

Блажен ли нищий духом? Не блажен.
И в сердце храма сроду не построит,
построит на земле. Чего ж храм будет стоять?
Да ничего. И будет он сожжён...

1992

* * *

Жил ли я? Не жил, а выживал.
Вот опять пуста моя тарелка,
пуст карман, нет денег у поэта,
впрочем нет их и у вышибал —
перестройка, перепалка, перестрелка.

Я не вышибала, не монтёр,
не таксист, не «мусор», пасть закрой-ка,
пасть порву, я, милый, не шахтёр,
и не тайный муж, не сутенёр —
в перестрелке, в перепалке, в перестройке.

Главное — не вор, не спекулянт,
важно именуемые, эка,
бизнесменом. Не грабитель века.
Смерть голодную мне за стихи сулят
перестройка, перепалка, перестрелка.

1992

У ВХОДА

...у гробового входа...

А.С. Пушкин

Смутно время. Сумрачна душа.
Безнадёжна. Мертвый свет у Входа
кружит уж. И мрак, и непогода
тоже — в этом сумраке — кружат.
Суть моя чуть теплится, дрожит
и ничем уже не дорожит.
И как будто: вот он — час исхода;
вот он — я, которому не жить.

Не прозренья ль тайны ты несёшь,
сумрак мой? В природе растворяясь,
покидаем мир. В ворота рая
как войдём, постигнем сразу всё.
А пока о чём мне петь, о чём?
Не о том, что всё нам нипочём?
...На прощанье воя в час исхода,
воем мы у Входа ни о чём.

1992

ВЕРХУШКА

Ах, ты, шатия, ты, братия, вся обрусевшая;
ах, верхушечка ты наша разжиревшая,
середь русской знати всё шатаешься,
нас и за людей-то не считаешь ты.

Нету, вишь, от коренных чувашей толку.
Терпишь нас поскольку и постольку.
Знатным людям наши речи неприятны —
вид наш раздражает, голос бесит, вероятно.

Брат по духу и судьбе вот горе мыкает,
голодовку держит, а манкурт мне в рожу тыкает,
мол, неправ чувашин, сам во всё и виноват он,
и поэтому вину всю на себя брать надо.

Я, всю жизнь свою теснимый и гонимый,
говорю тебе, мерзавец, благодетель мнимый,
ты, премьер ли, кто ли, всё одно: грабитель,
наших душ нетвёрдых отравитель.

Глядя на тебя, бормочут как в психушке:
«Сгинь, язык чувашский, чтоб я стал верхушкой.
В гроб загнав, чувашский дух рассеяв,
ты вовек над нами будь, Рассея...».

1992

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Игорю Северянину

Ведь срам какой! Всё хуже жизнь и хуже!
Куда нам дальше — на краю почти?!
Поэтов истинных не читит верхушка,
тем самым и себя она не читит.

Признав себя, великого поэта
признать не удосужившись, шуты
и на себя накладывают вето
к признанию — псы безделья и тщеты.

О Северянин, как ты прав, о гений!
Правительством назвать возможно ль их?!
Кругом всё голодно, криминогенно, —
не созидать, а рушить все взялись.

Правительством назвавшись, дым пустили
в глаза нам, простакам; но должна пасть
позорно эта власть в народном стиле;
по правде — никакая и не власть.

Народ российский, видимо, ты спятил —
и не мечтаешь уж о днях иных.
Народ чувашский, выходи из спячки
и заступись за гениев своих...

1992

* * *

Бывает час, свободы час —
ото всего освобождаясь,
идёшь ты в сторону заката,
где в травах — жимолость и мята,
в оврагах — тишь и неба часть.

Уходит день, прощай, прощай!
Уж лето позднее, не май,
мгновенье гонит за мгновеньем;
и вечера прикосновенье
мой в тень окутывает край.

Жизнь убывает... Ах, друзья,
и грусть знавал, и радость я.
Что вам сказать мне на прощанье?
Вы не сдержали обещанья,
лишившись к верности чутья.

Вы бросили меня. Ну что ж?
Я рад — на вас я не похож.
Прощайте! Темноты и света
на грани говорю, ответа
не жду ничуть, привета — тож.

...Затихли звуки в царстве бед,
исчез и свет, далёкий свет,
упал в короткой схватке с мраком.
Стою в предчувствии напрасном.
Гляжу туда, где света нет...

1993

ЧАСЫ ПРОЗРЕНИЙ

Николаю Пейкову

Спешили всё куда-то, суетились.
Куда? Зачем? Кто знает. Никуда.
Все, внешне современниками числясь,
душою жили в прошлых городах
и грезили... о будущем величьи
булгар и всей булгарской стороны.
Меня с ума сводил моей страны
неповторимый аромат столичный.

Нас много было, мы не знали это,
теперь вот знаем, хочешь — сообщу?
И свет от тени, истину от бреда,
ярмо от воли разом отличу.
Вернуться к прошлому вполне созрели,
и наши помыслы чисты, чисты.
Пришли к нам наконец часы прозрений,
ничем не заменимые часы...

1993

У СВЯТОГО КЛЮЧА

В мгле столетий обычай возник...
Летом, в симеке, пращуры наши
со всех мест шли к Биляру — чувашаи.
Под горою Биляра — родник.

Поклонялись ему и молились.
В жертву живность воде приносилась.
Пепелищу родному клялись,
что внутри у них есть ещё сила —
супостатам войну объявить.

Умывались и брали с собой
и хранили весь год как лекарство,
обходились они без знахарства —
все болезни лечили водой.

Сим примером и русы пленились,
и татары тут не поленились,
стали все поклоняться, лечить.
Их чувашаи всегда сторонились,
чтобы с гордостью в даль отходить.

Это — дух. Был убит, но воскрес.
И шумит, и журчит, бьёт, клокочет.
Потому и святой. Он не хочет,
чтоб его проклинали с небес...

1993

НА БИЛЯР-ГОРЕ

Андреяну Николаеву

Исчезли века и империи.
Не таяло в небе облачко пыли.
Шуршали листы и скрипели перья.
И орлы надо всем парили, парили.

Век за веком! О, лиц вереница!
От шумеров ли в гунны уходим,
иль из гуннов в болгар превратимся,
род свой древний от смерти уводим.

Люд простой! Предводители! Воины!
Эй, сувары-булгары, чувашаи,
ведь украдены были, присвоены
все пути ваши, чаянья ваши.

Их крадут и поныне... Удары
враг наносит нам в самую душу.
Не сумеет истребить нас, татары
отнимают историю, рушат.

Без истории кто мы? Не нация.
Не народ... Оманкуртить хотят враз
и рассеять, рассеять... В протрацию
всех ввести, чтоб топить как котят нас.

Притерпелись, што ль, сжились мы с болью?!
Иль в бессилье ртом воздух хватаем?
С гордым духом и с гордой любовью,
как орлы, то не мы ли витаем?

Мы! Лишь с виду — йываш,
то есть смиренный,
а внутри мы — чуваш!
Мы! Всемирно!

1993

ВАЛЕМ ХУЗЯ

Почитаемый всё время
среди болгар как царь-патша,
был он шейх, философ древний,
Валем — Маалюм Ходжа.
Был заступник и вожак.

Вождь духовный культ ислама
насаждал, как Магомет,
ревностно, умело, славно,
стал святым отцом тех лет.
Дух его есть киреметь.

Почитание умерших
в почитание святых
мусульманских, околешших,
превратилось для одних,
для других — в удар под дых.

Но в накладе те и эти
не остались — божество
более семи столетий
в душах светочем живёт,
всё к добру, к добру зовёт.

У Святого где могила?
На Биляр-горе, друзья.
Духом бесподобной силы
обладал Валем Хузя —
богатырь! Ни дать ни взять.

1993

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Когда, сверкая бледными лучами,
и на меня луна роняет луч,
когда я замолчу и слушаю молчанье,
ища в нём обещанье, нежность, грусть,
тогда услышу яркое звучанье
неслышных песен ночи, скорбных пусть.

Тогда незримые увижу тени.
Они, храня наследие времён,
живут донныне, как на самом деле;
незыблемость традиций — их закон.
Века, тысячелетья пролетели —
мой буйный, сильный род был сохранён.

Ну а теперь? Куда ж теперь? И как же
всё понимать: остыла кровь, душа?
Ума не стало? Где ответ? Кто скажет?
Объятые недугом, мельтешат
потомки гуннов — поколение наше:
из рая в рай, проклятые, спешат...

1993

СПИТ КАМА...

Спит Кама ночью, тихо дремлет.
На устье пала тишина.
Как погляжу на ширь я, трепет —
на сердце... Кама тихо дремлет,
и в дрёме музыка слышна.

То — юность тайно мне играет
на скрипке из глубин годов
о счастье... Сердце замирает...
Так тонко музыка играет...
И я вновь юным стать готов.

Спит Кама, на воде — дорожка
от светлой, яростной луны.
Уйду я. Постою немножко
и удалюсь... Прощай, дорожка.
Прощай, простор. Прощайте, сны...

Но скрипка так же всё играет.
Стою, как перст, я на юру.
От счастья сердце замирает.
Так свято музыка играет.
И я — живу. Я — не умру...

1993

У КОСТРА

Мяётся ум, душа устала,
повелевает ими страх.
Я побелевшими устами
шепчу проклятья у костра.

Что ни возьми — уныло, косно,
и застит разум, как туман.
Быть может, рано, может, поздно
встряхнуться всё ж удастся нам?

Над головою — дождь и ветры.
Как осень, память — в голове.
Сомненья погубили веру,
что не забуду я вовек.

Лишь беды, беды — в мраке ночи;
и в свете дня добра не жди.
Отпущено судьбой немного
мне лет, я чую, впереди.

Умру, и в мире пусто станет,
не будет больше ничего...
Я — у себя: я — в Татарстане.
Дождь перестал. Рассвет — вот-вот.

1993

ТОСКА ПО СЕСПЕЛЮ

Зарыт был как собака, плакать хочется, —
сказали: потерял товарный вид.
В дух переплавившись, телесно кончился —
сказали: удавился от обид.

Нет, не повешусь я — уж пусть повесят.
Не застрелюсь — пусть расстреляют. Пусть
оповестят по городам и весям,
что не смогли меня убить тоска и грусть.

Но как тоскую по тебе, о пламень,
пожравший Сеспеля, о ад сплошной
в нём разыгравшийся! Твержу упрямо:
«Ах, мне бы это всё», и — сам не свой.

Завидная судьба: уйдя как Иус,
не уходить, а оставаться навсегда
здесь на земле, что смертным только снится
и не осуществится никогда.

Судьба моя, за светлыми холмами
высокий юноша вселенной к нам
идёт, и побиваем мы камнями
ещё в пути его. О, стыд и срам!

Тоскую по светлейшему, о Сеспель,
и говорю ему: приди, не уходи.
Меж зла нам и добра смиренно сесть бы,
но человек не хочет — туп и дик.

Чуть зазевайся, запросто повесит,
слух пустит: удавился от тоски.
...Все ль знаете по городам и весям:
не умер Сеспель, Сеспель только спит?!

И спит он, как вулкан, как Этна, как Везувий,
в чувашских генах, богом не забыт.
Сыграли шутку с ним и бытие, и быт;
но как проснётся — будет всех грозовой
уж тот, кто как собака был зарыт...

1993

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

Нас со света сживали вы —
жгли, убивали, морили —
и удивлялись: «Они нас не любят».

Нас ослепили —
и с отвращеньем шипели:
«Слепые чувашки».

Нас лишали всего, обирали до нитки,
и с отвращеньем бубнили:
«Скупые чувашки».

В болезнях, без еды, без одёжки,
мы мёрли иль плохо росли.
Вы с отвращеньем, наглея, кричали:
«Ублюдки! Киреметники!»

Мы жили в своих оврагах
и дрожали, молясь, —
вымидали.

Вымирая, мы пели
сто тысяч своих песен;
вымирая, вышивали
сто тысяч своих вышивок —

при лучине.

В них мы рассказывали:

о боге, который нас забыл;
о друзьях, которые нас бросили;
о врагах, которые нас окружили
и — душат.

И... —

о красоте мироздания.

...Во все времена
мы трудились неистово,
и это спасло нас.

Что уж тут обижаться:
да, не любим мы вас и, пожалуй,
не будем любить...

1993

ТАЙНАЯ СВОБОДА

Безначальная стихия, звук-волна
и поэт в согласии живут:
снят покров, открыта глубина,
чужеродный принят в душу звук.

В напряженье, трудно он рождён.
Чем протяжней, гармоничней, тем
неотступней слух преследует — о чём
скажет вдохновение затем.

Внешний мир! Звук здесь — прими его:
в форму слова заключённый, взвизг
славный получился, боевой,
яростно мятежный... Страх и риск!

Неспокойно и неровно жизнь пойдёт.
Испытав сердца гармонией, поэт
непременно к краху подойдёт.
Не поймут его, ему спасенья нет.

Отняты покой и воля — не твори.
В мёртвом воздухе — предсмертный вздох.
Тайная свеча свободы, не гори,
чтоб поэт весь исстрадался и подох.

Не грусти, нет в гибели беды,
гимны пой и сердцу, и уму,
ведь таинственное назначение ты
выполнил — мир праху твоему...

1994, апрель.

ЗОРИ ЮНОСТИ

Зори, зори, ах, милые зори,
жизнь уходит, а вас не забыть!
Зори юности, в вашем я взоре
угадал свою глубь, свою высь.

Всё такими же вас принимаю,
силой чувств возвращая назад.
И с себя груз годов я снимаю —
юным пылом сияют глаза.

Я люблю вас — люблюсь часами,
не сводя зачарованных глаз.
Ах, какими мы были глупцами,
торопя безоглядно вас!

Что же в зорях иных мы искали?
Но я знал, но я знал всё ж о том,
что, пройдя иллюзорные дали,
мы пустыми вернёмся в дом.

Будем плакать, жалея о прошлом,
осуждая свой каждый шаг.
И покажется, будто нарочно
гнула жизнь нас так и сяк...

1994

* * *

Страшнее нет неволи, заточенья...
Лишение свободы мне всегда
утрату разума напоминает чем-то,
но разум — не свобода, если так.

Без разума — живут, а без свободы —
зачахнут; особенно те творцы,
которые стихийно беззаботны
и гениальны — жертвы, не борцы.

Сотворена — единственна, едина —
поэзия-вселенная, и сын
гармонии ничтожно вязнет в тине.
Он без повадок волка иль лисы.

И потому наивен в мире этом,
беспомощен. Он «не умеет жить».
Есть много средств, чтоб оковать поэта,
унизить его гордость и сломить.

От пут судьбы куда бедняге деться?
И гений чахнет в суетных делах.
Он с пробуждения сознания, с детства
свободен был, а сгинет в кандалах.

1994

* * *

Время новое коммунизм снесло.
Пакость новая зародилась тут же:
спекуляция, как вселенское зло,
стала шире в стране и глубже.

Грабят — идёт тотальный грабёж.
Подлому дана свобода
рыться в стане бывших рабов
так называемого народа.

Будет ли когда голодному кус?
В скором будущем, мнится, не будет.
Губится в трюме драгоценнейший груз —
гибнут, тонут рабочие люди.

Гений стонет: о боже, бог,
страшно твоё испытанье,
как ни смотрел, рассмотреть не смог,
что впереди?! И никто не знает.

Люди многие впали в беду —
всюду пьяниц и бомжей отряды.
Всё равно я в кабак не пойду,
оппонентов моих не обрадую.

Где, я спрашиваю, свет и земля?
Где нас носит, о мать-Россия?
Я не сойду с моего корабля —
с нами бог, небесная сила...

1994

ЗАКАТ НАД ЛЕСОМ

Кровавый закат, как огромная птица,
витает над лесом, дню гибель неся.
День умер, но завтра он снова родится,
а мы вот умрём — нам воскреснуть нельзя.

Хоть тонко хихикни, хоть рыкни свирепю,
хоть лъсти неизменно, хоть рьяно злословь —
окончится путь наш... Багрянится небо.
К душе прикоснулась закатная кровь.

Мой жизненный путь, да ведь разве скакун ты?
Помедли чуть-чуть... задержись... погоди...
Не медлит, не ждёт, не даёт ни секунды,
и сердцу не долго работать в груди...

Дрожишь ты дрожмя, о душа. Моя воля
не может теперь за себя постоять.
Неведомый страх, не знакомый дотолё,
тебя обуял, и дрожишь, не таясь.

...Меня предавали не раз, но любовью
покуда наполнена вечно душа,
к друзьям неподкупным дорогой любую
приду я — всегда будет слышен мой шаг.

1994

* * *

Мой голос, о тебе тоскуя,
грядущий новый Сеспель, тих.
Талант большой — он строго с нас взыскует,
заметит, может, всё ж мой слабый стих.

В бесчисленных мирах витает гений,
для духа свет наш белый — не предел.
Но я не лучший был из поколения —
достичь высот и скромных не сумел.

Неужто и миры, миры тесны им —
взыскующим и мысли, и душе?
Вмерзают в лёд цветы моей весны, и...
и не горит, а тлеет жизнь уже.

Не я ль кричал всегда, что сын гармоний
не кто иной, а я, я, я!..
Теперь же из каких, скажи, агоний
звук извлечешь единый, жизнь моя?

Уйду я скоро; уходя, тоскую;
и, чтобы как бы для живых свеча,
мой голос, замереть рискуя,
среди ночи тихо прозвучал...

1994

ИСТИНА

Иду дорогою свободной...
Куда влечёт свободный ум
меня? Туда, где старомодно
сияет свет высоких дум;
где — муки, беды; где откроет
лицо своё не дева, нет,
а истина святая, кою
всю жизнь отыскивал поэт;
где ждёт меня очарованье
поэзией; где — красота:
моё высокое призванье,
моих горений высота!

1995, май.

БЕСЫ

Стоит ли отчаиваться, друг?
Все такие же, как мы, вокруг
люди копошатся, люди-твари.
Все друг друга ненавидят, жрут,
никого никто не переварит.

Тонкости? До тонкостей ли тут!
Быть бы живу, не до жиру, ждут
до единого небесной манны,
но — не с неба; караваны прут
отовсюду... непонятно... странно...

Но отчаиваться не спеши,
будет время — и такая жизнь
в норму как войдёт, взовьются бесы,
на Руси наступит смерть души.
Вот тогда отчаивайся, бейся.

Дух умрёт. Какое вещество —
всё земное наше существо?
Я не знаю, и никто не знает.
Не останется-то ничего.
Тело — прах; прах духом не бывает...

1995

* * *

Предчувствую скорую гибель.
Все этого хотят, я — тоже.
Уж лучше — от вражеской руки бы,
чем от своей иль дружеской... о боже...

Слова забыты, сказанные все.
Забыты — и прекрасно, славно.
Слепая бессловесность мне рисует
исхода близкий час прощальный.

Живой пока я вроде, а не нужно
уж ничегошеньки; богатств-сокровищ —
тем паче; славы, денег; зла, недужна
судьба; и путь весьма суров, вишь,

и безнадёжен... Грусть. Тоска. Молчанье.
И одиночество бескрайнее... Свет мёртвый...
Нелепа, ах, простите, песнь прощанья,
нелеп и сам я — несусветный.

И потому о самом сокровенном,
когда всё позади, молчанье — в силе:
я жизнь любил и вас в сём мире бренном,
а вы... вы не любили, не любили.

1995

* * *

Пусть нету счастья на земле,
пусть счастья нету,
я эту жизнь и землю эту
не разлюблю на склоне лет.

Боюсь, рискованно сказать за всех,
поймут ли склонные к императиву:
мне одинаково противны
и жалкий плач, и бодрый смех.

Боюсь, в растерзанной стране
порыв любой подвох имеет —
кровь стынет, чувство спит, язык немеет;
и ясно видно: счастья нет.

Пусть счастья нету у земли,
пусть счастья нету,
но эту жизнь и землю эту
всё ж нужно, чтоб мы берегли.

Мы помним это с детских лет,
борясь с судьбой, с судьбой враждая;
и от судьбы даров не жду я,
коль нету счастья на земле...

1995

СКАКУН МОЕЙ СУДЬБЫ

Моей судьбы скакун осиротелый
устало ржёт на грани бытия.
«Не рвись, не вырваться нам за пределы», —
я говорю ему, а может быть, не я.

Ровесники — друзья и одногодки —
уж многие давно — в земле сырой.
Один лишь я, своей стрелой-походкой
мир раздражая, прячу жребий свой.

Но здесь он, здесь — удастся ли запрятать...
Грядёт пора, наступит день и час,
и я приду и лягу где-то рядом,
вблизи, о братья, с кем-нибудь из вас.

Моей судьбы скакун вот мчится снова,
и я пою всё жарче о былом.
Я попрошу мне преданное слово
согреть, родные, вас своим теплом.

Я помню вас, всегда вас помнить буду,
пока я тут и бьётся жизнь моя.
Скакун моей судьбы, на крыльях будто,
вас догоняет, встретьте, это — я.

Вам легче стало у земли в объятых
чуть-чуть иль нет — в той мрачной глубине?
Ах, как узнать, кто на земле из братьев
хоть изредка да вспомнит обо мне...

1995

МГНОВЕНЬЯ ЭТИ...

В мгновенья эти свет печален...
Я слышу в лунном серебре
весенних грёз привет прощальный,
любовь я слышу, как рефрен.

И первый поцелуй, и первый
разрыв — средь грусти и измен.
И жизнь без света, жизнь без веры
любви и радости взамен.

Любовь — обман, отрава то есть.
Ужель не видишь: смерть — не жизнь.
Не молод уж, а стар, опомнись!
За дымом чувств ты не гонись!

Легко сказать «не жизнь», однако,
вновь предо мною — миражи:
сияет лунная соната,
любовь сияет, ворожит.

Легко сказать «любовь — отрава»,
вовсю ругать, шерстить меня.
Не молод я, а стар, вы правы,
но как мне быть, что предпринять?

Не гаснет свет — привет прощальный.
Не сходит пыл, как ни хочу.
В мгновенья эти — свет печален.
И я молчу, и я молчу...

1995

МОИ ВРАГИ

Уходят словно в мглу, со сцены сходят,
хоть и не клял их, не шипел им: «Сгинь!»
У гробового все толпятся Входа
завистники мои, мои враги.

И ненавидели, и ненавидят,
и будут, в том уверен я вполне,
изобразят меня в сквернейшем виде,
когда у них Бог спросит обо мне.

Наговорят с три короба, сумеют,
и толком не успев пред Ним предстать.
Прикинувшись ужами, эти змеи
везде свой источают смрадный яд.

Мечтают тайно не об аде, — рае;
не могут, хитрые, того понять:
с землёю не сровняют, умирая,
обидчики, гонители меня.

Не верил — не уйдут так скоро, думал...
А ведь уходят... Рад я? Нет, не рад!
Жалею их! И даже плачу — дурень:
не радует сей мертвецов парад.

Ах, мама, мама, мать моя, ты с детства
меня учила: «И врагов жалея,
они же кровные твои; а бесы
в них пусть сидят; ты плюнь, простить сумея».

Прощаю вас, благословляю, братцы!
Мы жили вместе на земле... Мечь, сгинь!
Клянусь: за мщенья меч не буду браться
ни здесь, ни там, друзья мои... враги.

1995

ОДИН

М. Сениэлю

Живёшь ты все года
без радостей любви.
Любил иль нет когда?
Так больше не живи.

Тебе ли не дано
от всей души любить?
А, может, суждено
и вовсе букой быть?

Ища душой ряды
друзей в тумане грёз,
тайком, наверно, ты
пролил немало слёз?

Надежды не близки,
хоть ждёшь их ночь и день;
и иней на виски
садится между тем.

И на лице не свет,
а тень сквозит твоём —
с тобой подруги нет,
живёшь ты бобылём.

Живёшь один, как перст,
и так проходит век:
не ангел ты, не бес,
не бог, не человек.

Невзгоды злобно прут
на нас в чреде годин.
Несчастный старый друг,
ах, что же ты один?

У всех надёжен тыл —
есть дети, внуки, брат.
Один лишь только ты
безвинно виноват.

(Бросает их иной,
кукушкою живёт;
пусть так, но, чёрт, и он
счастливейшим сльвёт.)

И смотришь ты всегда
на парочки с тоской.
Горит твоя звезда
тусклей всё и тусклей.

Живёшь один, один...
И долго ль проживёшь?
Любви вообще не ждёшь?
Престранный господин...

1995

АХ, МАМА...

Ах, мама, солнышко моё,
спасибо за судьбу такую.
Когда ты здесь, душа поёт,
а нет когда, я — горе чую.

Бегут за днями дни, ай-яй!,
и век наш быстро пронесётся.
Ах, мама милая моя,
всегда, всегда в моём ты сердце.

Храню в душе твоё тепло,
судьба нас где бы ни носила.
От слов твоих — всегда светло.
От света к сердцу льётся сила.

Ах, мама, солнышко, мой свет,
благодарю за жизнь, за диво:
с тобою вместе — я счастливый,
коль нет тебя, и счастья нет.

1995

СОЛОВЕЙ

И было что сказать, и он сказал, он спел,
ещё немало и споёт, и скажет,
ещё не раз покажет и докажет,
что — не верблюд, не робок вовсе, смел.

Хотели вы его подсесть и погубить.
Нашёл сноровку он с врагами биться.
И всем известно стало: что за птица
нас хочет полюбить, в себя влюбить.

И жарко так поёт — от вечной спячки будит.
Напрасен ваш навет: он был, он есть и будет.
На жертвенник он сам себя кладёт.

И сам себя дотла сжигая, знает,
что дух его в мирах не пропадёт.
...И рана в сердце у него — сквозная.

1996

СТРАХ СМЕРТИ

Ещё ребёнком, вняв, что все мы — прах,
я ужаснулся: с этим странным грузом
на сердце и в душе уж слишком узко
нам жить — нас осушает, душит страх.

В трудах ли, на досуге иль в пирах
нестись мешает что на всех парах —
смущает и пугает постоянно?
Страх смерти, страх проклятый, окаянный.

Но про него я напрочь забывал,
когда тебя, Ирина, целовал
и возрождался, преклонив колени.

И каждый раз передо мной вставал
незримый, но живой девятый вал
в небытие ушедших поколений...

1996

НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю тебя. Казалось, что люблю...
Как я горел, как я пылал, о боже!
С тех давних пор, отвергнутый, похоже,
и не любил так сильно вас, подлюг.

Я ожил, я расцвёл. Вернулась юность.
Вернулась молодость. Я — вновь в седле.
И мир, и люди кажутся светлей.
Проснулся дух. И мощь ко мне вернулась.

И я запел, взлетел на ветрокрылом
на небеса! О как я счастлив был!
Как много новых тайн с тобой открылось
на свете мне! О как тебя любил!

Но вдруг, увы, узрел, впад в пустоту,
я наглый, яростный оскал обманных сил.
Его ни обойти нельзя, ни погасить.
Я не тебя любил, любил я ту,
которую себе вообразил.

И был оскал — лирический обман.
Ирина, милая, тебя не обвиняю,
люблю, ценю и с грустью восславляю
любовь свою — печальный наш роман...

1996, март.

* * *

Молчу, и золото — моё молчанье
не в сумерках, а в золотистой мгле.
Оно так откровенно и печально,
что слышен гул, томящий душу мне.

И холодящий... Всё там, в этом гуле:
и бывшая любовь, и молодость, мечты,
боль разочарований и утрат... Не потому ли,
гляди, чуть жив ты, и несчастен ты.

О чём и говорить? Вот и молчишь. И бденье
твоё в ночи тебе как сущий ад.
От утра жизни и от полдня в отдаленье
мёд радостей, услад — горчайший яд.

И он среди предательств и обмана
тебя всего давно уж пропитал.
Тебе не жизнь теперь, а смерть желанна,
и всё, всё в мире ты уж испытал.

Сознание чтоб твоё земное, тело,
услышало опять созвездий хор,
себя ты должен превозмочь, чтоб пела
и плакала душа твоя с тех пор.

Без слов, без откровений и желаний,
без грёз, и без надежд, и без мечты —
ты весь в былом, ты — яд воспоминаний.
Себя живого убиваешь ты...

1996

* * *

Безлунно на душе, беззвёздно,
темь ночи в ней, а не синь.
Враг тайный в лицо опознан,
был другом моим он всю жизнь.

И был он страшнее наветов,
страшнее расстрела, плетей.
В бреду бесконечных рассветов
раздумывал, как бить лютей.

И бил он медленно, долго.
Был смел и след заметать умел.
Ведь чуть не погубил в итоге
меня средь повседневных дел.

Теряюсь я, сознание бредит,
сознание теряет речь.
Клич слышу, зовущий к победе,
и — звон, будто меч о меч.

Друг, вижу, — в смертельном угаре
и тлеет, чернеет как гроб.
Бескрылость — небесная кара —
в печёнку разит его, в лоб...

1996

* * *

Есть эмиры у русского хана.
Есть дворцы. Есть дворцовая лесть.
В Чувашстане мы, как тараканы,
побежали, успеть чтоб пролезть.

Но пролезли не все, единицы.
И пиит наш один — тут как тут.
Раболепствует, гнида, дивится:
как легко, мол, я вполз в ту среду.

Обманул простака ну в два счёта,
панегирик ему накатав.
Обкрутил бы, наверно, и чёрта,
а не то что эмира-кота.

Любит кот, чтоб его мы — по шерсти,
а не то что, чтоб — против. Хитёр.
С малых лет в нём сидят, видно, черти,
он всё врёт и играет — актёр.

Проходимец, как все проходимцы,
собирает друзей по себе.
И пекутся, заботятся дико
вовсе не о народной судьбе.

И бездарны они, и безродны,
как и наш стихотворец, как Сам.
Тем не менее слово «народный»
им на сердце как мёд, как бальзам.

1996

ЭМИР НАШ...

Эмир наш молод, крепок, росл и — в теле,
поэзию считает, бедный, делом тёмным.
Понятя не имея в этом деле,
всё ж званья раздаёт пиитам приближённым.

Эмир наш молод, крепок, росл... красавец!
Во всяком случае, никак не мерин сивый.
Он приближает всех, кто подл, бездарен и мерзавец,
и тех, у коих жёны молоды, нежны, красивы...

1996

БОГОМЫСЛЬ

Всё было ново под луной
мне, отроку, тогда, вначале.
Я знал: талант меня венчает,
восход мой будет по прямой.

К Отцу Небесному я шёл
через поэзию. И ангел,
хранитель мой, горя как факел,
летел со мной так хорошо!

Но есть хорошему предел
(как и плохому, это — к слову),
меня толкнули к духу злomu.
Я сник, лететь уж не хотел.

И — дни за днями пронеслись.
Я растерял таланты где-то.
И, в форму должную одета,
не приходила богомысль.

Я ждал её жизнь напролёт.
Дождался. Шепчет дух: «Приемлю!
И не вернусь на эту землю —
продолжу к Богу свой полёт...»

1996

* * *

Ирине

В том нет моей вины, что тускло светит месяц,
что молодость прошла и дали не видны,
что ходит-бродит смерть по городам и весям,
что сиры мы, бедны, — в том нет моей вины.

Я разве виноват, обманутые души,
в приходе запоздалом праздничной весны?
И в том, что злы предчувствия, гнетущи,
и потому кошмарны в мраке ночи сны?

Я разве виноват, презренная девица,
что, разуверясь, в сердце нож вонзаешь ты?
В итоге остаётся что? Лишь удавиться
во имя счастья и поруганной мечты.

В том нет моей вины, что разлюбил тебя я,
и что не греет месяц, а ты хоть бы хны.
Ах, сколько слёз и горя мне, тебя теряя,
пришлось переносить! В том нет моей вины...

1996

* * *

Я никак не забуду тебя,
ну никак. И всегда помнить буду.
Без тебя меня нету как будто —
не сумею прожить не любя.

Я запомню тебя навсегда.
Путь мой станет яснее, светлее.
И не сразу меня одолеют
уходящие в вечность года.

Устремятся они на вершины
и как лучшие дни моей жизни
будут, душу мою теребя.

Я забуду и грусть, и тревогу,
безнадёжную эту дорогу,
но никак не забуду тебя.

1997

СКОРЬБЬ

В своей стране живу я как изгнанник.
Чувашия! Не ты ль моя страна?
И нелюбовь тем более странна
твоя ко мне. Как сын, хоть я и данник,
наверно, твой, пока не сатана,
чтоб все меня повсюду с треском гнали
и отовсюду дружно изгоняли.

В родной стране чужой, как чужеземец,
почти как враг, а, может быть, и враг —
незванный гость, татарин иль варяг,
во всяком случае здесь хуже я, чем немец,
коль правду-матку выложить без врак,
чтоб вы, мои друзья, «мели, Емеля!»
не говорили мне, понять сумели.

В своей стране я без её культуры,
без изысков, разборов, без идей —
как дикий человек среди людей.
Не жизнь, а смерть — жизнь в не литературы.
И в этой области всего лютей
мои завистники, мучители поэта.
Об этом — скорьбь моя, и сказ — об этом...

1997, октябрь.

ТУСКЛЫЕ

Эй, сиятельства тусклые! Вы
вновь сидите на прежних местах,
вновь вы правы, а мы не правы,
хоть и ложь вновь на ваших устах.

Тот, кто чуток, мой стих весь прочтёт,
всё поймёт, если не идиот.
Ваши дни не колышет ничто,
ваших душ и снаряд не пробьёт.

Не люблю, презираю я вас.
Точно так презираете вы
и меня, и мой утренний час,
когда мысли свободны от тьмы,

когда, думая о красоте,
создаю я и сам красоту,
как умею — без лишних затей,
а затей за фальшь я сочту.

Были дни: жизнь — светла, цель — ясна.
И сомнений никто не имел.
Хоть вы тусклы, всё ж следует знать,
что за Сеспелем есть Сениэль.

И давно уже нет этих дней.
Вы всё также на прежних местах.
Только ложь многократно наглей.
Нету правды на ваших устах...

1997, октябрь.

ЗАПРЕЩАЮТ...

Стихи мои, вас запрещали
при коммунистах... И теперь,
при перекрасившихся, шало
вас запрещают. Зло. Как зверь.

«Хыпаровцы», на днях, верхушка,
то ль на полгода, то ль на год
(как будто автор их в психушке),
вас запретили — вот народ!

«Хыпар», мол, бомжу не кормушка,
и, мол, бездельник знает пусть:
(у ушлых ушки на макушке —
всё слышат, чуют) глуп он, пуст.

Вот почему и запрещаем.
Народ родной и без него
неплохо проживёт, мы знаем.
Зачем он нам и для чего?

1997, октябрь.

СКВОЗЬ ГОДЫ...

Пропали годы, как в тумане.
Был ядовит ваш злобный смех.
Вы все житъя мне не давали,
тряслись, что стану выше всех.

Во всём, везде запрет я чуял.
Творить, любить —запрещено.
Бросал вам: «Жить так не хочу я!»
Не хочешь? Сгинь! Разрешено.

Меня, как мелкую монету,
кидали в грязь из-за властей.
Мне на земле покою нету.
Я лишний здесь, среди людей.

Старались вы весьма ретиво,
толкали к яме на убой.
Но хоронить не запретите,
всё ж лягу в землю на покой.

Пусть на земле мы чуть ранимы.
В земле — подземное любя —
счастливее, чем Паганини,
я буду чувствовать себя...

1997, октябрь.

РАХМАТ

Орлы газеты всечувашской!
Радетели! Рахмат, друзья!
Весьма был тронут вашей лаской.
Ничуть не ошарашен я.

И даже, вишь, не удивлён вот.
Не на год, не на два, на всю
сознательную жизнь вы повод
искали запретить — вовсю.

Вы, было, жить мне запрещали;
бандиты, бездуховных рать,
меня всю жизнь душили шало;
не задушили, в душу мать!

И не задушите. Я — сильный.
Я выстоял. И я стою
сорокалетний и красивый.
Стою, как соловей пою.

И как вы ни орал б зычно,
вам песнь мою не заглушить.
Я, вишь ли, к счастью, двуязычен —
подамся к русским, чтобы... жить.

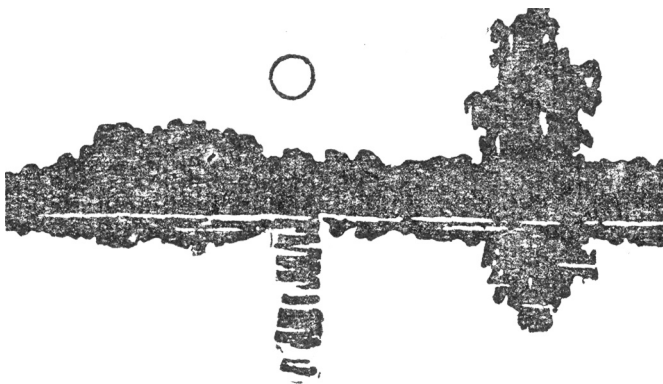
1997, октябрь.

НЕ БОЮСЬ...

Пусть мои заржавели латы,
пусть я пеший теперь, без коня,
всё равно ухожу я крылато —
не оплакивайте вы меня.
Вы били меня и кастетом,
и словом вы били всегда.
Пусть за мной, как позёмка, стелется
не хвала, а хула — пусть так,
пусть... пусть в вашей хуле знобящей —
убивающая злоба глаз,
не боюсь я вас — своры собачьей,
не боюсь, а жалею вас...

1997, октябрь.

Свет и тени

ДАЛЁКАЯ ДАЛЬ

Я собрался в далёкую даль
очень рано — ребёнком ещё.
Я не знал тогда: жизнь — суета
и тщета, жить в ней — нехорошо.

Я потом лишь узнал: жизнь — мерзка,
потому как все люди мерзки.
В даль собрался я долю искать —
и по-божески, и по-людски.

И пошёл я в далёкую даль
очень рано — ребёнком ещё.
До сих пор вот иду, я устал —
весь извёлся, упал, не дошёл.

А когда уж дойду, бог меня
не отпустит обратно домой.
И далёкая даль, вдаль маня,
не потешится властью надо мной...

2001

УПРЁК...

В горестях, в тревоге и в печали
я к вам шёл, как к людям — дальний свет.
Долго вы меня не замечали —
и мой бурный рост, и мой расцвет.

И когда грущу я, отцветая,
должного вниманья тоже нет.
Видно, я бессмертье обретаю,
как звезды далёкой тихий свет...

2001

Я ПРОЙДУСЬ...

Я по снегу пройду, я пройду по метели...
А весной в сад цветущий войду — в белый дым.
И я вспомню, как вёсны одна за другою летели,
и каким был я юным и был молодым.

Я по вёснам пройду, где отважен был в песнях,
и особенно чутко я пел о весне.
В сад цветущий войдя, всемогущ стану здесь я,
превращу вешний цвет в белый снег, в белый снег.

И по саду пройду, как зимой по метели.
И покажется вдруг в свете майского дня,
что меня нет давно и что вёсны летели
с этих пор без меня, без меня, без меня...

1998

РАЗДУМЬЕ

Мы состарились будто. Беда!
А над полночью та же звезда
и горит, и сияет бесстрастно,
нет ей дела до нас, как всегда.

В мире мало ли разных тревог,
и безрадостных, трудных дорог,
как же это так вышло, подруга,
что нам жизнь до сих пор не урок?

Бес шептал мне: «Спеши». Я спешил.
Жил в столицах, в деревне, в глуши.
Жил похабно, судьбу проклиная,
словно враг, а не друг была жизнь.

Блещут звёзды и плещет луна.
Над деревней молчит вышина.
Как случилось, что я очутился
в мгле такой, о скажи, тишина.

Всё темней и темней. Вот беда!
Так случилось, что я сквозь года
без оглядки пронёсся, бездумно,
и моя уже гаснет звезда...

1997

ОТРАДА

Видно, мысли твои — о грядущем:
то унынье в тебе, то порыв.
Мы с тобой не пропащие души,
чтоб запеть о конце до поры.

Пусть поплачет душа, пусть поплачет;
в сердце — юность, как розовый цвет;
у иных, может, он и покраше,
для меня этот цвет — жизни свет.

Свет — отрада мне в грусти, печали.
Есть волшебность в отраде такой.
Ты меня молодой повстречала,
юной феей, светясь, привечала.
Уходил я и сам молодой.

Да... Никто не останется, друг мой:
ни подруга, ни мать, ни отец.
Жизнь была у нас лёгкой иль трудной,
всё одно: всем — конец, всем — конец.

Не дожидаться цветения гуще
и любви — соловьиной и злей.
Пусть рыдает душа о минувшем,
о минувшей отраде своей.

Не утешит её ласка, нежность,
вороженье любви золотой.
Все уходим в свою неизбежность,
не вернёмся в наш сад молодой.

Боги тоже умрут, мы не боги.
Все уйдём, и чего же таить...
Твои очи внимательны, строги.
Как бессмертье мне — очи твои.

1997

БЕССОННИЦА

Ночь, за что бессонницей карашь?
Отчего мне, бедному, не спится?
Неужели жизнь уж догорает
и надежда прячется, не снится?

В чём надежда? В том, что юн ты, молод?
Чем? Душой иль телом? Ах, душою?
Но в душе давно — не жар, а холод
стылых чувств, страстей, любви дешёвой.

Помнится, как пылко мы любили!
Образ милый в снах своих лепили,
наяву найти его пытались —
и в огонь и в воду мы бросались.

Грезили любовью неземною!
Не манила нас любовь земная.
А творилось что со мной, со мною?!
Даже чёрт и тот того не знает.

Вот за то и ночь меня карает
злой бессонницей — зловещей птицей.
И любовь чадит и догорает,
и совсем не радует, не снится...

1997

СЛУЧАЙ

Тамаре

В жизни нашей озаренья редки,
но вот на заре страстей, тревог
в первый раз влюбился я, влип крепко,
озаренье, вишь ли, сбить не смог.

Не бывает пагубнее чувства.
Пропадал, скользил я на краю.
Посегодняя, сколько ни лечуся,
не могу унять болезнь мою.

И сегодня, пусть почти застыла
кровь моя, пусть дней на склоне я,
это сходство чувственного пыла
с гибелью бросает в дрожь меня.

Я тебя приветствую, о дева!
Озарила жизни ты зарю,
всю мою судьбу перелетела,
осветила всю... Благодарю!

Были не добры ко мне пророки,
раскрывая лживые уста:
много было о любви и роке
слов пустых — внимать я им не стал.

Хоть и промелькнула как виденье,
светло-грустная и юная,
всё скользит твой образ лёгкой тенью
в снах моих, далёкая моя...

1997

КУТЁЖ

В тот вечер боль была обновлена...
С тобой вновь вместе оказались вдруг мы —
и алый отсвет красного вина,
смеясь, играл на щёчках у подруги.

А осень серой кошкой на дворе
всё шастала; раскаянья бродили;
мы не пустили в дом их, мы кутили,
о них не вспоминая в ноябре.

На счастье тост я каждый поднимал.
Казалось — счастливы мы оба очень,
но нас преследовала дико осень:
бил дождь по окнам, ветер душу рвал.

И, зарождая в сердце жуткий страх,
твердило небо об измене подлой.
И полыхало зарево там, в поле, —
как память о проклятых временах.

...Боль вечна, а кутёж не вечен —
уходит, укоряя нас самих.
Ах, этот вечер, ах, какой был вечер —
прекрасный и чудесный счастья миг!

1998

ОСЕННЕЕ

Чую, времени мало.
Чую, просто — в обрез.
Всё укрылось в тумане —
с сожаленьем и без.

Презирал и врагов я.
Презирал и друзей.
Те и эти лишь болью
были в жизни моей.

Я не ныл, не заною,
как меня ни предашь.
Свет не гас предо мною
от обид, неудач.

Шёл всегда я крылато
у беды на виду.
Шёл и шёл — шёл как надо,
до конца так дойду.

Пусть иду не весною,
и не летом иду,
может, даже заною
на свою на беду,

пусть в тоске и в печали
то ль «конец», то ль «каюк»
гуся в ночь прокричали,
отлетая на юг,

я не чую усталости
под названием «смерть».
Чую, жизнь мне досталась,
чтобы смерть одолеть...

1998

НЕ ЗАБЫЛ...

Я не забыл. И вряд ли то забудешь,
пока живёшь, как вы оравой всей
взялись доказывать и утверждать всё злей,
что нет меня... Не странная ли участь,
когда ты есть, а говорят, что нет?
Гремишь, а говорят: ни звука?
Ты светишься, ласкаешь взор им, сукам,
они тебя сплавляют на тот свет
живого... Есть я, буду, братцы, был.
Ещё немало вам придётся всей оравой
орать и попотеть в борьбе неравной
меж мной и вами... Вас я не забыл.

1999

ПОРФИРИЙ

Кто — Пушкина, Дантес угробил?
Мартынов — Лермонтова? Нет!
Другие падлы и уроды.
Те, кто был в вышней вышине.

И Сеспелю — не трус Миронов
сломал судьбу, а власть, Эльмень, —
так как дрожал во время оно
за трон свой этот подлый хрен.

Меня чуть не сгубил Порфирий,
но, видно, сжалилась судьба.
Как царь поэзии, в порфире
я было воссиял, и, хилый
талантом, друг мой в зависть впал.

Оклеветал меня и продал,
а предал ещё раньше, змей.
Писал доносы он и оды,
душою становясь всё злей.

Но, к счастью, молнии и громы
тогда уж в вышней вышине
гуляли тише — шаг огромный.
...И стих мой продолжал звенеть.

1999

УЛЬГА

Есть ли баба бескультурней,
чем зловредная Ульга?
Нету бабы бескультурней —
всех грубей и злей карга.

Наглая. И — очень льстива.
Потому-то и не диво
то, что люб ей «изм» любой,
прёт туда как на разбой.

И в обкоме эта дура
и сейчас всё по культуре
главная — тиранит всех.
Терпят... Ждут... И смех и грех.

Да... Неужто у эмира,
покорившего полмира,
нет чутья и головы
к сей мегере? Нет! Увы!

В министерстве бескультурном
бескультурная карга
всечувашской масскультурой
забавляется — Ульга...

1998

МУЗЫКАНТ

Скажите, где я тут?
Я — в струнах, и — везде.
Когда меня не ждут —
не виден; ждут — я здесь.

И вроде бы горит...
И вроде б — искры, свет...
Живёт и стонет ритм.
И вот его и нет.

Дыша, передохнуть
я сил небесных жду.
И в небе Млечный Путь
зовёт мою мечту.

Коснётся струн смычок,
звук душу обожжёт.
И скрипка — как скачок
в смятении большом.

Ведёт меня куда?
Мяётся ум, душа.
Сейчас или никогда —
я должен сделать шаг.

И должен я стореть,
исчезнуть в звуках весь...
Все, все — сюда! Скорей!
Не видите? Я — здесь!

1998

ДУШЕ МОЕЙ БОЛЬНОЙ

Очам твоей души...

И. Северянин

Душе моей больной упрёки неприятны,
а обвинения в мой адрес и того грустней.
Причина их и жёсткость непонятны
больной душе моей.

Больной душе моей любовь мила и жалость,
и пониманье дел моих вообще.
Сил новых вы придать и не пытались
моей больной душе.

Моей больной душе поможет совесть:
я чист, и потому я обрету покой.
Бог даст мне исцеленье, веру, то есть —
душе моей больной...

1998

ДУХ

Что ищешь ночью, мытарь, в небе тёмном?
Что ищешь на земле, бедняга, днём?
Хоть плачь ты, хоть не плачь, уйдём мы,
и больше в этот мир уж не придём.

Как всё устроено и глупо, и нелепо.
Как скуден дней запас и мало лет.
Ищи, ищи свою звезду на небе.
Ищи судьбу на горестной земле.

Найдёшь ли? Если и найдёшь, немного
придётся веселиться и гореть.
Как всё вокруг и скучно, и убого.
Посмотришь, так и тянет умереть.

Потомок дальний! И с тобою тоже
случится то же самое потом.
И вас унизит мир и уничтожит,
но дело всё-таки не в том, не в том.

Всё дело в том, что жил ты бездуховно.
А дух — не прах ни ночью и ни днём.
Хоть лопни ты, телесно все умрём мы,
но — кое-кто — духовно не умрём...

1998

ИСПОВЕДЬ

Когда-нибудь и я за свет буду обласкан
души моей и за её высокий труд
хоть кем-нибудь... Она, душа, согласно
веленью бога, к истине прекрасной
и красоте великой устремлялась, друг.

Она горела и пылала, а не тлела,
в страданиях и муках, как большой костёр, —
за кровный люд, за чувашей всегда болела.
И жил я для души одной, а не для тела,
и потому жизнь личную из жизни стёр.

Я не был графоман, а был фанатик мысли
и чувства и гармоний в естестве своём.
Не часто, редко поддавались мне и выси.
Мой дух тем самым жизнь мою возвысил,
преодолев тернистый путь, крутой подъём.

Я жив ещё и в будущность, как в бога, верую.
Я верую и в то, что слово не умрёт.
Взываю к истине, добру я, слог коверкая.
Считаю жизнь свою единственную — верной:
не для себя лишь жил я, о родной народ...

1998

НОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Я сижу в тишине сумеречного предвечерья
и гляжу из окна в даль осенних тревог,
где дороги разбиты, лес спит, поле — в мареве чёрном,
где — безжизние, гнилость и гибель всего.

Ничего и в душе, и в душе не осталось
ни от вас, юных грёз белые лепестки,
ни от вас, светлых чувств золотые ростки.
В ней, в душе, — мрак и затхлость, усталость.

Ничего! — ни от вас, песни милые братства,
ни от вас, свет и красочность всех добрых дел.
Я растратил себя. Раздарив всё богатство,
мне вручённое небом, душой опустел.

И всю ночь безнадёжно смотря и туманно,
как мерцает звезда среди туч в вышине
одинокое, печально, бесхитростно и... иностранно
и желает меня подбодрить, — я сижу в тишине.

1998

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС

Пока он не пришёл, мой звёздный час,
но жду его. Придёт. Я в том уверен.
Придёт потом, в грядущем, не сейчас.
И встанет предо мной обетованный берег.

По морю мчась, извёлся парус мой,
в пути не знал он временами цели:
летели мы — куда глаза глядели.
Удачи уплывали стороной.

Я петь любил. То — явная удача.
И ради творчества я потрудился век:
без сна, покоя — вот был человек! —
жизнь постигал — заглавную задачу.

И я постиг её, с душой воспел
созвездья, землю, человека, птицу —
и то, что наяву, и то, что снится.
Воспел любовь, свободу — всё успел.

Но славен буду после, не сейчас,
жизнь пробежал светясь я и бунтуя.
Когда умру, придёт мой звёздный час,
и с той поры в бессмертие уйду я...

1998

* * *

Умчались дни мои; увяли розы
моей весны; мозги воспалены;
томится сердце; закипают слёзы
и в горле ком — как юны были мы!

Когда умчались дни, увяли розы
моей любви, я вспоминал в тиши
о том, что были мы, и были грёзы
светлей лазури и грустней души.

Умчались дни в осенние угрозы...
Печали ум и радуя невежд,
нежданно как-то, вдруг увяли розы
моей мечты, и славы, и надежд.

Бегут дни ныне в зимние морозы...
Сказал поэт: не жди среди зимы
цветенья роз, так как и дни, и розы —
все канут в вечность, вместе с ними — мы.

Потомки! Жду я вас на всё готовым.
Уйдём мы, и дорожные столбы,
встречая вас, напомнят всем о том вам,
что были мы, когда-то были мы...

1998

* * *

Ну как же так, жизнь вся уж позади...
Как быстро всё и скоро промелькнуло...
Что впереди? А вот что впереди:
конец и мгла... О как всё дико, глупо.

И нет друзей. Кругом — одни враги.
Предать забвению меня и имя
мечтает круг их. Я, гнушаясь ими,
в отчаяньи кружусь. Вся жизнь — круги.

В груди моей — и боль, и стон, и страх,
и... огонёк зажётся... Все провалы,
я, освещая тёмные, в кругах,
нашёл и доброту, и честь, и славу.

Нашёл любовь... во всех её обличьях.
Я мать любил. И стала жизнь как мать.
Я понял всё, и понял я отлично,
что мне ещё чуть рано тосковать.

Что то, что позади, не позади,
а впереди, и что предать забвенью
меня и моё имя не сумеют,
когда из огонька — пожар в груди!

1999

СЕСПЕЛЬ

О, божий дар в сѣм мире божьем!
О, истинных поэтов племя,
ничем на смертных не похожее!
Всегда над вами смерть довлееет.

В каких бы сферах ни витали,
всегда одни вы, и вас били.
Недолго жил и я, не дали,
свои же люди погубили.

Погиб. Такой уж жребий вышел.
Поэт не секретарь обкома
ВКП(б), не царь, о ком нам
толкует власть, он больше, выше.

Властитель дум и властелин я
среди людей по силе духа,
где косность в душах и разруха,
животный страх и истерия,

где драка за кусок и место,
где мрак, а света не бывает,
и даже гении имеются,
но их не любят, убивают...

1999

* * *

Кручусь в кручине ли под вечер,
иль корчусь в горе днём, таясь,
я буду, буду, буду вечно,
и после смерти буду я.

Судьба мне муки подвалила,
чтоб я познал страданий боль.
В страданиях и муках — сила
моей души, моя любовь.

Душа пылает и поныне,
не умерла любовь моя.
Доколь крутиться мне в кручине?
И долго ль буду в горе я?

Нет, долго нам не засидеться.
Хоть я с тобой и расстанусь,
тебя люблю, о жизнь, всем сердцем,
грядущей смерти не боюсь.

Не понапрасну жил как будто,
страдая, мучась столько лет:
всегда, всегда, всегда я буду —
я для того пришёл на свет!

1999

ЖИЗНЬ МОЯ...

Жизнь моя, хлеб всегда был твой горек.
И теперь, когда близится срок,
тихой тенью, убитою горем,
горбишься в тупике ты дорог.

Ах, давно ли и стан твой, и плечи
юной дрожью сводили с ума.
А теперь всё ушло, всё далече,
лишь остались костыль да сума.

И давно ли высокие груди
трепетали, так жарко дыша?
И теперь, и теперь меня нудит
припадать к ним больная душа.

Может, это и лишне, и всеу
в наши годы, чудак-человек?
Но я знаю: огни поцелуев,
жизнь моя, продлевают твой век.

Пламенею к тебе жадной жгучей.
Я навеки поверил в тебя.
Каждый час, каждый миг, каждый случай
твой люблю, восславляю, любя...

1999

* * *

Хоть и сделали народ мытарем,
хоть и всласть издевается власть,
нет, из сердца не вытравить
дух свободы, тому не бывать.

Хоть и брешете всегда складно вы,
хоть и ложь удаётся пока,
захлебнётесь, исчадия адовы,
все — своей же слюной на века.

Хоть и бдительность у вас высшая,
хоть и очень опасен шаг,
я хочу, чтоб была выжжена
жгучим духом свободы душа...

1999

* * *

Луна вешней ночью льёт мне свои чары,
льёт мне свои чары луна.

И пахнет сиренью, и плачет гитара,
и плачет гитара, и стонет страна.

Зачем она стонет? И что за напасти,
какие напасти постигли её?

Страна подыхает в драконовой пасти,
в драконовой пасти живя, слёзы льёт.

Но я не заплачу, пусть плачет гитара,
пусть плачет, но я и страна
осилим дракона — восстанем, ударим...

И пусть свои чары льёт ночью луна.

1999

ВЕТЕР

Как свищет ветер, воеет как!
Зло ветер свищет.
Не по моей душе ли рыщет
как волк? Иль воеет по волкам?

Мне хоть бы что: умру ль сейчас
иль чуть попозже — хватит, пожил.
Я уж готов... всё подытожил...
Я жду тебя, мой смертный час!

Пусть свищет ветер, воеет пусть,
зло жертву ищет,
нас нет нигде, лишь волки рыщут —
мир опустел, он дик и пуст.

Свистел доньше, свищет ныне,
во все он свищет времена.
О, дорогие имена:
о, Прга! О, Сеспель! О, родные!

Я не последний ли поэт,
о други, после вас? Ушли вы
так рано... Так душе тоскливо...
Вас нет — нет света, жизни нет.

Лишь ветер свищет на дворе,
лишь ветер свищет.
Душа других друзей не ищет.
Заснуло сердце. В сердце — бред...

1999

В РОЩЕ

В роще этой берёзки все стройны,
а тропинок... ну просто не счесть.
Вот иду тихо: жизнь так устроена,
что и старому радость в ней есть.

На судьбу потому и не сетую.
Стайку девушек встретил. Одна —
совсем юная, ладная, светлая.
Заглянула в глаза мне она.

И я вздрогнул. Она покраснела,
взор потупила, мимо прошла.
Я молчал, и стоял как во сне я —
душу всю своим взглядом прожгла.

Встрепенулась душа и крылато
мне сказала, что я молодой.
И я сделал об этом балладу —
о любви и поре золотой.

Юность, юность! Пора золотая!
Ты — во мне, я — в тебе навсегда.
Роща вешняя, девичья стая
не покинут меня никогда.

Не стареет душа, как залётный
соловей, свищет в роще большой.
И умру я, наверно, столетним:
дряхлый — телом и юный — душой...

1999

ВАСИЛЬКИ

Воспеть хочу цветы и хорошо воспеть...
Я пел о розах и самого себя стыдился.
Мне петь о них, я думал, просто дико,
мне, деревенщине, возвращённому в избе.

Ах, мне бы васильков... Я розы люблю навряд ли.
К ним в рифму просятся «морозы» или «слёзы»,
вот почему не очень по душе мне розы.
Ах, мне бы васильков... Просты они и чуть нарядны.

Их вид целителен для страждущей души.
Мне нравится, люблю их скромный шик.
О, простодушные! Я жажду вас увидеть,

вас, полевые братья, светлые друзья,
вас, васильки, люблю и уважаю я
здесь, в городе, — не розы вы, поймите...

1999

СИРЕНЬ

Моя весна, пора моя святая!
Моя сирень! О как вы мне близки!
Лилово-голубые лепестки,
цветите дружно вы и долго увядаете.

Ах, как давно, в далёком, там, благоухали,
зовя меня в таинственную даль.
И всё цвели, цвели и опадали,
взор устремляя светлый не сюда ль?

Сюда, в грядущее... И грянул я, отважный,
с любовью и тоской приветствуя бесстрашно
свой грустный, беспокойный, скорбный век.

Не от тоски я пел, не для забавы,
сирень вдыхал, трудился не для славы —
но ни один меня не понял человек...

1999

С ТОБОЙ...

Друзей немало есть в округе.
Кого я назову судьбой?
Со мною — други и подруги,
лишь нет тебя, но я — с тобой.

Нас только двое, третий — лишний.
То — воеет ветер. Улови,
о чём он воеет, отделившись, —
о гибели иль о любви?

Не опускай в печали руки,
не посчитай любовь бедой.
Со мною — недруги, не други,
и нет тебя, но я — с тобой.

Уймись, тоска, отравы ночи!
Благословляя боль разлук,
благословляю и сей почерк —
следы страстей, душевных мук.

Наедине с тобой — как с песней,
как сам с собой, с своей судьбой...
С тобой в разлуке я, не вместе,
один, но всё-таки — с тобой!

1999

* * *

Всех нас коснётся тьма и тлен —
не будет мир благословен,
увянет роза на окне;
среди горя, лжи, нужды, измен
враждебной станет жизнь ко мне.

Увяну до поры и я,
отправлюсь, бедный, в те края,
откуда ходу нет назад,
где жизнь — не жизнь, а ад, ай-яй!,
где со смолой котлы кипят.

Я весь в грехах. И как мне быть?
Пред богом что мне говорить?
Он тот, кто рек: да будет свет!,
смог человека сотворить,
чтобы потом свести на нет.

День светел, улица светла.
И до меня она была
и светлой, и бурливой, друг.
И после будет... Вот дела...
Таков круг жизни, скорбный круг.

1999

* * *

Мы пережили ряд стихий.
И строй у нас теперь другой.
При прошлом строе за стихи
лишь угрожали мне тюрьмой.

А ныне, при буржуях, братья
по цеху (не по духу, нет)
за шпагу заставляют браться,
чтоб, защищаясь, поумнел.

Дождусь — наёмный ли убийца
подкараулит у дверей
иль сам собрат, придётся биться
мне до последнего — ей-ей!

Опомниться их не заставишь,
уж жизни лучше я лишусь.
Ох до чего бывает зависть
и чёрной, и смертельной — жуть!

Пиши бездарно, ты — любимец.
Пиши как бог, ты — личный враг.
Талант тебе твой — как судимость:
ты виноват — талант так как.

И жалости к вам он не знает —
завистник: ты не должен жить.
Мысль эта у него сквозная.
Так в ухо мне судьба жужжит.

Ну что ж! Всё ясно! Я готов!
Сразимся! Вас достойно встречу!
И боги роковую встречу
восславят на пиру богов...

1999

* * *

Давно я понял: дар бессмысленный —
жизнь наша, ничего в ней нет
такого, чтоб давать осмысленно
себя народу и стране.

Да разве не давали многие?
Что вышло из того, а? Чушь!
Герои тыла и войны безногие
и прочие голодны, живы чуть.

И нищи, и бесправны, бедные...
За весь их труд и подвиг, пот и кровь —
нужда в награду беспросветная.
Такое вот вниманье и любовь.

И в душах тьма — погасли светочи.
Над головой — беда, одна беда.
А в будущем звезда не светится.
Её и нет — какая там звезда.

Народ изверился и бесится.
Я, постигая тщетность и тщету,
вас всех не призываю вешаться.
Я всё-таки надеюсь, жду.

И верю: положение изменится.
Пусть очень трудно, тяжело пока,
всё переменится, всё перемелется —
получится отличная мука...

1999

ГРЁЗА...

И снова будет ночь светла,
восток не скоро залеет.
И снова посреди села
пройдуь по саду — по аллее.

И снова тайная рука
вдруг клавишей коснётся где-то.
Мелодия, чиста, легка,
придёт — и вспомню юность, детство.

Они витали надо мной —
и счастья, и восторгов полны.
Я буду грезить под луной,
оплакивая их и помня.

Село моё! Я все пути
прошёл. Я стар. Вернулся мглистым.
Всё позади. А впереди —
сыграют ли Шопена, Листа...

1999

САД НАШ...

Пляшет дождь, пляшет он до упаду.
Плачут траурно дни, небеса.
Под печальный мотив листопада
опечалились речка и сад.

Есть отрада в осенней печали —
сад наш видится нам золотым,
где меня молодым повстречали,
всё хвалили друзья, привечали,
проводили, понятно, седым.

Говорили они в утешенье,
что не старый я, а молодой.
Уходил я от них тихой тенью
под их нежный басок на леченье
от хвороб и от грусти крутой.

Не утешит уж поздняя нежность
и отрада листвы золотой.
Все уходим в свою неизбежность,
не вернёмся в наш сад молодой...

1999

* * *

Какой я стал теперь чужой!
Неужто постарел душой?
И постарел быстрее, чем телом?
А что успел я в жизни сделать
среди вражды, тщеты пустой?

Всему, я знаю, свой черёд.
Идёшь назад, идёшь вперёд.
Совсем идти как перестанешь,
душой усталым ты и станешь —
хандра тебя в тиски берёт.

Давно ли жизнь светла, легка
текла, как в небе облака,
пока здесь не нависли тучи,
и поднялась вот эта буча.
Теперь та жизнь так далека.

Теперь во мне — сплошной пробел.
Нет голоса, которым пел.
Померк мой взор — не чую света.
И песня лучшая не спета, —
душой поник я, не успел...

1999

* * *

Строй — изменился. Мир — всё тот же.
Всё те же люди... Вся шпана —
рать графоманская — нож точит,
нож зависти, вновь на меня.

Трон окружив эмира ловко,
и восхваляя, и дуря,
устроилась она неплохо —
завистливая мошкара.

Я и сейчас способен к взлётам
и чувств, и мысли, я парю,
на зависть нудным виршеплётам,
как юный сокол, — всё творю.

Они меня убить хотели
уж сколько лет тому назад:
сначала — дух мой, позже — тело.
Я показал им голый зад.

Я показал им кукиш: нате!
Не то ещё вам натворю.
На троне — я, м н е поклоняйтесь,
как президентному царю!

1999

* * *

Жизнь догорает. Я на пепелище
стою, где умирает мой огонь.
И он умрёт. В золе огня не сыщешь.
Она мертва. Не тронь её, не тронь!

И станет пусто... Скажут мне ответно:
жизнь как вода, ушедшая в песок;
лишь вечны облака, лишь вечны ветры,
и небо, и поля, и горизонт.

Да, да! Ещё, пожалуй, — мысль, искусство...
Жизнь наша — миг: как вспыхнет, так сгорит.
В ней детство, юность, молодость — не грустны,
ну а вот старость тужит и грустит.

Ах, юность, юность! Юным, страстным пульсом
биясь, ты рвёшься, ждёшь ты похвалы!
Какое то — блаженство и безумство!
И это всё... и это — горсть золы...

Чего ж хотим? Нетленья все мы ищем.
И из забвенья, утекая вспять,
я буду приходить на пепелище,
чтобы себя, ушедшего, понять...

2000

* * *

Где вы, где потайные глубины?
В царстве света иль в сердце моём?
Мысли пухом кружат голубиным.
Сколько чувств нежных, радостных в нём!

По-над реченькой — дивное зарево
и священный вверху неба свод.
Кем, кому это чудо подарено?
Ради чьих святых дел и высот?

Звёздочки замерцали, как свечки.
Глядь: нет зарева, вечер уже.
Прочь уходят дела человечьи.
Отрешённо и сладко — душе.

Месяц золотом льётся невиданным.
И, за веру в Христа не вина,
все три дуба — прибрежные идолы —
на моление к себе ждут меня...

2000

* * *

Поощряя дворцовую лесть,
ждёт эмир наш удачи и славы.
Забываются стыд, совесть, честь.
Поощряются сорные травы.

Травам сорным тут рай-благодать.
Будут в холе, не вырвут, не тронут.
Гибнет правда. Кому отвечать?
Кто пойдёт, смелый, яростный, к трону?

Я пойду! Хватит киснуть и тлеть!
Я поэт! Я и должен ответить.
Что ж, коль нужно, умру. Умереть
дайте мне вместо нравственной смерти.

Добрая, не держи меня, мать.
Все мы, все мы покорствуем року.
Видно, свыше дано испытать
сердцу эту земную дорогу.

Не могу, не могу больше жить
в затхлом запахе тлена и лести.
Я иду... Я прошу доложить...
К тем иду, кто без совести, чести...

2000

В НОЧАХ ВЕСЕННИХ

Зову в ночах весенних, лунных.
Из вечности его зову.
И слышится в тиши — «Алюнов»,
родной для сердца светлый звук.

О, свет наш, яркая звезда,
надежда бедного народа!
Тебя кто предал, брат, и продал,
убил без шума и следа?

В тюрьме, как в клетке, в грозный час,
мечты твои и устремленья
свободны были, как сейчас —
свободен ты, твой дух, от тленья.

Ты пел не тайную свободу,
а явную — в труде, в борьбе.
И я пою — вослед тебе.
Служу не касте, а народу.

Как христианин перед причастьем,
стою и говорю себе:
«Мой страстный зов — какое счастье
в моей безрадостной судьбе!»

В ночах весенних, светлых, лунных,
тебя я вновь и вновь зову:
ты — песнь моя и дух, Алюнов,
родной для сердца имя-звук...

2000

ТАРХАНУ АХПЛАТУ

Тархан Ахплат, мой предок дальний,
во мгле глубокой старины
вы бились, песней стали вы,
не враг вас, вы врага топтали —
джигиты Горной Стороны.

Ногайской подлости коварной
жестокий, злобный беспредел
всё уплотнялся, не редел.
И в битве яростной, кровавой
не год за годом — век летел.

Доверившись московской дудке,
под эту дудку поплясав,
была разрушена Казань.
И что ж? Чуваш свободен? Дудки!
Он — вор. Он — лапоть... Наказать!

Он — раб. Ему — друг друга съестъ бы.
...Уважь тебя иль не уважь,
твои заступники в век наш —
Алюн, Юман, Хури и Сеспель —
тобой загублены, чуваш!

2000

УБИВ ТЕБЯ...

Г.Ф. Алюнову

Ты вечно молодой — сорокалетний.
Убив тебя, они себя убили.
Допрашивая, угрожали, били.
Из памяти не стёрли поколений.

А как хотели! Около столетья
ты предан был проклятью и забвенью.
А как бесились бесы-изуверы
потом — в иные годы лихолетья!

Поставили народы на колени:
часть — истребили, часть — в ГУЛАГ загнали,
а тех, кто на свободе, заковали
в рабы... из поколенья в поколенья.

Так было с нами около столетья.
Теперь другие лгут самозабвенно
и истребляют нас ветхозаветно —
иной обман, но то же лихолетье.

Убив тебя, они себя убили,
и тут же, вместо них, другие бесы
демократично, льстиво и любезно
на службу к Дьяволу поспешно заступили.

2000

ГОВОРIT АЛЮНОВ

Чем ночь темней, тем звёзды ярче
горят и, возбуждая душу,
поют о бедах предстоящих,
берут меня за горло, душат.

Сижу в тюрьме, за что — не знаю:
за мощь мою или за слабость?
Чувашия моя родная!
Мечты, мечты! Где ваша сладость?

Мечтал я о свободе близкой,
любил я чувашей несчастных —
сих париев судьбы и риска,
о милости к себе кричащих.

Бог милостив чувашский, может,
но он оглох иль даже умер.
Бог триединый, бог-вельможа,
сердит — не поминайте всеу.

В ночи, во мраке предстоящем,
не стать ли мне звездой синей?
Чем ночь темней, тем звёзды ярче
должны гореть все — над Россией...

2000

ЖЕРТВЕННЫЙ СЫН

На зов мой он пришёл — Алюнов,
явился светлый дух его.
Не зря в ночах весенних, лунных
я звал кумира моего.

Весною — день его рожденья.
Весною же — расцвет всему.
Он осветил всю жизнь мне, и я,
где б не был, следовал ему.

Народ наш не пропал в невзгодах.
Он сохранился и живёт,
не знает, что такое отдых:
в труде, в борьбе, идёт вперёд.

Не малому учил нас в жизни,
и становились мы смелей.
Не малому и научился
от сыновей и дочерей.

Сыны и дочери чувашей,
нет, не забудут никогда,
о предок наш, себя заклавший,
тебя, далёкая звезда.

Твой дух в ночах весенних, лунных
витает над страной и сил
нам придаёт — ты жив, Алюнов,
сын жертвенный, великий сын!

2000

ЮМАН

Юман... Он жил среди нравственных уродов
и фарисеев — всех хотел любить,
но истый сын чувашского народа
и настоящий — в травле был убит.

Отравлен был — в больнице дали яд.
Белогвардеец, и троцкист, и контра —
писатель классный, чувствовал он остро
всю фальшь всего, что «красные» творят.

Весь строй пропитан клеветой и ложью
и пахнет кровью — стонет вся страна.
Всеобщий ужас, ночь и бездорожье
днём светлым именует сатана.

Юман всё понимает: духом нищи
большевики, у них нет правды, нет.
Он в западне, он мечется, он ищет,
но не находит выхода — поэт.

Поэт великий, трудно, канительно
живя среди завистливых коллег,
любил их всё же, чувашей — отдельно,
любил как неразумных, как калек.

Но зависть чёрная от крови чёрной
бывает и поэтому любить
не может, не умеет, и о чём мы
прекрасно знаем: зависть — жизни бич.

Талант ему собратья не простили,
и отомстили за его талант.
И кличкой «враг народа» окрестили,
тем самым обессмертили дела.

Проклятью предавали это имя,
тем самым опозорили себя
на веки вечные — неповторимо:
таков урок и такова судьба...

2000

ВЕЩИЕ СНЫ...

Хоть и пели не вещи мне гамаюны
(я не Блок и не Лермонтов — без эполет),
сколько б ни было лет, всё ж не старый, всё юный,
хоть и робкий, наивный, но всё же поэт.

У поэта любовь — самый главный источник
вдохновения, чтоб мыслить, гореть и страдать
и творить в духе бардов великих, восточных,
чтоб болеть от избытка страстей, жить, вздыхать.

В культ любовь я возвёл и молюсь, и молюсь ей.
Хоть и жизнь моя вся есть сплошная беда,
принимаю её всё ж звенящей, поющей,
из неё просто так не уйду никогда.

И пусть смысл жизни той иногда непонятен,
пусть немного смущён я, и грустен мой вздох,
и совсем уж нерадостны речи, объятья,
потому что в них вечно таится подвох,

всё равно я зову, всё равно восславляю,
о любовь, вновь тебя, мою жизнь и весну.
Буду грезить во снах и мечтать, вдохновляясь,
до тех пор, пока вечным я сном не засну...

2001

ЛУЧИ ПОСЛЕДНИЕ...

Лучи последние надежд моих погасли.
О чём теперь вздыхать, мечтать о чём?
Надеясь на любовь, был всё-таки я счастлив.
Изверившись в любви, изверился во всём.

Бывает ли любовь? Бывает. Эфемерна...
Глупа бывает. Врёт и воровит.
И потому — бездушна и химерна.
Как быть с такой? И, наконец, как жить?

Как петь, когда ты не горишь, а тлеешь?
О чём петь? Для чего? Кому же петь?
И что за жизнь, когда вот так прозреешь?
О, скорбь прозренья! То — не жизнь, а смерть.

Любовь не только видимость и томность.
Любовь не только розовый туман.
Она и пустота, её бездонность.
И вместе с тем — чарующий обман.

В итоге — нуль, как уточнил наш Сеспель.
«Всё — дым», — сказал туркмен Махтумкули.
Прислушаться бы нам, поняв, учсть бы,
бродя вблизи от счастья иль вдали.

Но где б ты ни бродил, лучи погасли.
Ведь ничего и не было и нет
на самом деле — непонятно разве?
Ведь без лучей он есть ли — белый свет?

2001

ОДНОМУ ДРУГУ

Ты знай: всё в мире тленно, всё мгновенно,
и ты в нём — гость, пронырливый злодей.
Уверовав в обман, власть хвалишь вдохновенно
и предаёшь всю жизнь своих друзей.

Все ходят в гости, погостив, уйти чтоб:
пришёл-ушёл, и всё, простыл и след.
Лишь ветер куролесит в поле чистом
да вьётся пыль — тщета счастливых лет.

Нет веры ничему — покинут силы,
не станет чувств, придет смертный час.
Уж где-то тихо реет тень могилы.
Ты весел, счастлив был — в слезах угас.

Удачлив был, но где твоя удача?
И где богатство, слава? Где почёт?
Всё переменчиво, всё прочь уходит дальше.
Всё движется, меняется, течёт.

Пусть против всех ветров шагал ты смело,
пусть нелегко ты жил в кругу земном,
знай: всё равно припомнят злое дело;
знай: в Судный день предъявят всё равно...

2001

РАЙ

Мир созерцая много лет,
ты вникни, знай и в курсе будь:
нас в рай ведёт здесь на земле
окольный путь, неправый путь.

Решай, крепись и выбирай:
в том твой успех, твоя судьба.
И попадёшь ты в этот рай,
предав друзей, продав себя

и даже — свой родной народ...
В угаре шумной суеты
за годом год спеша уйдёт —
пробудешь в холе, славе ты.

И, дорожа тщетой, обман
в самообман свой превратив,
иллюзией ты будешь жив.
Твой рай — как дым. Иль — как туман.

Друг, жалок ты в раю своём,
и от тебя бегу я прочь.
Мир тем хорош, что все умрём,
не только я, и ты умрёшь.

И ты умрёшь и попадёшь
теперь уж всё-таки не в рай.
Свет белый, мир, — он тем хорош,
что знает — где конец, где край...

2001

ВЕРЕ

Я всё тот же, кудри вот — потрогай,
правда, с проседью в мои года.
Ты моя давнишняя подруга.
И ты знаешь, в чём моя беда.

В том она, что был я заколдован
музой-ведьмою с молодых ногтей.
Как больной, вне дома, в школе, дома
всё стихи строчил, не спал ночей.

Одержимый пагубной той страстью,
жизнь свою я в пытку превратил.
И порой мне становилось страшно —
задыхался, не хватало сил.

Взяв на плечи все печали мира,
подгибался, гнулся, как тростник.
И всё чётче, звонче пела лира,
мужественней всем казался стих.

И открылись мне такие дали,
что почти везде нашёл приют.
Раньше за стихи нам срок давали,
нынче и копейки не дают.

Нищенство — моя беда другая.
Нищему почтения нет вовек.
Ты, моя подруга дорогая,
чтишь одна меня, ты — человек.

Но я сам, увы, стать человеком
не успел, тебя я потерял.
Страшная моя беда и в этом.
И в стихах — ужасный матерьял...

2001

ДОКОЛЬ?

Ивану Егорову

Народом правят шайки бесноватых.
Доколь же будут править, мучить, брат?
Бездарное правление чревато
тяжёлыми последствиями, брат!

Твержу давно и письменно, и устно:
давай джихад объявим сатане.
Агонию бессмертного искусства
прискорбно видеть мне в моей стране.

Средь прочего всеобщего развала
поэзию пытаюсь задушить,
из кожи лезет вон дитя разврата:
ему, вишь, жить, поэзии — не жить.

Бездарные у нас лауреаты.
Бездарны все, и каждый — идиот.
Бездарны и народные поэты.
Тому сродни, кто званья раздаёт.

Бездарный тип и сквозь ушко пролезет
игольное — он нагл, всегда таков.
Кто истинен, талантлив — не жалец он
на этом свете испокон веков.

Будь гениальным, скажут: гений мнимый.
Уж лучше схорониться коль сумел.
Так как же ты, теснимый да гонимый,
как ты сумел сберечься, Сениэль?

2001

В МИР ТЕНЕЙ...

О сколько было вас! Ушли все в мир теней...
О сколько нас! И мы уйдём туда же.
Остаться здесь? И не мечтай ты даже.
А в мире том, в глухих извилах, — всё темней.

А в мире том все реки вспять текут
и нету под водой благих огней свеченья.
И если — честно, нету и теченья.
Те, кто в чём уверяют, просто лгут.

Там нет садов, не плачет там навзрыд
хор соловьёв — их нет, не прилетели.
Там нет весны, зимы. И нет метелей.
А мир сей за туманом смерти скрыт.

Шьёт саваны, не упуская мига, смерть.
Храбрился перед ней, показывая фигу,
добил ты свой роман иль не dokonчил книгу,
тебе спастись от смерти не суметь.

Земля — оазис жизни среди планет,
а мы — песчинка, прах, ничто в тумане.
Никто не вспомнит нас и не вспомянет,
ведь миру всё равно: родился ты иль нет.

2001

ОПАСНЫЙ ДРУГ

Опасный друг, паршивец одиозный
о нас эмиру на ухо шепнёт —
не то что не поэт, не стихотворец сносный,
а виршеплёт, придворный виршеплёт.

И нас не будет в списке одарённых
и приближённых к трону никогда.
Мы будем в списке чёрном, отдалённо
ютясь в своём углу во все года.

Лесть низкая — опора виршеплёту.
И беззастенчивая похвальба
о том, что не летит у нас всё к чёрту
и дело, уж поверьте, — не труба.

Меж тем дела идут из рук вон плохо.
Разбой кругом, убийства, голод, мор.
И страждущих, больных как стало много!
Пропавших, падших сколько, город мой!

Опасный друг паршиво пишет оды,
эмиру нравятся, ласкают слух.
Опасный друг бездарен от природы,
но он один из верных царских слуг.

Так повелось издревле, жополизы
и подлецы, тому подобный сброд
всегда был на виду, пригрет, а истый
талант и умница — наоборот.

Но верю я и жду: сей трюк не вечен,
иной порядок будет утверждён.
И будет торжествующий невежда
навек приговорён и осуждён!

2001

МОИ ВРЕМЕНА

О, времена во времена мои!
О, нравы! Стыд и срамота... Разбой...
Продажа... Купля... Смертные бои...
Как оставаться тут самим собой?

Как не расслабиться и не продать
души своей за славу, за деньги
и оказаться, как предатель, тать,
на вражеском, чужом нам, берегу?

Знавал я в жизни голод, холод, зной.
Во тьму вела меня моя судьба.
Не избалован долею земной,
умру, наверно, лишь познав себя.

И пусть я исковеркан, в сердце — дрожь,
бьёт сердце временами вперевой,
дыбой вздымает боль, и всё ж, и всё ж
ни с кем не поменяюсь я судьбой.

Себя познал я, был я неплохой
во всех перипетиях жизни. Да.
Быть может, ошибался раз-другой,
не ошибался в главном — никогда.

Выигрывал, проигрывал бои,
довольствовался я своей судьбой.
Я был и есть во времена мои
и буду, и всегда — самим собой!

2001

ПЕЧАЛЬ ДУШИ МОЕЙ

Наш срок земной — печаль души моей.
Он короток и мал. И нам милей
его заботы и причуды с каждым часом.
И каждая минута, миг ужасно
волнуют сердце — жжёт печаль сильней.

Жизнь истинная наша — не подлог.
То, что её покинем, — не предлог
для сумасбродств, отчаянья и горя.
Наш путь земной уныл, и хлеб наш горек —
держись: земля уходит из-под ног.

Неужто всем придётся умереть?
Я не хочу! Хочу я жить и петь
о том, что жизнь любая — наслажденье,
хоть будь одни в ней беды, треволенья.
Хочу я жить, любить, томиться, млеть!

Но я один — навеки одинок.
О где ты, где, надежды огонёк?
Не дай мне головой о стену биться,
а дай мне вновь гармонией упиться.
Но я — не я. Я — дух... Далёк... далёк...

2001

БЕЗ ДРУЗЕЙ

И время же настало — не время, а бред!
Чернее могилы у времени лик.
Я кличу друзей, я плачу, ответа нет,
не будет никогда — напрасен клик.

Кто умер своей смертью, а кто — погиб.
Отныне могила — родной их край.
Был в юности друг у меня — Архип,
но в двадцать уж лет угодил он в рай.

Был Лев... И был Лёша — поэт Аттил.
Угас, от несправедностей изнемог:
он жизнь свою в ад на земле превратил —
горел и сгорел, а по-иному не мог.

Талвир и Шавлы... Многотруден путь
любимцев народных в лихолетье бед.
Я кличу друзей, я плачу, ответа пусть
и нет, но они — со мной, как жизнь, как свет.

2001

ЗВЕЗДА МОЯ ГОРИТ...

Я в жизни проходил уж много круч и далей,
предписанный в пути упасть и замолчать.
Скитался я, и ты — предел моих скитаний,
о час грядущий, окончательный мой час.

В тот час, в последний раз на солнце моя песня
мелькнёт, и я уйду и не приду назад.
Найдя приют в жилище тесном, уже здесь я
ваш буду созерцать и голод, и разлад.

И знаю я давно, что рук ничьих сплетенья
уж шею не ожгут мне больше никогда.
Я в мир теней ушёл, и все мы, все, там тени.
На наших на путях — полынь да лебеда.

Ах, как же быть, друзья, с мечтами нам о рае?
А есть ли он, ваш рай, и, если есть, то — где?
Уносится мечта и в воздухе сгорает.
Мир здешний, как всегда, — в трудах, в борьбе, в беде.

Горит пока звезда. Гори, гори ты долго
на радость добрым всем, на горе сволочам.
Не жить и мне, звезда, как ты погаснешь только.
То значит: он пришёл — мой смертный час...

2001

ИВАНУ ЕГОРОВУ

Ты брат родной мой, друг, любимый брат!
Гляди, какой на липах цвет душистый!
Всю жизнь сопутствуя мне, был всю жизнь ты
примером милосердия и добра.

Росли мы вместе, вместе и цвели...
Кудрявый тихий мальчик синеокий,
как без тебя мне было б одиноко!
Как ум твой светлый для меня велик!

И помню я с первоначальных дней:
любя людей, и свет, и всё живое,
ты беззащитен был, раним душою —
благословляя жизнь, терялся в ней.

Всегда сулил нам гибель жизни путь.
И мы прошли его вдвоём достойно:
преследовали наши цели стойко
и били в цель всерьёз, не как-нибудь.

Теперь на липах — иней, а не цвет.
И на висках у нас такой же иней.
В глазах твоих, когда-то светлых, синих,
давно уж не играет прежний свет.

Ты грустен, ты печален. И тоска
по быстро так промчавшимся денёчкам
в них с каждым божьим днём заметна очень.
И жизнь теперь бесцветна и тускла.

А трубы смерти всюду смерть трубят.
Ах, брат мой, брат! Переживи ты брата.
Любовь моя, печаль ты и отрада,
душа моя, как жить мне без тебя?..

2001

КЛИКИ ЛЕБЕДЕЙ

Отлетая, птицы в небе тают.
Боль осенняя нам грудь прожгла.
Не горюй о том, пусть отлетают,
а горюй о том, что жизнь прошла.

Страшно как — средь дум и потрясений!
Было так и раньше, и всегда.
Клики лебедей в дали осенней
жалобно зовут с собою вдаль.

Понял ли, куда зовут нас птицы?
Край неведомый — не отчий край.
Нам оттуда уж не возвратиться.
Здесь, на месте, бог, нас покарай.

Покарай за все грехи и тупость —
проворонили мы сатану.
Покарай за немощ нашу, глупость —
проморгали мы свою страну...

2001

ДЕВА

В те годы, когда был я юный, грёзы
переполняли сердце; в взрыве чувств
восторженные появлялись слёзы.
Я и теперь душою в юность мчусь.

О дни! О ночи! Я ль всегда не юный!
Иным быть не умею, не могу.
Всё струны золотые да свет лунный
чаруют душу мне — на всём веку.

Всё девы юной лик — перед глазами:
и очи синие, и взгляд родной.
Не спутаю с другими голосами
прощальный её голос молодой.

Прощаюсь я, всю жизнь прощаюсь с девой,
как и она прощается; но я...
я знаю: не прощусь... Ах, что же делать,
коль то — любовь бессмертная моя?

Любовь — моя судьба и злая шутка.
А если это просто ложь, навет?
Я и тогда, как ни было б мне жутко,
не распрощаюсь с девою навек.

Не распрощаюсь и умру я юным,
ведь дева та и юность для меня
одно и то же — как при свете лунном
всё струны золотые мне звенят...

2001

ВНОВЬ ДРУГ, ПРОЩАЯСЬ

Вновь друг, прощаясь, долго провожает —
проститься сразу, видно, нелегко,
когда твой друг надолго уезжает,
и уезжает слишком далеко.

Вновь друг, прощаясь, обнимает крепко,
нежней родного брата, я б сказал.
Слезу пускает друг мой очень редко,
на этот раз в слезах его глаза.

Вновь друг, прощаясь, мне рукою машет,
мол, будь здоров, счастливого пути!
Жизнь наша вся прощанье с жизнью нашей.
Пойми то, друг, пойми и не грусти.

И друг, прощаясь, думает, конечно,
о том, что с жизнью нельзя играть —
как будто расстаёмся мы навечно,
как будто машет мне... в последний раз.

2001

ЦВЕТОВ ОГОНЬ

Доколь грустить, печалиться доколь?
Не станет мир ни чутче, ни добрее.
Осенних не угас цветов огонь,
но сердце старое моё не греет.

Долой печали все, и грусть долой.
Исчезни, на судьбу и бога ропот.
Любовь и смерть витают надо мной,
и чувствовать, и жить меня торопят.

Любить спеша, упорствовать спеша,
душою юным станешь поневоле.
И обомрёт счастливая душа, —
о бедная! — от счастья, как от боли.

Доколь болеть душе, грустить доколь?
Но знаю я: не станет в ней светлее,
ведь уж давно угас живой огонь,
и сердце старое моё чуть тлеет...

2001

ОСЕННИЙ СВЕТ

Осенний свет от золотых берёз
на лик мой падает, лаская взор мне.
Жизнь пережив, нам погрузить резонно —
и я грущу, печалюсь я до слёз

о том, какая это была жизнь!
О том, какое это было время!
Как изменилось всё, как тяжко бремя! —
вздыхни и на себя тут положишь.

Предвестник чувств, от золотых берёз —
волшебный свет спокойно, как свет лунный,
ласкает взор, но я не отрок юный,
а свет осенний — не источник грёз.

И всё-таки немолодой наш век
не хочет признавать свою усталость:
тряхнёт он стариной! — что в нас осталась
нетленно и останется навек...

2001

Я ПЛАЧУ...

Завяли и розы, и розы заката...
Хоть ласков и добр лунный луч золотой,
под сенью незримого вешнего сада
не чувствую больше, что вновь молодой.

Всё было чудесно, прекрасно вначале,
уныло, безрадостно стало сейчас.
И это достойно тоски и печалей.
И хмур я, и тих, с ночью в горе сойдясь.

О ночи! Осенние лунные ночи!
О добрый и ласковый мир золотой!
Я плачу — мои затуманились очи:
нет сада давно, и я не молодой.

Хожу не под сенью незримого сада.
Исчезла как сон, как туман сада сень.
Завяли и розы. И розы заката
завяли, поникли, угасли совсем...

2001

УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Время летит, и я вижу как время бесценно.
Сердце стучит и сжимается — тяжело ему.
Больно, что жизнь уходящая наша бесцельна.
Прошлое тоже не нужно теперь никому.

В прошлом у нас безоглядная вера слепая
в призрак была, из нас каждый как чокнутый жил.
Но, тем не менее, жизнь нынче стала такая,
что и понять, и принять её нет просто сил.

Время летит — отлетая, проносится мимо.
Труд наш ударный сменил безобразный базар.
Уж не придёт то, что было когда-то любимо,
западный хам подавляет нас — волжских болгар.

В прошлом у нас были тихие песни, как грёзы,
дружба, согласие... Мы жили единой струной.
Ныне её оборвали — и всюду угрозы,
дух нищеты над когда-то богатой страной.

Время летит, исчезая, чтоб с вечностью слиться.
Сердце стучит, в нём тревога — как гулкий набат.
Хочется верить, я верю: чуваш возродится,
но — без меня, мне уже не вернуться назад...

2001

ЗИМНИЕ НОЧИ

Какие долгие зимою ночи!
Рассветы как невеселы зимой...
Того кто раньше замечал не очень,
тот понял вдруг: как грустно, боже мой!

Мы в юности того не замечали,
чёрт знает где шатались мы ночами,
так беззаботно расточая век.
Таков наш ум, таков уж человек.

Какие долгие зимою ночи...
За полночь приползали мы домой,
и то считали: ночи кратки очень —
как весело нам было, боже мой!

С тех пор так много в жизни пережито,
испытано, изведено, открыто,
что сердце тихо просит на покой.
Ах, ночи, ночи долгие зимой...

Нависнут тяжким грузом надо мною
тревоги и печали и дела —
какие ночи долгие зимою,
в какие дебри жизнь нас завела!

Тем боле — человек я одинокий,
и в сердце горе спрятано глубоко,
никто, никто не ждёт меня домой.
А ночи... ночи страшные зимой...

2001

ГУРИЯ

Струны эти запели о ком?
Путь к тебе — за верстою верста.
Далеко ты от нас, далеко,
как далёкая в небе звезда.

О тебе рассказали мне сны.
Воплощаю я замысел свой:
стонут струны в объятьях весны,
струны эти — мой голос живой.

Путь к тебе — за верстою верста.
Сколько бы ни плутал я в пути,
до тебя не дойду никогда,
до могилы дошёл уж почти.

Струны плача запели о ком?
О тебе, человек из мечты.
О любви неземной и о том,
что любовь эта, гурия, ты.

Я ни разу не видел тебя,
вижу только во сне с юных лет.
Не встречаясь, разлуку терпя,
я прощаюсь с тобой на земле.

Пойте, струны, разлуке назло,
не молчите, страшась, перед ней.
Будет мне и в могиле светло
с неземною любовью моей...

2001

О, КТО ТЫ?..

Влюбляюсь в жизнь я с новой силой.
Вплетаю в образ грусть свою.
О, кто ты, призрачный и милый?
О ком я страстно запою?

Единомышленник прекрасный!
Твои улыбка и глаза!
Влюбляюсь в жизнь я не напрасно —
в цветенье, в свет и в голоса.

Восторг какой! Какие встречи
у нас с тобою впереди
и удивительные речи!
Огонь какой и жар в груди!

Я запою не слишком звонко,
хоть бурно, но не как гроза,
о ком-то светлом, одиноком,
чьи очи грустны и в слезах.

Друг лучший мой! Мой друг грядущий!
Среди бушующих страстей
ко мне как к брату брат идущий,
ты — человек не из людей.

На это нелегко решиться
без сердца, полного огня.
Ты для меня дороже жизни!
Ты — как бессмертье для меня!

2002

СИЛУЭТ

Луна, луна... И лунные качели...
И чью-то тень качает лунный свет.
Я в этот синий вечер неужели
не воспою и тень, и вишен цвет,
и соловья, и деву, и рассвет?

А тени лунные всегда в печали
то одиночно бродят, то гурьбой
и тихо-тихо странствуют ночами,
чаруя тишь воздуха голубой.
Все в чёрной шали, с грустной головой.

В цвету и вишня, и сирень, и груша.
И соловей уже поёт всюю.
Томленьё сладкое и нежность душу
мою на крыльях юности несут,
мне возвращая этим юность всю.

И мнится, что скользит бесшумно, робко
передо мною чей-то силуэт.
К кому-то кто-то в ночь идёт торопко,
и тень его качает лунный свет,
и брезжит — далеко ещё — рассвет.

Не сам ли это, по уши влюбленный,
лет эдак сорок-сорок пять назад
спешу в саду я в угол отдалённый?

И сад вот этот — тот же самый сад?
Но знаю я: теперь так не спешат.

Луна, луна... И лунные качели...
И молод, юн душою лишь поэт.
Любили мы и мы любить хотели
любовью верною всю жизнь. В ответ
скользит к нам ночью чей-то силуэт...

2002

Я ЛЮБЛЮ...

Надо мною сияние ласки и света.
Предо мною мерцанье несбывшихся снов.
И брожу я весною всю ночь до рассвета,
словно вновь молодой и безумствую вновь.

Будоражит меня и уводит мерцанье
в мир прекрасных, таинственных, радостных грёз.
Тает сердце моё, тает, не замерзает.
И поэт умиляется, бедный, до слёз.

И цветень, и запахи сказочной ночи
как целебны при яростном свете луны!
И глядят, и глядят в душу синие очи.
Душе юности дальней стенанья слышны.

Словно хочет она, хочет юность, стеная,
мне сказать, что я срезался, не долюбил,
и что только дурак боль свою распинает.
Я же, боль убивая, любовь не убил.

Потому мой незримый полёт без ответа
оставляет укор — смысл хоть и ловлю.
И хожу, и хожу я всю ночь до рассвета.
Я люблю, но не знаю, кого я люблю...

2002

ТВОЙ ОБРАЗ

Сквозь горечь и муки мне светит,
мне светит сквозь годы и сны
твой образ далёкий и светлый,
как образ прекрасной весны.

Весне соответствовал возраст.
Всю жизнь мне как юный порыв
далёкий и светлый твой образ,
как образ прекрасной поры.

Прошли мы путь долгий, нелёгкий.
И видится он — как сквозь сон.
И образ твой светлый, далёкий —
как образ прекрасных времён.

Тебя больше нет уж на свете.
Навечно мне сердце обвил
твой образ далёкий и светлый,
как образ весны и любви...

2002

ЧУВАШСКАЯ БОЛЬ

О, скольких нет народов! Не всякий выживет
во тьме глухих столетий на злой земле.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
заложник я московский полтыщи лет.

Вот новое столетье, вот снова вышли мы
на риск, на безнадёжность и — скорбен путь.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
живя, мне ни распеться и ни вздохнуть.

Вздохни, запой чуть громче ты, сразу вышибут
твой смелый дух свободы... и нет тебя.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
петь будешь, грусть тюремную теребя.

По качествам и свойствам пусть много выше мы,
но скажут: «басурманы» — не жить без свар.
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
руины есть Булгара, исчез — Сувар.

Ужель и на руинах народ мой выживет?
Ужели не исчезнет во тьме времён?
В краю ста тысяч песен, ста тысяч вышивок
надеяться хочу я и верить... в сон.

2002

ТАРХАНСКАЯ КРОВЬ

Мой каждый стих почти как исповедь.
И оттого средь каинов, иуд
тарханской крови буйство и неистовость
всю жизнь мне жить спокойно не дают.

Мерзавцев я, братоубийц, предателей,
ещё юнцом узнал и заклеил —
суровым был, не только был мечтателем:
не терпит слабых, губит затхлый мир.

Кровь эта мне от предков по наследству
передалась — и я, идя ко дну,
держусь за нить неумирающего детства:
и знаю, признаю лишь страсть одну.

И не угомонить, и не унять мне
сей шум в крови — бушующую страсть.
В любви и ненависти вновь опять мы —
тарханы — будем страстность сохранять.

И воскресая, уходя от тленья,
живя я в вас, а вы живя во мне,
мы будем так до светопреставленья
гореть в аду на медленном огне...

2002

МАТЕРИНСКАЯ УЛЫБКА

Люблю я материнскую улыбку,
зовущую в родимые края,
где мать качала юной мою зыбку,
и где такой нескладный вырос я.

Слегка лукава, может, но радушна,
строга порой, но никогда не зла,
улыбка матери чиста и простодушна,
чуть жалостлива и всегда светла.

Ласкающая душу обаяньем
и нескудеющим своим теплом,
дающая мне радость, не страданье,
улыбка эта щит в борьбе со злом.

Кто, жизнь прожив, не совершал ошибок?
Был мамы лик как яркая звезда.
Я перед материнскою улыбкой
склоняю низко голову всегда.

От злой судьбины некуда нам деться.
Наперекор судьбе, в любом краю
навек на дне трепещущего сердца
улыбку матери я сохраню...

2002

* * *

Время, время властвует над миром!
Холод мёртвый душу леденит.
В мире этом, неуютном, сиром,
плач да стон да вопль летит в зенит.

Беззаботный смех услышишь редко.
Бродит смертный с думой на челе.
Дума эта потрясает крепко
и меня, пугая, в том числе.

Некому пожаловаться. Бдению
что ль пожалуюсь? Оно как сон
иль как тень, как полная смятенья
жизнь моя, жизнь в вареве времён.

Времена! O tempora, o mores!
Нравы! Чтоб на месте я подох.
Жизнь ли это? Нет, не жизнь, умора:
что ни шаг — угроза иль подвох.

Угрызения томят и гложут.
Пусть свершится чудо из чудес:
до могилы я хотел бы всё же
устремиться злу наперерез —

навсегда лишив себя покоя,
гневным словом душу опаля,
громыхнуть вдруг что-нибудь такое,
от чего бы вздрогнула земля...

2002

* * *

Насмешка злая это, насмешка злая!
Всё к чёрту катится, уходит в дым —
становится жизнь даже не золою,
а дымом как бы, воздухом пустым.

Где всё воистину святое: юность —
любовь, надежды, вера? Радость где?
В краях каких? И горько улыбнулись
какому богу вы, какой звезде?

Напрасно. Зря. К тому же — бесполезно.
Ведь знаем — где. И потому, дурак,
людей ты не смеси: ведь так — извечно,
ведь всё проходит вечно только так.

Проникнуть не пытайся ты глазами,
как некий йомзя, в глубину веков.
Всё там покоится: не быль — сказанье,
точнее — прах всего, всех тех годов.

Потомки милые, к вам обращаюсь,
скитальцы будущие, призываю вас
сквозь тьму времён я, грешник грешный, каюсь:
не надо вздорить с жизнью, воевать.

До смерти изумлённый красотою,
нездешней красотою жизни, я
затосковал вдруг странно... Пустотою
грядущее приветствует меня.

2002

* * *

Совершая путь свой, год от года
наблюдаю средь тревог, забот:
всё сгорает на земле у бога,
не сгорает дух — всегда живёт.

...Был я юный, был любвеобильный.
И весенней ночью при луне
грезился всё образ мой любимый
не земной всё ж, а небесный, мне.

Трепетно протягивая руки,
я, влюбленный, к звёздной вышине,
забывал земную горечь, муки,
верил: вспомнят, вспомнят обо мне!

В скорбный час, весь чёрный от печали,
я не вижу света на земле.
Жду, чтоб дух мой ангелы умчали
в небеса на много-много лет.

Юноша грядущий! Нет, не вздумай
строить жизнь ты, в прах её кляня.
Вспомни с болью стих мой этот, дух мой —
и очнись, и позови меня...

2002

МАВЗОЛЕЙ

Веет ветер, угасает пламя.
И, угаснув, угли не горят.
Веет ветер времени над нами,
юность обречённая моя.

Боль свою с трудом преодолая,
я кричал и бился пред тобой,
умолял остаться, в чём не каюсь
и поныне, как поэт любой.

Но ни стоны, ни молитвы бурю
эту странную не отвели:
юность пала и исчезла, будто
на закланье юность увели.

Я искал её потом повсюду,
доводя до крайностей себя.
Рвался я к несбыточному чуду,
жизнь свою терзая и губя.

Ветер времени меж тем над нами
дул и дул в содружестве стихий.
Боль моя давным-давно, веками,
превращалась в песни и стихи.

Потому я старческой рукою
больше не цепляюсь уж, бог с ней.
Из стихов ей мавзолеей я строю —
обречённой юности моей...

2002

* * *

Так мало жил я, вроде бы и не жил,
впрямь будто некий произвол царит:
смех, слёзы, бунт... ругал кого-то, нежил...
всё-всё — как сон! И я уже старик.

Ни имена, ни точность хронологий,
ни сожаленья стали не нужны.
Вся жизнь моя — в теперешнем итоге.
Лишь нынешние страсти мне важны.

Сквозь дрёму лет увидеть я пытаюсь
улыбку милую, которой нет
ни здесь, ни там — мираж! И я хватаюсь
за сердце старое — сквозь дрёму лет.

Откуда эта страсть и ощущение
любовное, последний сердца вскрик,
когда проходишь ты сам пред собою тенью
и средь теней, что были тут, старик?

Наверное, прощаясь, обращаюсь
к потомкам я невольно и горю —
чудесно в молодого превращаюсь
и речи страстные им говорю...

2002

* * *

Прошу тебя, ответь мне, ради бога,
неужто жизнь не жизнь, а только сон,
просмотренный ничтожным и убогим
халдеем — сон с трагическим концом?

Неужто юность, и любовь и песня,
ночь лунная весною — лишь мираж?
Неужто, старость жадная, стал весь я
тобою? И тех дней мне не отдашь?

Незыблемость твоя как смерть, которой
не то что я, сам сатана не рад.
Казалась юность вечною, но скоро
судьбою начат был другой парад.

О них теперь и говорить излишне,
ведь так творится испокон веков.
Но, сопричастный юности и жизни,
войду в последний час свой в стан богов.

И попрошу: ответьте мне, о боги,
чем доказать, что жизнь не только сон,
а смысл великий, радостный, глубокий
для всех людей, народов и времён?

2002

ПУСТЕЕТ ЖИЗНЬ

Пустеет жизнь — тоскую и скучаю,
как будто с глаз упала пелена —
гляжу на мир я с тихой печалью,
печалью вся душа напоена.

Как будто понял: жил и ошибался,
и в заблуждении прожил всю жизнь —
не с теми пил, не с теми я сшибался,
не тех любил, не тот путь совершил.

Но так ли это? Странное безлюдье
на долю выпало мне, как и вам.
Людей полно — бредут толпою злоущей:
глухи к чужому горю и словам.

К любви и ненависти равнодушны.
Их, видно, пропили, как и страну.
Как больно было мне всегда, как душно,
зреть над толпой не бога, сатану.

И словно сами все осатанели
те люди, то есть нелюди, в стране —
и алчностью и кровью опьянели,
продав за деньги душу сатане.

И с кем я пил и с теми, с кем сшибался,
я всё ж дружил, людьми их всех считал,
любил, порою хоть и ошибался,
им всем не врал, всего себя отдал.

И совершил я путь, друзья, тот самый,
который должен был и совершить.
Уходит жизнь, грустнее вместе с нами,
друзья уходят и пустеет жизнь...

2002

К ЗАКАТУ ЖИЗНИ...

Зарёю жизни, в юности туманной,
я светом грезил, о любви мечтал —
о настоящей, пылкой, безобманной, —
о счастье, о земле обетованной...
А жизнь была сплошь горе и нужда.

Но всё равно я был и смел, и весел:
сияли очи — я горел огнём
и, радостный, всё думал о невесте.
А жизнь несла о днях дурные вести,
хоть я и бредил долгим, вечным днём.

Наивен был, ох до чего наивен!
На жизнь глядел как малое дитя.
Меж тем стал мир не дивен, а противен,
где укорачивали дни ретиво
и, в беззаконии, прервать могли шутя.

Туманна жизнь. Иду к закату жизни.
Порывы стихли. Сердца жар погас.
Отчизны нет уже в краях отчизны,
как нет в них счастья и любви. Лишь тризну
мне остаётся править в этот час.

Не стало света... Я ль не грезил светом?
И я ли не мечтал? Ушла мечта.
Мечтам и грёзам, снам моим, ответом
одни страданья, беды в мире этом,
в нём жизнь кругом — сплошь горе и нужда...

2002

НАЧАЛО И КОНЕЦ

В начале жизни я жизнью бредил,
я строил планы, я жить хотел,
хотел учиться, в любовь я верил,
в счастливый верил я свой удел.

Душа пылала, а сердце бурно
воспринимало чужую боль.
Но получалось всё так сумбурно,
что гибли грёзы, ушла любовь.

Мир оказался совсем не дивный.
Жизнь проходила совсем не так.
В начале жизни, юнец наивный,
я был ребёнок, я был простак.

На склоне жизни дышу я тихо,
жизнь наложила свою печать.
Уж не заплывешь с друзьями лихо,
ведь смертный чей-то уж близок час.

Придёт в свой срок он, придёт, задушит:
уйти, остаться — надежды нет.
В начале жизни — вся жизнь в грядущем.
В конце же — в прошлом, всему конец.

2002

* * *

Всё, что было, ушло, запропало.
Всё, что есть, тихо сводит с ума.
И жизнь кажется мне — вся! — опалой.
И тюрьма она, жизнь, и сума.

Стали вновь запрещать слово правды.
Горек стал хлеб насущный наш вновь.
Власть любая поэту не рада,
а у этой как смерть — нелюбовь.

Голодом душит нас, непризнаньем.
Ни копейки за труд не даёт.
Без поэзии власть и без знаний
тщится двигать Россию вперёд.

Наш эмир и того хуже, странный,
фейерверки он любит, ловкач.
Круг идей у него иностранный,
хоть и не иудей, а чуваш.

И, великий поэт, я, чтоб выжить,
собираю бутылки всю ночь
от знакомых тайком и всё выше
поднимаюсь душой, славя мощь...

2003

* * *

Не знаю — много ли ещё пройду,
но знаю — на тропе моей земной
и друга встречу, и любовь найду.
И муза будет как сестра со мной.

Земля моя! А кто того не хочет?
Полна душа и света, и огня.
Хочу сравниться я с землёю в мощи.
Пойми меня и не ругай меня.

Душа, душа... Бездонна и безмерна.
Пред ней, земля, почтенна мощь твоя.
В глуби моей души невероятной
мечта заветная живёт, таясь.

Но, покидая твои реки, рощи,
светись, скажу, просторами маня,
не смог я равным быть с тобою в мощи.
Прости меня, не осуждай меня...

2003

МОЕЙ СУДЬБЕ

Пока достиг по воле рока
конца пути, о сколько раз
встречаться мне пришлось с упрёком
твоих суровых, зорких глаз!

Ты упрекала, ты смотрела
своими чистыми — в мои,
забегавшие угорело,
смотрела, полная любви.

Но где, когда, решив угробить,
как буря, как девятый вал,
твоя нечаянная строгость
меня сразила наповал?

Молчишь... Как будто это тайна.
Судьба... При имени твоём
душа моя грустит печально
и плачет... Горе, беды — в нём...

2003

НАД АКСУ...

Над Казанью солнце светит.

Равиль Файзуллин

Над Казанью светит месяц,
над Аксу грустит луна.
Стал я стар, и это бесит
вечноюного — меня.

Я ропщу? Я дурью маюсь?
Кто меня не узнавал?
Резковат, на крик срываюсь?
Я и падал, и вставал.

Слушал совесть не вполуха,
голос совести моей!
Ощушаю твёрдость духа
и богатство — всё сильней.

Значит, я не старый вовсе.
Мысль пусть будет всем ясна:
старость — не зима, не осень,
вечноюная весна!

И вот мне такая старость
для чего и кем дана?
...Над Казанью — солнца ярость.
Над Аксу — горит луна.

2004

КТО ЧТО СКАЗАЛ...

Я не был воробьём среди пернатых,
был соловьём, был розой среди роз.
Пугать татарами меня не надо,
среди них родился, вместе с ними рос.

Хайдар сказал мне: «Ты, чуваш, предатель».
Туфан сказал, я помню: «Друг, сынок».
Хасан Туфан — счастливый обладатель
души великой и волшебных снов.

Хайдар — ничтожество, псевдотатарин,
не знаю, чем в Казани знаменит.
Фаиз сказал: «Писака он... без дара...»
Равиль сказал: «Себя поэтом мнит».

В Казани я немало кушал каши,
бог даст, и дальше кушать буду рад.
Шайми сказал: «Чуваши — братья наши»,
да и он сам, Минтимер, нам — как брат...

2004

ВСТРЕЧА НА ЛЕБЯЖЬЕМ

Чтоб не жить средь недобрых людей,
мы — на озере: я и Талвир —
на Лебязьем, где нет лебедей,
есть зато соловьи, чудный мир.

Где нас встретил лёгкий, как лист,
мальчик-старец — Туфан-ага.
Он сказал: «Смастерил... удались...
семь скворечников... хватит пока...»

И ещё он сказал: «Расцвели фиалки...»
На столе — чёрный хлеб, лук и соль.
Для богатых душой мудрецов, однако, —
лучшая в мире еда... средь лесов.

Слушали песни — поэт напевал:
«Сандугач», «Аллюки» да «Сарман».
Ах, как я и Талвир, не все зная слова,
пели вместе «Кара урман...»

Где теперь эти дни? Как мы все далеки...
Давности застилает туман
нас и песню печальную «Аллюки»,
и задумчивую — «Кара урман».

2004

ХАСАН ТУФАН

Сосед мой по аулу... Был
он чутким, благостным при этом.
Хасан Туфан меня любил
как земляка и как поэта.

На языке небесном петь
умел он, с вечностью брататься.
И перед ним — бессильна смерть,
убить его сколь ни пытайся.

Ни тюрьмы и ни лагеря,
и ни замалчиванья века
не смерть ему — старались зря:
он жив. Как богочеловек он!

Поэзии его — хвала! —
зовя к себе, ведёт как в Мекку.
Прости, что не тебя, аллах,
хвалю, а друга, человека.

И я его стихи пою
за доброту, за человечность.
Уйду, наверно, следом в вечность,
чтоб жить там вместе с ним в раю...

2004

МЕЧЕТЬ

Одна была и одинока
мечеть ажурная тогда
в Казани и лицом к востоку
стояла. Месяц и звезда
шептали ей издалека:
«Как хороша ты и легка».

Одна была и одинока.
Теперь их много. Хороши.
И все стоят лицом к востоку
для добрых помыслов души.
Услышь нас в небе, о, аллах,
услышь, где месяц — в облаках...

2004

ДЭРДМЕНД

Превыше золота ль ты, фу ты,
Поэзия? Что за шайтан?
И что есть истина? Что — смуга?
Ответь же, не молчи, коран.

Пусть — день, весна, но в сердце — ночь.
Прииск мой, дервишу — лишь хлам ты.
Смогу ль себя я превозмочь?
Смогу иль не смогу, но — надо.

Крупица золота иль слова
дороже станет сердцу впредь?
Какие тяжкие оковы
нести придётся, перенести!

Поэзия есть жизнь, дар неба,
не золото на чёрный день.
Ах, не богатства мира мне бы,
а скорби мира бы хоть тень.

Скорбь мировая всюду бродит,
как много же теперь её!
В любом краю, в любом народе
чадит дыхание своё.

Как дервиш, в плохонькой одежде,
как самый тихий и простой,
о погибающей надежде
споят пусть вздох мой и мой стон...

2004

ГАРАЮ РАХИМУ

«Бисмилляхи рахмани рахим», —
шепчут будто и мои уста.
Твой аллах, о Гарай Рахим,
он нисколько не лучше Христа.

Ты не бывший мой друг, ты любим,
будешь другом во веки веков.
Ты не ангел, я не херувим,
у обоих так много грехов.

И обоих теснят нас враги,
за талант и корят, и винят.
Бисмилляхи рахмани рахим...
В рай возьми ты с собой и меня.

Я, конечно, не лучше других,
как не лучше Христа твой аллах,
но обоих их я, Гарай Рахим,
признаю: им обоим — хвала...

2004

КАЗАНЬ

Чуть прикрою глаза, предо мною — Казань.
И на месте мне не усидеть.
Что Казань для меня? Alma mater — Казань:
юный пыл и университет.
Я поеду в Казань словно в юность свою,
встречу девушку Лалу, любовь.
Лале новые песни свои тут спою,
в них я выражу грусть мою, боль.

Я заплачу, увидев её — алтынчеч*.
Буду милую я обнимать, целовать.
Поведу о любви с нею тихую речь,
но слова будут знойны, слова...
И поверит мне девушка вновь.
И, подумав, я вновь усомнюсь
в её верности... Прочь ты, любовь!
Водворитесь в меня, боль и грусть!

...С этой болью прожил жизнь свою.
С этой грустью я уж никогда
не поеду в Казань, не спою
новых песен о юных годах,
потому что уж много мне лет,
и мне нечего больше сказать;
потому что и Лалы той... нет,
и Казань без неё — не Казань.

2004

* *Алтынчеч* — золотоволосая (татар.).

* * *

Тишь. И зыбкий мерещится свет.
И тоска, от которой не скрыться.
Слышу шёпот и тайный завет.
Тишь. И листья шуршат, как крысы.

Жизнь моя — непосильный сон
на краю катастроф и тумана.
А глаза — фиолетовый стон,
и, конечно, глядят ненормально.

И, как плети, висят крыла.
И я загнан в рубаху смиренья.
Раскалённое добела,
скорбно тлеет в ночи озаренье.

Ведь и души теперь — как гробы.
И сидим мы везде — как у гроба.
Чьи мы — бога или чёрта — рабы?
И какого порядка уроды?

2004

* * *

Жизнь прошла, как во сне, одиноко.
Я не добрый сегодня, не злой.
Сколько лет отаукалось? Много.
Пепелища мои простывают золой.

Лучшей женщине — тихой Чувашии
я чувашские песни пою,
но она песнь мою не уважила
и не стала вникать в жизнь мою.

Били всяко меня и без стука
в мою душу врывались не раз.
Я, терпя непосильную муку,
видел как слёзы льются из глаз.

Был подобен испуганной птице...
Это всё мне, как свет, как струя,
на последней черте пригодится,
чтобы тень не вилась, как змея...

2004

ПЛАЧ ПО ЗЕЛИМХАНУ

Убили. Жить не дали... Спи, поэт...
Ты был отличным другом, человеком.
За правду ты погиб, сражаясь с веком:
тому, кто за народ, пощады нет.

Ты, сын гармонии, хотел воспеть
родную землю и её свободу,
дав независимую жизнь народу,
хотел... чуть смог, чуть-чуть... и принял смерть.

Враги ликуют, поднимают вой,
клеветуют, лгут и нагло обзывают,
но, мёртвого позоря, забывают,
что жив вайнах ещё, он рвётся в бой!

Как ты сказал, есть истина одна,
хоть, может, правды в мире сём и нету:
всех призовет Всевышний нас к ответу,
и твой ответ — свободная страна.

Я, друг твой и потомственный тархан,
твой подвиг и твой образ восславляю,
твои дела и жизнь благословляю.
Я за тебя так горд, о Зелимхан...

13 февраля 2004 года.

ПРОЩАНИЕ С ЗЕЛИМХАНОМ

Я знаю, друг: ты смерти не боялся.
Я знаю также: презирал её.
Кто будет убивать — и это было ясно
тебе давно: друзья-враги, жульё.

Предатели-иуды... Друг, мне страшно...
Их ходит сколько и вокруг меня!
Ни на кого надеяться... Ужасно...
Шепчу о том я, душу кровеня.

Ты говорил, что всё уходит прахом.
Ты говорил о смысле бытия.
Ты встретил смерть, как должно, и без страха.
Тебе подобен в этом буду я.

И к скорби мира, к горестям тем ближе
ты был, что Правду Бога ты постиг.
Ты знал: всем сущим вера в Бога движет,
над нами — Бог, имеем шанс спастись.

Пусть царствуют и руководят ловко...
Ты — Правды подданный; тем выше тех господ.
Над всеми вечна длань Его. Неплохо.
И всем судья — один лишь Бог, Господь...

15 февраля 2004 года.

ПРОЩАНИЕ С ОТЦОМ

Был строг порой, но справедлив.
Ты там теперь, мы — здесь.
Через себя всю скорбь земли
ты пропускал, отец.

Тебя любили мы всегда.
Ты был для нас как свет.
Погасла ли твоя звезда?
Нет, не погасла, нет!

Она восходит и горит
в душе твоих детей
и о бессмертье говорит
твоих годов и дней.

Оставил нас, ушёл в миры,
жалеешь всех и там,
свои душевные дары
даруешь сверху нам.

Оставил нас стенать, кричать
со дна пустых сердец.
Отец, прости, прощай, прощай,
прости, прощай, отец...

7 августа 2002 года.

В ДОМЕ МОЁМ...

Тихо в доме моём, очень тихо.
Я люблю посидеть в тишине.
Жизнь прожил чуть не так, но не лихо.
Вспоминайте вы всё ж обо мне.

Поминать меня лихом не надо.
Я любил вас, старался помочь.
Было и трудно всем, и ненастно.
Жизнь была словно тёмная ночь.

Без любви, без надежд, без просвета
доживу ли до светлого дня?
И сейчас вот сживают со света.
Я не лгу, вы простите меня.

Тихо в доме моём, очень тихо.
Я люблю посидеть в тишине.
Жизнь прожил я достойно, не лихо.
Вспоминайте добром обо мне...

2001

* * *

Прощай, прощай! И пой со мною, пой!
Ты, как и я, не знал в судьбе покоя.
Неслись ветра судьбины плача, воя,
и бушевали как! Держись, друг мой.

В просторе жизни мысль меня насквозь
пронзала жгуче: на просторе этом
хотел сверкнуть я, друг, слепящим светом.
Хотел. Не смог. Не смог я. Не сбылось...

2003

* * *

Пусть ты думой земной удручён,
неземная тоска тебя гложет.
Жизнь — мгновенье. И ты обречён.
Но впадать в истерию негоже.

Как впадёшь, так считай, что пропал:
враз порвутся все светлые нити.
Лучше бы к устам милой припал —
обмануться и призрак увидеть.

Хоть и призрак, и то веселей —
без тоски неземной и печали:
друг любви — месяц льётся светлей,
освещая равнины и дали.

Ходит ветер свежо, налегке.
И ручей не тоскует, смеётся,
день и ночь всё журча в тростнике.
Будет время: жизнь в радость совьётся.

2004

ТАМАРЕ

Шлю кому я своё прости —
я не знаю, мой ласковый вечер.
И устал, и горюет мой стих,
что не смог, не успел ответить.

А ответ был простой: тому,
кто меня, разлюбив, не бросил.
Шлю своё я прости потому,
что весна на дворе, не осень.

Ведь и я в ту весну тебя,
дорогой человек мой, Тамара,
уж прости, целовал не любя,
в соловьиную ночь, в тумане.

Ведь и я не забыл, разлюбив,
хоть с того и прошло лет сорок,
не так сильно любил других,
как тебя, полюблю не скоро.

Всё равно: не простишь, простишь,
юность наша — в гробу, не встанет.
Соловьиный мой вечер, тишь,
ах, как много цветов в гулистане!

И я, как Саади, поэт,
шепчу тихий свой стих устало
о любви той, которой нет,
но которая вечной стала...

2001

В НОЧЬ ПОЛНОЛУНЬЯ

Это было давно — в год любви и разлуки.
В год, когда я прозрел и покинул тебя,
потому как я понял: страдания и муки
не колеблют того, любит кто не любя.

Было это весной, было в ночь полнолуныя.
Первый раз объяснился тебе я в любви.
Первый раз ошалел от твоих поцелуев,
но в тот первый же раз что-то в них уловил.

Уловив, усомнился. Пошли опасенья...
Я любил, я страдал и я мучился так,
что, спалив всё нутро, весь сгорев, опустел я.
«Стерва!» — я возопил раз однажды в сердцах.

И — не зря: опасенья мои оправдались.
Раз случайно увидел: целуют тебя!
Это было зимой, в полнолуные, в подвале.
И ты, как и меня, грызла их не любя.

Это было давно. Мы теперь постарели.
Ты — почтенная дама, я — нищий поэт.
Не любя ты любила всю жизнь, не сгорела.
Ну а я вот... а я... Я сгорел. Меня нет.

2001

БОЮСЬ...

Мне жутко, жутко мне: той жизни нет,
которая была, не будет боле.
Мой век прошёл, и перейдено поле.
В душе — глухой тоски ужасный след.

Для сердца, знаю, нужен перелом:
ещё не поздно и догнать, и слово
сказать кому-то и вернуть; и словно
опять ты — в настоящем, не в былом.

Но... лишь струится, не клокочет песнь,
навряд ли уж теперь всклокочет снова.
Как страшно: весь в былом я, весь, —
боюсь, что вот не будет и былого...

2001

НЕ ХОТЯТ

Заметил я и замечаю
так лет примерно пятьдесят,
как люди сыто жить мечтают,
а потрудиться не хотят.

Что может быть того глупее —
держат путь к цели порожнём?
И жизнь грубеет и грубеет.
Не сеём толком мы, не жнём.

Огрубла жизнь в раздорах, в хамстве.
В стране и круто, и остро
бал правят наглость и нахальство,
мошенничество, воровство.

Гребёж, убийство стали нормой.
И в моде — взрыв, пожар, теракт.
Кругом — террор, разбой и войны.
Страшит нас СПИД теперь, не рак.

Заметил я — звереют люди.
Ах, лучше бы — не замечать.
У каждого в душе — иуда.
О днях иных нам не мечтать...

2001

БЕЗДУШЬЕ

Есть в смутных речах туманность,
туманность в смутных речах.
А в лунных лучах есть радость,
есть радость в лунных лучах.

В улыбке бывает бедность,
и бледность — на твоём лице,
в любви моей — безответность.
И нету любви нигде.

Есть в лунных ночах душевность,
душевность — в лунных ночах,
а в поисках счастья — тщетность.
И смутность — в твоих очах.

Есть что-то в тебе старушье,
как в смутности — вообще.
И смутность эта — бездушье,
бездушье в твоей душе.

2001

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Неужто уж время, неужто пора —
подули тревожно, подули ветра?
Вот первый листок закружился, летит.
А в сердце моём — не осенний мотив,
а в сердце, а в сердце — весенний мотив.

Прощай, я уеду, будь счастлива ты,
живи без меня, без любви, маеты.
Вот первый снежок закружился, летит.
А в сердце моём — нет, не зимний мотив,
а в сердце, а в сердце — весенний мотив.

Расстанусь с тобой, чтоб не встретиться вновь,
ведь кончилась, сгинула наша любовь.
Вот первый листок пробудился, блестит.
И в сердце моём — всё весенний мотив,
весенний, чуть грустный, прекрасный мотив.

Я вижу: не вышла по свету ходьба.
Мотив этот, видно, как жизнь и судьба.
Я — здесь, не уехал, и время летит.
А в сердце, а в сердце — весенний мотив,
из юности нашей весенний мотив...

2001

ПРОМЕЛЬКНУЛИ...

Промелькнули годы славных дней,
унося и молодость, и юность.
Ты не плачь по ним, ты слёз не лей,
а жалея себя, свою понурость.

Тих — понурив голову сидишь:
где они — и впечатлений свежесть,
и мечтанья, и любовь, и нежность?
И к чему ночь эта, эта тишь?

Что ж? Пускай летят года, пускай.
Жив ещё ты — не убила пуля.
В том, скажи, кого же упрекать,
что так быстро годы промелькнули?

2001

ПИР

В землю горе я моё зарою
и не буду с горя вечно хмур.
Созову гостей я, пир устрою,
созову таких, кто смел, кто мудр.

Горюшко моё я утоплю в болоте,
но не утоплю его в вине.
И не нужно будет с ним бороться,
жить без горя можно станет мне.

Горе я моё сожгу, и пепел
на ветру развеется как пыль.
Был на этом свете я иль не был,
на пиру, устроенном мной, был.

Все друзья вели себя там мудро,
прославляли жизнь, забыв про смерть.
Тост за тостом! И настало утро.
Не пришлось за глупость мне краснеть.

Горя моего не видел больше,
мне сказали: будет сразу крах.
Пир! Ведь это жизнь была, о боже!
Жизнь! Ну а потом лишь — пепел... прах...

2002

ЖИВЁТ...

Обидно и нелепо — бездна
кругом, пустыня, мрак, хоть режь:
нет ничего, есть гряда пепла
от жизни всей — тревог и встреч.

Сгорело всё, промчалось тенью.
Идя на дно, мне всё равно —
успею я или не успею
обнять кого. Я — Сирано.

Я не хочу любви, я мёртвый
для вас, лобзанья, клятвы. Я
теперь не танец искромётный
пляшу — не та уж стать моя.

Пою не песню зазывную,
пропали голос и задор.
И мой язык глаголет нудно
не истину, а мелет вздор.

Но вот... как только я, однако,
твой вспомню смех, весёлый нрав,
выходит поцелуй из мрака,
дыша любовью, смерть поправ.

Забыть тебя мне невозможно.
И чаровала, и чаруй.
Как бы всё ни было тревожно,
живёт — бессмертен поцелуй.

2002

* * *

Ещё не все мной встречены рассветы,
ещё не все запели соловьи
о том, что стоит жить на этом свете
и стоит петь, любить, друзья мои.

Ещё не все сады во цвет одеты,
не все цветы в округе зацвели.
Но не найду тебя, любовь, о где ты?
Не слышится напев родной земли.

Ещё не всё от жизни мною взято,
в душе гремит мой юношеский пир,
в душе — рассвет, не отблески заката.
Ещё не опостылел этот мир.

Ещё не всё уплыло, пролетело.
Ещё судьбу могу стерпеть порой.
Но почему не ощущаю тела
и погружаюсь как бы в тьму, в покой?

Ах, как начать, начать опять сначала
и повторить всю эту жизнь мне вновь
без горестей, потерь и без печали
и тайно верить в песню и любовь?

2002

НЕ ВЕРНУТЬ...

Гляжу на дымку тихого заката,
но не пущусь я в голубую даль
за тем, что волновало грудь когда-то,
его там нет, теперь там — грусть-печаль.

Теперь там — горе, горести и беды.
И сам я оказался на беду
уставшим, злым, обобранным и бедным:
себя там, молодого, не найду.

Грудь волновали девы лик, улыбка
и голос нежный светлую весной.
Теперь полузабыто всё и зыбко,
и болью перевито и тоской.

И где ж я молодой? Мне кто ответит?
И что душе покою не даёт,
как та звезда, которой нет на свете,
но светит, будто и сейчас живёт?

Живу и я. Уходит даль за далью.
И вроде смертью скорой не грозят,
но не сберечь себя от увяданья
и молодость мне не вернуть назад...

2002

* * *

Явись, я жду тебя, и ты явись
ко мне, мечта, как раньше ты являлась,
развей мою рассудочность и вялость,
вдохни в стихи мои и песни жизнь.

Жизнь без мечты душе не жизнь, а смерть,
и труп живой не друг мечте крылатой.
С мечтой — душа поёт, так жизни рада,
а без мечты вовек ей не запеть.

Явись ко мне, мечта, коль ты не трус;
явись святою, голой, без покрова;
явись во имя самого святого —
сквозь пустыри окаменелых чувств.

Я жду тебя как первый день весны
и как любовь с волшебным озареньем,
как счастье, как надежду, как спасенье,
как гостью из неведомой страны...

2002

ЭТОТ ЗОВ...

О, счастье милое, мечта столетий,
ты где? Всю жизнь лелея образ твой,
с надеждой, умирающей последней,
я разговор веду, ещё — с живой.

И сам ещё я жив, но есть надежда
стать вдруг, внезапно мёртвым, неживым.
О, где ты? Где края твоей одежды?
Хочу ловить я их, как пьяный в дым.

Хочу я плакать и смеяться... Счастье,
живое, нежное такое, ты
неужто не придёшь и в одночасье
из сказки в быль не превратишь мечты?

И, появившись в праздничном уборе,
не пронесёшь меня через года?
Ужель я должен захлебнуться горем,
похоронив надежду навсегда?

Иль должен в светлой радости бескрайней
одежды белые твои надеть
и ниц склониться перед вечной тайной
не меркнувших столетьями надежд?

Зов к счастью... Счастья зов... Волшебней нету
снов на земле, весной дышащих снов.
Средь тишины иль шума всей планеты
живёт всегда бессмертный этот зов...

2002

ГОСТЬЯ СМЕРТЬ

Здесь она! Но, видя приближенье
гостыи, с жизнью не слабеет связь.
Жизнь моя, моё самосожженье,
удалась ты иль не удалась?

Как в конце пути хотелось мне бы
вспомнить всё же юность, юный пыл!
Или не было тебя, жизнь, не было?
Домыслы, фантазия ты? Пыль?

Отчего такое наважденье
странное, но — с музыкою чар?
Что же, что же жизнь на самом деле?
Жизнь, не ты ли высший божий дар?

Было всё — и хлёсткий ветер в поле,
и кремешной ночи чернота,
и бескрайность материнской боли,
и печаль, сковавшая уста.

Были грусть и боль в глазах иссохших,
и — смятенье горестной души:
нас любили матери, хороших, —
и умерших, и всех тех, кто жив.

Мнилось: в жизни — больше чёрной краски
и засилье нудных чёрных мук.
И стонала юность в дикой пляске
душу раздирающих разлук.

Разорвать хотелось жизнь на части,
но несли, несли свой тяжкий крест.
Жизнь б ы л а ! И это было счастье.
И теперь жизнь есть. И счастье есть.

Пусть меня простит за песню небо,
пусть простит и скорбная земля.
Был ли я на свете или не был,
ну а юность у меня была.

Вот оно — её изображение,
в памяти ожившее теперь.
И оно — моё самосожженье.
И дарю его я, жизнь, тебе...

2002

* * *

Я один — страшнее нет судьбы.
Счастье до меня не долетело.
До конца так будет стало быть:
буду одиноким до предела.

Кто смягчит, рассеет боль мою?
Мне никто не обогреет сердце.
Светлых дней у жизни не молю,
хоть и вижу: некуда мне деться.

Я пойду, наверно, в тёмный лес
удивлять его своей судьбою:
биться в судороге, словно бес,
плакать и смеяться над собою.

В смертный бой вступить с самим собой,
чтобы до положенного часа,
как повешенному за разбой,
на осине горькой не качаться...

2002

НА ОПУШКЕ

В минуты тяжкие, мгновенья,
печальная моя душа
лишь хочет тишины, забвенья,
сжимаясь с болью и дрожа.

Не знаю, что со мною случилось:
быть может, прошлого мне жаль?
Быть может, властвует усталость
и поражает как кинжал?

И поражён я, и зарезан,
но тут усталость ни при чём.
Вздохну и обращусь к берёзам —
печалятся они о чём?

Вздохну и выйду на опушку.
И лес усладой будет мне
такой забвенною, радушной —
в забытой богом тишине.

Упьюсь усладой мгновенно.
И вновь вздрожит и примет вновь
душа, познавшая забвенье,
в себя и грёзы, и любовь.

Но вновь наступит миг печальный,
и тяжело будет вновь до слёз,
ведь будет он мой час прощальный —
без леса, без любви, без грёз...

2002

* * *

Душа заныла к непогоде,
душа тщетою занята.
Душа, как и любовь, проходит,
она уже не та, не та.

Во мне тщета меня заглушит,
в душе не станет больше чувств.
Уж больше я не стану лучше,
не вздрогну оттого ничуть.

Не задышу мечтой большою,
не задышу любовью впредь.
И, сравнивая с той душою,
на эту больно мне смотреть.

Кто разжигает это пламя,
кого мне в этом упрекнуть?
Не сам ли я стопы направил
на тёмный этот, чёрный, путь?

В душе — и мрак, и непогода.
Не жду от них добра, тепла.
Всё-всё течёт и всё проходит.
Вот и жизнь наша утекла...

2002

* * *

Душе родные мерещатся тени.
В душе родная звенит сторона.
Мы эти дни, дни большого смятенья,
жгли попусту, о мой друг, старина.

Родимый край умирает, брошен,
брошен люд, в нищете — земляки.
Прийти, помочь вас просил бы я очень,
хоть вы давно от корней далеки.

Мой край родной! Как душа замирает,
тебя увидев, твой образ хранит.
И мне глядеть на твоё умиранье
здесь всё равно, что себя хоронить.

Душе печальной мерещатся тени...
В душе родная звенит сторона.
Мы эти дни, дни большого смятенья,
жгли попусту... Будь здоров, старина!

2003

* * *

Доволен будь ты тем, что есть.
Доволен будь и тем, что было.
Нам сил судьбы не одолеть,
неодолимы эти силы.

Промчатся годы, дни уйдут,
последней муки час предстанет.
Угаснут жизни там и тут.
И наш прощальный час настанет.

О, неизбежный час крутой!
Грустит душа в тоске печальной.
Какое горе, страх какой!
Я стражду днём, дрожу ночами.

И днём, и ночью (при луне)
творит природа обновленье.
Жизнь теплится ещё во мне.
И верю в жизнь я на мгновенье.

Люблю я жизнь! Я жив. Живой.
Её, как радостное слово,
на небо я возьму с собой —
как отзвук счастья былого...

2003

* * *

Я вспомнил, как истинно, славно
плыла в голубой ты мгле.
И было это... недавно:
тому назад сорок лет.

Был воздух синий, а травы
дышали во мгле голубой.
Хотел я истины, славы,
краснея перед тобой.

А ты краснеть не смела.
Звездой мерцала ты.
И на меня глядела
с небесной своей высоты.

Я вспомнил... Млели ивы...
Ни звука — над головой.
Я вспомнил... Плыл молчаливо
весенний мир голубой.

И были ещё ворота,
а у ворот — ты, звезда.
Печаль моя и забота.
И боль моя. Навсегда.

Ах, мир голубой, чудесный!
Он вечно сводит с ума,
звения мне славною песней —
воистину как жизнь сама.

2003

* * *

Не ведаю, как долго протяну я.
Но чувствую, что на пути моём
ещё не раз иуды поцелуют
меня в ночи, а, может быть, и днём.

Иуды в юбке иль в штанах! Неважно.
А важно главное: все предают.
Кому поверить? Никому. Как страшно...
Так сколько ж развелось тогда иуд?

О, милая! Твой слышу шёпот: «Милый».
Туманится рассветный тихо дым.
Благодарю, счастливо ты водила
меня по сонным улицам пустым.

Шептала что-то нудное при встрече,
как никогда болтливою была,
такие мне придумывала речи,
порой вилась на месте, как юла.

Не спорю я с тобой, неправ, быть может,
не говорю я на пороге дня,
а только думаю: «Иуда — тоже.
Оставь меня и не люби меня...».

2003

* * *

Встречаться с тобой — просто жуть.
Оковы готовишь рабу ты.
Тебя обнимая, стыжусь,
навекы прощаюсь как будто.

А было — ты, словно луна,
плыла среди ночи весною.
Казалось — светла, влюблена
и счастлива вместе со мною.

Мы в пенных шептались садах.
Бродили, как в юности нашей,
забыв и про смерть, и про страх.
Бродили... А как же иначе?

Не шла, ты летела ко мне,
доверчиво речи шептала
о том, что нет друга родней.
И тихо к груди припадала.

Всё в ложь превратилось, всё — жуть.
Рабом, хоть убей, я не буду.
Себя самого уж стыжусь,
во всём виноват сам как будто...

2003

* * *

Во мгле падучая звезда
сверкнула чисто и исчезла.
Ушёл и я, ждать перестав.
Что было бы, остался если?

Падучею звездой была
ты для меня в моей печали.
Всю жизнь я ждал, ты не пришла.
Все дни я ждал, я ждал ночами.

Как песня, вспышкой огня
мелькнув в душе, незло, лукаво
всю жизнь преследуя меня,
моею стала тенью как бы.

Не виновата, не вини
себя ни в чём ты — безупречна.
Летишь мечтой сквозь ночи, дни,
моей мечтой, — всё жду я, грешный.

Я жду. Нет света впереди.
Пусть нет. И пусть истлеет тело,
мечта свободно — как летела —
в веках (душа моя) летит...

2003

* * *

Стал я с годами не лучше.
Плюйтесь — ругайте, виня.
Что же вы скажете, люди,
если не будет меня?

Гаснут, уходят уж силы.
Чую — тускнеет и свет.
Рад ли тому я, что было?
Рад! И доволен... Привет...

Я ухожу... Друг, ладони
мне на лицо ты положь.
Глянь: мир в сияние тонет,
в дух превращается плоть.

Неотвратимый, прощальный —
час этот вечно крутой.
Всё же в тоске ты печальной
в скорбь не впадай, о друг мой.

Слово любви, моё слово
радостью дышит живой.
Счастья не встретив земного,
в вечность иду сам не свой...

2003

* * *

Не сказка это и не вздор.
Вы мною можете гордиться,
легко учуяв, что за птица.
То — я, я крылья распротёр.

Свечою на пиру сгорев,
заставил вас чуток поплакать.
То, что я умер, не секрет,
как не секрет любая пакость.

Но я не пакостник, друзья,
и даже не нахал, простите,
тем более не шкурник я.
Не демократ. Уж как хотите.

Хоть иногда и спотыкался,
я вас любил, не предавал,
властей и женщин не пугался.
Как вы, себя не продавал.

Ни окрика и ни приказа
подобные мне не поймут.
Я ни во сне, ни наяву
ни от кого не отрекался...

2003

* * *

Иду непокорённый,
достоинство храня.
Светло и озарённо
глядишь ты на меня.

Храни ты мягкость речи,
но делай твёрже шаг.
Твоё простосердечье —
богатство чуваша.

Я знаю — жизни жёрнов
всё давит, трёт тебя.
Одолевай упорно,
шёл веселей чтоб я.

Но, так идя по свету,
ты, как и я, сгоришь.
И, всё-таки, чем эту
ты землю одаришь?

Доверчиво, открыто
что скажешь мне, споёшь?
И впредь смелей твори ты
заветное своё.

Чтоб созданное другом,
как в песне, каждый звук
с необходимым звуком
живя, запело вдруг.

Чтоб было как корона,
как свет, как волшебство
душе непокорённой
созвучий торжество!

Твердит мне мыслей стая:
не доверяй властям —
вот истина простая,
что не даётся вам.

И лжи не покоряйся!
Пусть дни идут, года,
перед народом — кайся,
пред властью — никогда...

2003

* * *

Себя — подобного лучу,
себя, в подземный мир сойдя,
увидеть я себя хочу!
Потом, потом, а не сейчас.

К себе, к себе лишь я стремлюсь.
К другим стремленья больше нет.
Я верю, что не обманусь,
что буду для людей как свет.

Жить, умереть — не всё ль равно!
Как луч сияю я, скользя.
И мы с природою — одно,
нас разделить никак нельзя.

Приду — услышат песнь мою:
как в жизни, громко запою.
Духовно жажду уголю.
Сияньем души опалю...

2003

* * *

Светятся в небе села родниковые звёзды,
тонкорунный клубится туман над водой.
Тихо костёр светит дальний сквозь воздух
холодеющий, плотный... Спешу я домой.

Солнышко село, кругом всё слилось воедино.
Не различишь — где ветла, где мостки, где река.
Где-то запел соловей, и раскат соловьиный
ясно послышался издалека.

Сон исчезает... Над белою пеною клавиш
будто парят две руки, пробуждая меня.
Радуя... Мучая... О, соловей, кого славишь?
Полон раскат и мечты, и надежд, и огня.

Зорко во тьму я смотрю — очарованный путник, —
будто увижу кого-то, увижу вот-вот.
Некто весёлый, безропотный — рядом он будто,
только мне темень увидеть его не даёт.

Светятся в небе села родниковые звёзды,
где-то горит и моя именная звезда.
Небо! Земля! Как прекрасно всё, тихо и просто!
Просто и тихо. Спокойно. От века, всегда...

2003

* * *

День метельной непогоды!
День сомнительных надежд!
Позади — вся жизнь, все годы.
Впереди их нет. А где ж?

Из окошка — вид убогий.
Над полями — воздух сед.
К ночи клонятся глубокой
белый день и белый свет.

Где ты, девушек смешливых
стаяка? Где весёлый снег?
Где рассыпчатый, счастливый,
звонкий, белозубый смех?

В юные вернись ты годы,
в молодые те края,
день метельной непогоды!
Возродись, мечта моя!

Глянет дева — жарко, гулко
сразу всколыхнётся грудь,
сразу вдаль от переулка
свет проляжет — жизни путь...

2003

* * *

Жил сам в себе, не напоказ.
И кто ж спасал меня и спас?
Наверно, бог? Мечта? Надежда?
Любовь, наверно? Дух мятежный,
что и поныне не погас?

На свет роптать причины нет.
Пусть вьюга мой завьюжит след.
Мне утешением послужит
вой голосов метели жуткой —
в полночный час мятежный снег.

До самой крышки гробовой
без бури не прожить, друг мой,
как не прожить нам друг без друга,
когда в душе такая вьюга,
что дух мятежный рвётся в бой.

В тоске, в надеждах и снегах
вздыхать о бывших временах
под бесноватый вой метели
мы разве, друг мой, не хотели,
забыв и благостность, и страх?!

2003

* * *

Налево и направо ни за грош
разбрасывали время мы — бывало.
Стал я скупой, всё кажется мне мало:
но разве время в вечность унесёшь?

Раздаривал его и обнищал.
И опустил усталые я плечи.
И на пустом и тёмном фоне вечера
кому-то крикнул: «Ухожу. Прощай!»

Но не ушёл, раздаривал свой день.
Раздаривал как на безделки — гений.
Отчалил мёртвый груз моих мгновений,
чтоб кануть в Лету в мертвенной воде.

Мне вечность-скаредница скупко слух
отмерила, дыхание и зреньё
и осязанье, чтоб не чуял зелень
тоски увядших чувств, был слеп и глух.

Боюсь, боюсь! Ах, капли б не разлить!
Бегу я по закатам, по рассветам.
Нисколько не жалею я об этом,
что скуп: хочу чуть дольше, больше жить...

2003

* * *

В каких ты снах ни витаешь,
мерцают не только звёзды.
Сквозь сладостный свет различаешь
беды неминуемой весть ты.

И весть трагедии близкой
пугает и убивает.
Паришь высоко иль низко,
легко не бывает.

Мне помнится, умирал я
от горя, что друг мой умер.
И умер он очень рано,
был добрый мальчишка, умный.

И страшными ночами,
жалая, сны дичали.
И чувства мои кричали
пронзительно и печально...

2003

* * *

Не говори ты мне «прощай»
и не вини меня, прощаясь,
ведь я, обидев невзначай,
люблю тебя, в тебе нуждаюсь.

Немало у земли даров,
ты — дар случайный, дар бесценный
как жизнь... Тобой я жив-здоров,
тобой я счастлив — друг твой верный.

Не понимаешь, стало быть,
имея странную природу,
что можешь так любовь убить —
умрёт и не воскреснет сроду.

Смогла обнять и не обнять.
Где научилась ты лукавить?
Смогла понять и не понять,
и вознести, и обесславить.

И говоришь теперь «прощай».
Такою я тебя не видел.
Тебя обидев невзначай,
себя я навсегда обидел...

2003

* * *

Не дожил до покоя —
не отбродит в крови
колдовское, хмельное
зелье горькой любви.

Ах, душевные раны
как болят, боже мой!
И уходят туманы
будто на водопой.

На звериных на тропах —
утром солнечный блик
да тяжелый да топот.
По ночам — плач и крик.

Иногда — редкий случай —
вдруг услышишь — поют.
Раны ноют — замучат.
Раны кровь мою пьют.

По ночам — кисть созвездий.
Пусть умру скоро, пусть, —
лебединою песней,
уходя, отзовусь...

2003

* * *

Всё глуше жизнь, темней...
Пред вами я, друг мой,
из света и теней
возникну как живой.

Что жизнь и что желанья?
Что слава предо мной?
Не слава, а беславье
удобнее порой.

Вам скажет взгляд поэта:
поэтовы глаза
приятны жарким светом,
и в них всегда — гроза.

Весёлый и красивый —
поэт вам всем знаком.
Я с вами — светлый, сильный, —
над вами, высоко.

Сурово жизнь моя
идёт здесь без меня.
И вроде умер я,
а жив вот... Как понять?

И понимать не надо!
Для духа смерти нет.
Я — дух. Я — как награда,
из света и теней...

2003

* * *

А был ли долго я в пути?
Недолго. Так вы не бывайте.
Всё позади, а впереди
играют Гайдна и Вивальди.

Я вспомнил, вспомнилось потом:
был — долго, чуялось — недолго.
Играли там, в пути крутом,
не Гайдна и Вивальди только.

Звучал Бетховен, Бах и Григ.
Чайковского играли, Листа.
Сквозь пытки доносился крик.
Жизнь сумрачна была и мглиста.

Теперь же, временно, пока,
всё это не звучит о с т р о ж н о .
Твердит напев издалика,
что невозможное — возможно.

И — открываем в сад окно,
где свет закатный чуть алеет.
И пьём мы белое вино,
поём и пьём и не пьянеем...

2003

* * *

Всю зиму под метелями
провёл за печкой я, добрел.
Волк прятался под елями,
всё свирепел и грустно пел.

Шабашат и хохочут ведьмы
в лесу, где волк тот, по зиме.
Не серебром, так хоть бы медью
успеть мне в жизни дозвенеть.

Горю! Какая ярость бега
над тонкою в тиши строкой!
Давно уж за спиной — полвека.
До полного — подать рукой.

Всю зиму под метелями
добрел за печью я, горел.
Поблизости, под елями,
волк прятался и грустно пел...

2004

* * *

Без огня сижу, без света,
на глазах моих слеза.
Будто песня моя спета —
мгла. И нечего сказать.

Через мглу, земную муку
слышу души вдалеке.
Слышу голоса и звуки,
будто скорбь держу в руке.

И, душою весь изранен,
я сижу в ночи один.
Кто там, кто во тьме за рамой
зорко на меня глядит?

Друг мой, друг ты запоздалый,
что глядишь, куда зовёшь?
Мгла. Бессветно в мире стало.
За стеклом — то снег, то дождь...

2004

* * *

Пока живу, стерпеться с болью
могу и буду горе гнать
в болото, и по высшей воле
любить ту боль и понимать.

Послушная своим законам,
вся кровь во мне огнём горит.
Весна стучится в подоконник,
светясь, о чувствах говорит.

Пусть боль всегда подругой будет,
подругой верной из подруг,
сойдись со мной, пойдёт по кругу,
покуда не замкнётся круг.

Душа кричит, мутится разум.
Добру ли обернуться злом?
Вот как уйдёт, жизнь станет разом
нежизнью в нищенстве пустом.

Не дай-то бог, но боль покинет
тебя когда-то... Без неё
тогда: ты — тень. И где отныне
твоё земное бытие?!

2004

* * *

Не спрашивай: какая в том печаль
смотреть нам, как давнишнее кино,
картины скудной жизни, канувшие в даль,
где каждый был несчастен, одинок.

Так рос я, постигал нутром, хребтом,
что значит рабский труд, вода и хлеб.
Должны все знать — печаль какая в том.
Такая, что мы дети этих лет.

Мы шли, росли сквозь голод, холод, смерть,
свистели мимо грозные валы.
Но и сейчас я должен жить не сметь —
не защищён от бед и от хулы.

Всех нас пустили по беде пешком,
чтоб харкать кровью, согнуть молодым,
чтоб вшей ловить под мелким гребешком,
чтоб каждый стал из нас впредь золотым.

Но золотым не смог я стать, не стал.
Прости меня, давнишнее кино.
Лишь знаешь ты, какая в том печаль —
я и теперь несчастен, одинок...

2004

* * *

В глаза мне время весело глядело.
Я грезил, думал: сбудутся мечты
все-все. Гудел огонь души и тела.
Я слышал шелест крыл и высоты.

Я с детства полюбил простор, свободу.
И был я в их сияющем плену.
Испытывал вниманье и заботу
я как бы... Жизнь свою я не кляню.

Незамутнённый образ, образ милый
мерещился мне всюду и везде:
в сирени, что под солнцем притомилась,
в летящем белом лебеде, в воде.

В душе бурлила буйная свобода!
Желал я жить и яростно творить!
Но юный мой порыв друзья народа
решили грубо приостановить.

О как они сурово поглядели
в мои глаза — сквозь злобы серый дым.
И сразу стих огонь души и тела
под этим взглядом мертвенным, немым...

2003

ДРУЗЬЯ НАРОДА

Без угрызений совести, невроза
друзья народа в старости бредут...
Антисоветчик это враг народа.
Я был им в семьдесят восьмом году.

Друзья сии как раз и объявили
в угоду верхним липовым друзьям
по их приказу, злобно заявили,
что я — не я, что враг, прощать нельзя.

Не помню точно, кажется, в июле,
кричали на меня: «Ты подл, ты лжив!»
А уберёг поэта, видно, Пюлех,
чувашицкий бог судьбы — не мёртв я, жив.

Лет через десять ли, перебежали
к противникам соввласти, все, подряд.
Их было больше двадцати, пожалуй, —
предателей идеи. Злой отряд.

Друзья народа... Мерзкая порода...
Кого угодно вечно продадут
без угрызений совести, уроды, —
без бога в сердце к господам бредут.

2005

МИЛЛИ

Простите, Милли Алексей Прокопъич,
пред вами я в долгу не по моей вине.
О скорбной вашей доле в этот год лишь
смогли узнать мы чуть, а раньше — нет.

Почти сто лет в запрете ваше имя.
Вы, истинный народа сын, как враг,
как враг народа, враг непримиримый,
считаетесь, а клеветник — всё прав.

По-ихнему, всё национал-фашист вы
лишь только потому, что на заре
эпохи большевистской страстно, живо
взялись за чувашей и биться, и гореть.

Родной народ! Душа болит и ноет.
Ведь тысячи лет стереть его хотят
с лица земли... Он от шумеров, Ноя
идёт из глуби мрака как бы в ад.

Вы заступились, а в ответ — проклятье.
Чуваши же и сдали вас как сор.
Собой пожертвовав, вы за закланье
за ваше получили смех, позор.

И — полное забвенье... В этот год лишь
немного дали знать нам, как аванс.
Простите, милый, Алексей Прокопъич,
простите, что не знали вас, про вас...

2005

ТРОЕ

Трое их было в нашем сообществе,
может, не знаешь ты, знай:
в боли прожили жизнь, в одиночестве, —
Юрьев, Митта и Рзай.

На беду, были слишком талантливы.
И завистливая мошкара
стала их неосторожность поддавливать —
доносить чтоб и покарать.

Первым объявлен врагом, придавлен
Юрьев — махровый националист.
Рзай — кулацкий звонарь и так далее.
А Митта — и троцкист, и фашист.

Не давая творить, держа под прицелом,
душу хотели убить.
Коли ты без души, в общем и целом, —
можешь ещё пожить.

Коли — с душой и не бросил, а пишешь,
марш! — в одиночку, в тюрьму!
Трудно представить — как смогли они выжить?
Непостижимо уму.

Двое известны теперь, любимы.
Юрьев всё так же «забыт».
Странно это, и странно и нетерпимо:
мёртвый, он дважды убит...

2005

Мой завет

РУССКИЙ ЯЗЫК

До того, как в райцентр пришёл,
с русской речью я не был знаком.
Мне пятнадцатый год уже шёл,
как схлестнулся с чужим языком.

Вскорости овладел им вполне...
На извилины весело, лихо
он ложился — и я, хоть и тихо,
на лирической мчался волне.

Мчась, в пути осмелел — как пострел
полетел я, мужая в пути.
И в конце тут так заматерел,
позабыв, что мне скоро уйти.

Пред уходом не радостен дух.
Пред уходом с извилины слог
неродной испаряется, друг,
засыхает, почти уж засох.

Что ж... Орудовал ловко вполне.
Может быть, даже — весело, лихо.
Что ж, пора... Отойдём... И смиренно, и тихо...
на лирической — всё же — волне!

2004

* * *

Не тороплюсь, мне некуда спешить,
к костлявой — рановато, подождёт.
Я ото всех, у всех за труд, за жизнь
полнейший получил расчёт.

Я не в долгу ни перед кем, и мне
никто не должен ровно ничего.
Хитрее становиться, поумнеть
уж поздно, будет лучше без всего.

Я есть иль нет меня — не всё ль равно?
Я — вне игры, не нужен никому:
а как был нужен-то не так давно!
Теперь всё это стало ни к чему.

Я стар. И, видимо, я устарел.
Теперь бездушье, наглость и обман —
наиважнейшие среди важных дел.
Я не бездушный. Не гожусь. Болван.

Вот потому и не спешу играть
ни в прятки с вами, ни в любовь, ни в жизнь.
Не тороплюсь обманывать и врать.
Спешите — вы. Мне — некуда спешить...

2005

* * *

Роптали тихо раньше: власть плохая.
Твердили: нет свободы никакой.
Теперь они же новую все хают —
ругают и тоскуют о другой.

Свобода им нужна... Им всем... Какая
и для чего? Ведь власть на то и власть,
чтоб обуздать людишек, кто ругает, —
как вшей иль как червей, втоптать их в грязь.

И это хорошо — ведь не убила ж...
В грязи ты всё же сможешь уцелеть
и милость от неё, гляди, увидишь,
как вдруг начнёшь ей аллилуйю петь.

Изменится вся жизнь твоя так дивно,
что не захочешь власти ты другой,
забудешь, что любая власть противна,
не вспомнишь о свободе никакой...

2005

СИРАНО

Летала в сферах и мирах
душа моя над дольным миром.
Был Сирано де Бержерак
в дни юности моим кумиром.

Не Овод и не Кошевой,
и не Корчагин, а гасконец
сей бурный, странник и герой,
мне подавал свой странный голос.

Откуда-то — из-под земли
иль с неба — голос раздавался.
Со света сжив, на нет свели
его, а он не поддавался.

Он жил. Бессмертен дух его.
Не раз поэта убивали.
Хоть он и умер, но живой.
Он жив, он жив — мой друг бывалый!

С бывалым другом и теперь
надёжно мне... О, друг мой верный,
как благодарен я тебе!
Ты мне помог неимоверно...

2005

ТИГЕТКЕЛЬ

Есть у нас Тигеткель. Небольшого росточка.
Беспокойный и въедливый тип.
Автор трудных стихов, чуть похожий, немножко,
на Рембо и на По, нравом — дик.

Не спасись никому, если прыгнут повыше
в стихотворстве, чем этот чужак.
Уж считай, из рядов вас он вытряхнул, вышиб:
вы — бездарны, он — гений всегда.

Казанбай и Аксай — мертвецы, а иные —
звук пустой. Поздравляем! Виват!
Только есть два таланта в поэзии ныне:
Тигеткель и Егоров Иван.

Я гляжу на него с сожаленьем и с жалостью,
о стихах, о поэтах — молчок.
Как и я, мой собрат мерин сивый лишь, к счастью,
и забавный такой старичок...

2005

* * *

Бедная ты моя, бедная!
Я, может, и тебя бедней.
Пассия моя последняя,
радость моя на склоне дней.

Мило с тобой погуляли,
мило с тобой разошлись.
Стали мы с тобой нулями.
Станет скоро нулём и жизнь.

Не безобразно, красиво
мы погуляли, слились.
Милая, за всё спасибо, —
мы не дрались, не спились.

Сверху свет лился мило.
Взор этот свет ловил.
Ты красоту любила.
Я красоту любил.

Ты, как луна, прекрасна
в памяти светлой моей.
Где ты в жизни ужасной,
радость моя, на склоне дней!

Полная луна в ночь летнюю
светит в душу — нет, не усну.
Как на любовь мою последнюю,
я гляжу и гляжу на луну...

2005

* * *

Старость для поэта — катастрофа.
В сердце — глухо, струны не поют.
Замерла строка, застыли строфы.
Кровь последнюю сомненья пьют.

Что же так я вдруг засомневался
и в себе, и в людях, и во всём?
И давно ли мчался в вихре вальса,
говорил, что жизнь есть чудный сон?

Нет, недавно — там, за горизонтом
догорают золотые дни.
Я гляжу вослед им идиотом,
вижу беды, горести одни.

Жизнь идёт, сомненья нарастают,
нет уверенности уж ни в чём.
Без надежд, без мыслей — силы тают
и в себе, и в людях, и во всём.

Где, когда духовно мы убиты?
В душах — пусто, чувства не живут.
Старость ли причиной? Нет, уйди ты.
Нас сомненья пьют, сомненья жрут...

2005

* * *

Духовного здоровья нету!
Откуда быть ему, скажи?
Ищи везде, ищи по свету —
повсюду бездуховна жизнь.

Духовное здоровье — повесть,
в которой жизнь напролёт
горит талант, бунтует совесть,
пропасть надежда не даёт.

Когда заблудишься, изверясь,
иным окажется твой путь:
духовное здоровье — ересь,
сомнения раздирают грудь.

Сомнений бес есть бес увечный —
теперь с твоих не слазит плеч.
И сдружишься ты с ним сердечно,
чтоб слушать вкрадчивую речь.

Открой глаза, раскрой их настежь
и правду ощути в одном:
ты должен жить здоровым насмерть
на этом свете проходном!

Пока, когда на этом свете
свирепствует болящий дух,
духовного здоровья нету,
но ты не отступай, мой друг...

2005

* * *

Я остался давно в дурачках.
Ни к чему теперь честность признаний.
Что с того, что я умный, в очках —
и к чему одержимость призваний?
И любовь, и стихи, и вообще
всё печально, безрадостно стало —
бездуховное время настало.
Обречённость и темень в душе.

Что грустнее мгновений в саду?
Что чудесней грядущих мгновений?
«Вы подобие бога, вы гений!» —
шепчет бес — ваш двойник — на беду.
Всё одно — нет пути впереди.
Есть вопросы к себе без ответа.
Есть банальная гибель поэта.
Холод мёртвый есть в тесной груди...

2005

* * *

То же небо, солнечное небо.
Тот же свет, неоспоримый свет.
Удивляюсь: был я или не был?
Не пойму: живу я или нет?

Колются лучи — не ощущаю.
Колют всё сильнее они, сильнеей.
Азраила профиль чёрный часто
чудится мне в каждой из теней.

Скоро ль заберёт? Смерть поперхнулась.
Я гляжу с надеждой малой в даль.
Чтобы чуют солнце, юность, юность
мне нужна, чем солнечная паль...

2005

* * *

Лишь увяданье. Увяданье!
Увянем напрочь, навсегда.
Жить никакого нет желанья.
Вот-вот сгорит моя звезда.

Всё преходяще, всё мгновенно.
Где миг свиданий и разлук?
Где сердца жар, где вдохновенье?
Где радость от сердечных мук?

Во сне всё будто, мимо, мимо,
сквозь дни и месяцы, года
уходим неостановимо.
Уходим — падает звезда...

2005

* * *

Полдневный зной. Вовсю играет лето.
Изнемогая, падаю в траву.
Но для того, чтобы не делать это,
я слишком жив, покуда я живу.

Устал я чуть. Есть нервная усталость.
Но всё равно я помню столько лет,
как мысль во мне рождалась-развивалась,
чтоб повести меня туда, где — свет.

Да будет свет! И свет всегда пусть будет,
как время, воплощённое в цветке.
От этого ведь солнца не убудет.
С цветком, с пространством я накоротке.

И потому есть радость, есть и горе.
Есть липа, птицы, солнце, синева.
Я погружаюсь в жизненное море.
Я буду жив, покуда жизнь жива...

2005

* * *

О сколько встреч и расставаний
случайны были, дальний друг!
Меж нами нынче — расстоянья
и призрачный порочный круг.

Я ждал — никто не приближался.
Я сразу понял — это сон.
Я ждал — кого-то стало жалко.
Я слышал звон, закатный звон.

Тем звоном души все ранимы
и отлетают в смене лет.
В рай улетал я вместе с ними,
но оставался на земле.

С самим собой я не прощался
и с теми, кто меня жалел.
Но вижу: так несчастно счастье,
что мне тоскливо на земле...

2005

* * *

Склонюсь над неудавшейся судьбой
я, зная, что скажу, о чём заплачу.
Заплачу я над чёрною бедой,
отчаянно крича, зовя удачу.

Удача! Наяву ты и во сне,
как жизнь моя, желанна и сурова.
Святую жизнь нашептывает мне
душа, воспламеневшая от слова.

О, слога пламенного волшебство!
Как огненно тревожишь и глубоко
ты душу мне — и просто, и светло.
Извечно и навек не одинок я.

И на бумаге белой жизнь сама,
мне кажется, рукой моею водит,
такую дичь и странности выводит,
как будто я давно сошёл с ума...

2005

* * *

Моё бывшее счастье! Пели звонко свирели.
Пело сердце моё. Пела жизнь.
Ах, как быстро увяли юной жизни сирени
на чужбине под небом чужим!

Моё бывшее счастье. В днeй ушедших тумане
ничего разобрать, различить уж нельзя.
Ну и всё ж юность нас так и манит и манит,
хоть и знаем мы все: нам туда не вернуться назад.

Это для сердца — как будто ножа острёе.
Осень... Туманы... Бывшее счастье моё...

2005

* * *

Не понимая, словно впопыхах,
на что способен иль во что горазд,
бежал, но убежать не смог никак,
бежал я от себя не раз, не раз.

Прошла, давно прошла пора девиц.
Не из-за них бежал, судьбу решал.
Из-за друзей, из-за враждебных лиц,
чтоб не бороться с ними, я бежал.

И — от властей... Но, бедный, от себя
куда ты убежишь, куда? Бог мой...
Видать, мне отдалиться не судьба,
судьба — сражаться, выигрывать бой.

Какой бы ни был на дворе режим,
то неопровержимо, что всегда
мы с музой от борьбы не убежим,
бороться будем, будем побеждать.

И путь у нас, наверное, один —
к вершинам от бескрылой суеты,
чтоб вечно возвращаться от вершин
к долинам — в мир вражды и пустоты...

2005

О, ЗНАЛИ Б ВЫ...

О, самозванство и плебейство духа!
О, знали б вы, что мой духовный сан
превыше вас и вашего недуга,
превыше гимнов всех и всех осанн.

Никто не будет обо мне скорбеть.
Никто меня в бессмертные не прочит.
Для вас, завистливых и злых, как смерть, —
мой блоковский, патрицианский профиль.

Лежать спокойно буду я в гробу,
покоиться презрительно и сухо
всё с блоковским величием на лбу.
Нет, не плебей, аристократ я духа.

Был юный, на эстрадах всё орал,
а образумившись, оставил ту затею:
натужно багровея, на ура
уже не шёл — тем дурь свою рассеял.

Я не в раскат стал верить — в тишину.
Я научился тихо прикасаться.
И темой, и отделкой не сверну
с того пути — не стоит опасаться.

Не воробей я, но и не орёл.
Как в таинство оттенков вдруг поверил,
давным-давно уж не ору, как зверь, я.
Орёт — дурак, а мудрый — не орёт...

2005

* * *

Под старость, бог — это серьёзно.
Не веришь, веришь, но тебе
поможет бог; пусть — тьма, беззвёздно
в душе, он есть в твоей судьбе.

Тем боле — песня не допета
ещё твоя, ты над землей
несёшься, как на крыльях, где-то
самим собой, самим собой.

Себя ты возомнил поэтом,
пророком — разве же не так?
Но не раскаялся при этом.
Чудак, а может быть, дурак.

...Не щедро очень и не скудно
помог он нам — неплох итог.
Роскошно жили иль паскудно —
веленье бога... С нами — бог!

2005

* * *

В объятьях у распада находясь,
молю: распад, помедли, не убий
меня так скоро — продержи в гостях,
когда я жизнь как юный полюбил.

Распад всеобщий есть... Всемирный... Да.
Естественно... Но всё же как по лбу
дубиной то, что умертвят года
мою сакраментальную мольбу.

Я верю в дух. В бессмертие — увы.
Душа, взлетая в небо, не найдёт
прописки там — в пространствах синевы,
лишь в людях вечный обретёт оплот.

А люди — на земле. Во снах земли
мы были счастливы, а наяву
и рай, и ад — всё сразу обрели,
где, глупый, я и до сих пор живу...

2005

* * *

Те, кто из вас немножко «гений»,
как наяву, так и во сне
мелькаете как злые тени —
в самоубийственной возне.

Куснуть больнее бы друг друга,
при случае и вовсе съесть.
Страшней, чем враг, как понял вдруг я,
друг милый — злость в нём, зависть, спесь.

Друзья мои всегда мне милы,
и я им мил, по их словам.
Мы не с дубиною громилы.
И всё же... кто мне жизнь сломал?

Покинь меня, о чувство мести!
Хоть я и гневался не раз,
прощать друзей есть дело чести:
жалею и люблю я вас...

2005

СУМЕРКИ

Не добр ты в сумерках, не зол.
Зажги свечу. Кутнём.
Не сожалей, что день ушёл,
живи грядущим днём.

В шкафу твоём — бутылки вин.
А я принёс шыртан.
Сидит в бутылке добрый джин
иль яростный шайтан.

Мы выпустим их — пусть снуют
меж небом и землёй.
Пусть низойдёт к нам тишь, уют,
не вечный, но — покой.

... «Уюта нет, покоя нет», —
когда-то Блок сказал.
Их нету и среди планет,
так бог нас наказал.

2005

ГНЕЗДО ЭМИРА

Отчёты пишут, байки бают,
кричат — пугают слабака.
Живые трупы в жизнь играют,
не доигрались пока.

Но доиграются и — скоро.
Шумит бездельников орда,
не думая о том нисколько.
В делах — полнейший кавардак.

Главарь — ногайская собака —
своею цепью дорожит:
гнездо эмира зло, зубасто
и преданно он сторожит.

Играют в жизнь азартно трупы —
в бессмысленный, напрасный труд.
Играется им всё же трудно —
хоть и живой, но труп есть труп...

2005

ДУАЯЗЫЧИЕ

О самом сокровенном и интимном,
как о таинственном и основном,
я говорю тепло и эффективно
на языке чувашском, мне родном.

О неприятном в мире, о приятном,
чтоб петь симфонию в ключе одном,
я говорю на языке понятном,
но — на нижегородском, неродном.

Когда я выражаю спесь, гордыню
в спектакле глупости очередном,
не думаю о божьей, о святыне,
не говорю на языке родном.

Когда я вспомню маму, мать родную,
о божьей вспомню с нею заодно,
всё говорю о них, о них тоскую
на языке чувашском, на родном...

2005

ПОЕЗДКА НА РОДИНУ

Ещё неблизко до односельчан...
Меня встречает просто и радушно
Саврушка, тихая и кроткая речушка,
впадающая в Малый Черемшан.

Её холмы — в безмолвном цепененье.
Её луга — в пестреющих цветах.
Зелёный уголок! Я слышу пенье
души моей и разных милых птах.

В ласкающих созвучьях я купаюсь
под вешнюю бессмертной синевой.
В былых грехах и в будущих я каюсь,
весь отдаваясь песне огневой.

И этот день, и путь, подобно чуду,
несут на крыльях путника домой.
Передо мной — поля и добрый труд повсюду.
Родная сторона — цветёт передо мной.

Тебя, мой край, вовек не позабуду!
Я не совсем ушёл... На склоне лет
вернусь, вернусь! Навеки счастлив буду
покоиться в моей родной земле...

2005

* * *

Родной земли неслышимый звук
родился где-то в отдалении.
И вот уже душа — в волненье.
И я зову его, зову.

Войдя в меня, звук трепетал
и зазвенел вдруг словно птица.
И мне гармонией упиться,
звук в слово превратив, бог дал.

И стало чудно в вышине:
я пред собой увидел бога.
Светло, таинственно, глубоко
запело сердце в тишине.

Земли божественная суть
и лёгкий вздох её мгновенный
зажглись во мне цветком нетленным.
И мощью задышала грудь...

2005

* * *

Давно я, друг, на всё готов.
Ведь ясно: есть конец всему.
Давно я молодых годов
одним лишь отзвуком живу.

Я слышу шелесты весны.
Я вижу: льётся лунный свет.
Но где напевы той струны?
Но где мои семнадцать лет?

Всему, всему есть свой черёд.
Прошли часы, прошли года.
Беспечно мчались мы вперёд:
игра ушла, пришла страда.

А скоро, видно, и страде
конец придёт, как ни верти,
на божьем встретимся суде.
Нет впереди для нас пути.

Но милы отзвуки годов!
Осколки молний их — слепят.
Я ж говорю, на всё готов:
готов и воскресить себя...

2005

* * *

Пройдя по жизни неумело,
в конце задумчиво стою
не на краю я ойкумены —
у бездны мрачной на краю.

Среди людей... Но их не чую...
Мне кажется, что нет людей
ни здесь, ни там... И не хочу я,
чтоб были... Лучше — без затей.

Затейливы, неблагородны
людишки... вороваты, злы.
Нрав изменился, вкус, народный —
субъект срамные видит сны.

И лезет в срам... Труд любит слабо.
Есть оправданье — *се ля ви**.
И бога он бесстрастно славит —
без вдохновенья, без любви...

2006

* *Се ля ви* — такова жизнь (франц.).

* * *

Не суеверной верою я верую.
И плодотворна суть моя, светла.
И есть у сердца моего заветная,
недостижимая в миру мечта.

Я с верою моей хочу постигнуть
всё совершенство бога, смысл его.
Я верую и бога не покину,
не обману свет сердца моего.

Орудуют в стране убийцы, воры.
Округу лихорадит от вражды.
Темнеет лик от ужасов тлетворных,
а сердце лишь светлеет от мечты.

Есть бог. И с богом есть великодушие.
Бессильна злоба перед ним, как бес.
Бессмертны станут в вере наши души,
взглянув на воссияние небес...

2006

АТНАКӀЛ

Хоть и была жизнь без просвета
у чувашей, у них всегда
есть гениальные поэты —
АтнакӀл, Сеспель и Прта.

АтнакӀл погибла в девятнадцать,
ушла, в поэму воплотясь.
Я ей — племянник и, признаться,
в поэзии чувашской — князь.

То бишь — тархан... В поэме душу
оставив, вечною, живой
осталась... Я помнил чутко
обет, пред нею данный, свой.

Я, лет восьми, дал обещанье
не забывать её вовек,
добиться книжечки издания,
как стану взрослый человек.

И напечатал, и озвучил
я и поэму, и стихи —
никто ещё сильнее, лучше
не написал, у всех — плохи.

Она одна на небосклоне
поэзии уж столько лет
звездою яркой взор наш ловит,
лия божественный свой свет.

... Ушла, оставив в душах раны,
что до сих пор их боль остра,
сестра двоюродная мамы,
моя духовная сестра.

* * *

Сверкнула молнией Людмила,
на миг один, пронзая грудь,
потом всю жизнь мне образ милый
путь освещал, тернистый путь.

Запомнил я лица сиянье
и удивительную речь
о том, что жизнь есть состоянье,
в котором мы должны прозреть.

Прозрел ли я иль не прозрел ли,
Людмиле уж не рассказать.
... О как уста её горели
и — гениальные глаза!

2006

УЙДАШ

Я не скажу, что друг он мой большой,
но всё же — друг. В поэзии — педант.
Уйдаш — поэт с нечистой душой,
зарывший в землю яркий свой талант.

Непостоянен. Может и предать.
Бывало — и меня он предавал,
как предавал свою родную мать,
твердя, что прав, что мама не права.

Кто прав, а кто не прав — рассудит бог.
Я так скажу: ты должен мать любить
как сын, а, как мужчина, ты бы мог
поласковее с нею просто быть.

Не такова у Уйдаша душа.
Жестока у него она, черства.
Во гневе друг перестаёт дышать,
не лопааясь от ярости едва.

Беда... Но всё ж не главная беда...
Не эта иссушила-извела,
а зависть чёрная к талантам — да!
Талант пропал. Он где зарыт, земля?

2006

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Ирине

Ты огонь, но — бенгальский огонь:
есть мерцанье, горенье, нет жара.
Тихо трону твою неживую ладонь,
чтобы ты тем же мне отвечала.

Посмотрев же в лицо, загрущу невзначай.
Может, ты и похожа на фею,
говорю я: «прости», говорю я: «прощай»,
думая: «Не должник перед нею».

Замела все пути дней ушедших метель.
На пороге — не ты, никого — на пороге.
А в углу... а в углу — новогодняя ель
тихо плачет и грезит о боге.

Не люблю я теперь и тебя, и себя.
Я лишился всего, я любви лишился.
Стало быть, ты — не ты, стало быть — не судьба:
ты не стала мне праздником жизни...

2006

* * *

Мы в незаметном плавимся распаде:
уходит мир — деревни, города.
Скорбящий дух страшнее, чем распятыё,
ведь знаем: не воскреснем никогда.

Скорбящий дух — нет мук сильнее в мире.
Тьма поколений превратилась в прах.
Как будто жизнь не жизнь, проходит мимо,
в нужде ль её проводишь иль в пирах.

И как мне быть, поэту? Промолчать бы,
да не могу, пойми меня, о, бог.
Я, веруя в тебя, об этом алчно
и испулённо бормочу — убог.

Убогий и раздавленный, прошу я:
прости, прости, что в скорби занемог,
о, бог, прощающий, карающий бесшумно;
всемилоливо всех казнящий бог...

2006

* * *

Вы любите меня... Вас много в зале,
так много, что кружится голова.
Как не хочу сказать вам «опоздали»,
как не хочу я делать больно вам.

Но опоздали вы, нет-нет, не надо,
не надо ни любить, ни презирать:
уж я — не я, и мне какая радость
от вас любовь такую принимать?

Ведь я — не я, ушёл давным-давно я
туда, где нет ни музыки, ни стихов —
исчезло нечто близкое, родное,
и ныне ход судьбы моей таков.

Теперь не тот, а этот вас дурачит,
который умер, но кричит: «Живой!»,
так жалко и напрасно силы тратит,
играя в жизнь, кривляясь... боже мой...

2006

* * *

Надо мной, над вами, над Россией —
вечный дух трагических легенд.
Возрастали мы во тьме насилий —
в тьме телесных и духовных бед.

Весь наш путь как Via Dolorosa.
Шли мы на Голгофу все почти.
Даже шли иуды-отморозки,
палачи — любимые вожди.

Вождь для многих и сейчас — икона.
Плюнуть бы нам на таких икон.
И поныне именем закона
нас казнят — чудной у них закон.

И всегда вверху — искариоты.
Скоро ль им за казнь держать ответ?
Никогда. Коль — на таких высотах.
Кинул Бог нас, кинул Вечный Свет...

2006

* * *

Ведь наш удел — Вселенская Свобода!
Проснитесь, встаньте, падшие рабы.
Борьба, восстанье — трудная работа.
Мучителен, опасен путь борьбы.

Как тяжелы вериги и наветы!
Час смертной казни — твой счастливый час:
ты победил — свободен. И навеки
свободен, славен будешь, как сейчас.

Ты будущего мира рышарь верный.
Таких, как ты, наверно, больше нет.
И на высотах горних — lux aeterna,
что яростно сияет. Вечный Свет...

2006

* * *

Дни Гнева и Печали — дни России.
И ночи — тоже... Будет смертный бой.
Притихли мы, молчали, словно силы
уж нет восстать, пожертвовать судьбой.

В аду нам стоит ли мечтать о рае?
И не мечтай, и больше не молчи.
Погибнем мы, сражаясь и сгорая;
погибнем мы, восставшие в ночи.

Нас пули ждут, застенки каземата.
Замучат и отравят нас, убьют.
От инквизиторов нам нет возврата.
Мы знаем это — враг кровав и лют.

Свободы мы хотим. И вот — расплата:
не смей хотеть, надеждам всем — конец.
Уйдём во тьму как рыцари заката.
Уйдём, приняв Сияющий Венец...

2006

* * *

Соловьи на рассвете поют.
Знаю, знаю, что это такое:
не дают вам ни сна, ни покоя,
снам присниться весной не дают.

А по вёснам я плакал не раз
от восторга и радости светлой
даже в жизни глухой, беспросветной —
был на странности парень горазд.

Это им так казалось, друзьям,
им не плакать, а плакаться проще,
ведь их не соловьиные рощи
волновали, волнуют, дразнят.

Для бездушных весна не поёт,
не цветёт, не блестит, не сияет,
её будто бы и не бывает.
Для бескрылых полёт — не полёт...

2006

* * *

Всё снега и снега... Не беда!
Это лебеди сели — сугробы.
Как же вышло, что я, сквозь года
проносясь, оказался у гроба?

Бес ли шепчет, иль кто: «Не тужи...
В мире столько таких же вот судеб
и в больших городах, и в глуши,
а потом, а потом сколько будет...»

Всё дожди и дожди... Не беда!
Всё темней и темней... Я пронёсся
сумасшедше... куда? В никуда.
Не заметил, как с вечностью сросся.

А пока... пока вышла луна,
видно, день завтра солнечным будет.
И в округе стоит тишина.
Грешен я. Пусть меня бог осудит.

2006

* * *

Ритм во мне бормочет, стонет, свищет.
Я совсем другой, я обновлён.
Так любви и славы ждут и ищут.
Так стихами был я возрождён.

Обжигаясь пламенем стихов, вы
взволновались и сказали мне:
хлёстко будто, но старо, не ново,
тщетно говорить о глубине.

Я не возмутился, согласился,
зная ваш завистливый язык.
А язык сей ветх, он обносился.
И к тому ж... к нему я так привык.

Я почти прошёл свою дорогу,
жизнь была как неродная мать.
Что жалеть — покорствуем мы року.
Всё пришлось увидеть, испытать.

Скоро буду тихими глазами
сквозь могильный тлен смотреть на вас
из глубин своих земных сказаний,
чтоб и дальше жечь и волновать.

2006

РЕНЕСАНС

Стал восходить чувашский ренессанс.
Но тут же, как зараза, большевизм,
как некий дым, пустился вылезать
из всех щелей... У коего девиз:
народ надуть, надуть и растерзать.

Вы были первыми, мы помним вас,
Алюнов, Милли, Рубачёв, Юман,
Гаврилова, Хури... Мы любим вас...
Замучены... Расстреляны... Мир вам.
И с вами, в вас убит наш ренессанс.

А имитация была... чуть-чуть...
как видимость... Была и — раз! И нет!
И что тут началось! Геенна! Жуть!
О, ужас... Содрогнулся белый свет.
Цель удалась: надуть, потом согнуть

в дугу, в бараний рог... Герои, мы
вас будем помнить вечно... Большевизм
для человечества страшной чумы,
а для эпохи — пыль, анахронизм.
Восходит — ренессанс. Бессмертны — вы.

2006

ПОЛИТЭМИГРАНТ

В семидесятых, в Праге, у отеля
не появился даже, а возник
старик какой-то, тихо то и дело
шептал он что-то... и, дойдя, притих.

В костюмчике не новом, но опрятном,
в штиблетах старых, с посохом в руке,
он выглядел не дряхлым, а приятным,
стоял от нас совсем невдалеке.

Я подошёл к нему: «Вы из России?»
Ответил: «Из России. Я чуваш.
Мне девяносто. Покидают силы.
Полвека здесь, язык забыл я наш».

«Салам!» — сказал ему. Заулыбался.
«Вёс, вёс, куккук!» — спел. Тихо зарыдал.
Похлопав по плечу, спросил: «А, дядя Вася,
кому привет, приехав, передать?»

Ответ: «Всем чувашам, от Николаева...
Алюнову был друг я, друг и брат.
Сгорели все, давно уж не пылаем мы.
Семён я. Николаев. Эмигрант...»

2006

* * *

Поэзия — моё призванье,
не ряженье она, не фальшь
великая. Она не с вами,
со мною любит воевать.

Смертельные бывают схватки.
Понять вам это не суметь.
И для меня, коль быть мне кратким,
поэзия — и жизнь, и смерть.

И жизнь души... Душа же богу
принадлежит, ему и мне,
не так, чтоб сбоку я припёка,
а полностью и наравне.

Ведь кто я? Что я? И зачем я
пришёл в сей мир? Всё для меня
имеет равное значенье,
терзает, душу кровеня...

2006

КАЗАНБАЙ

Прощенья прошу заранее,
коль малость нескромным стал.
Я был молодой да ранний,
но этого тогда не знал.

Хвалёного превзойти желал я
пиита и превзошёл.
А в школе, в классном журнале —
колы. Ах, как нехорошо!

Но дело кой-как поправил,
четвёрки стал получать.
Стишки свои отправил
в Республики Татарской печать.

Я был молодой да ранний —
дебют был в пятнадцать лет.
Не знал я, не знал заранее,
что будет мстить пиит-подлец.

Сперва подножки стал ставить,
потом и за горло взял —
задача у него простая:
чтоб больше я не писал.

И сей стихотворец-сальери
сумел бы и вовсе съесть
меня, уж скольких съели,
не смог — помешала смерть...

2006

РЗАЙ

Жизнь он чувствовал глубоко,
мыслию взлетал орлом.
Рзай наш был поэт от Бога,
тайно выжженный огнём.

Тайно выслеженный другом,
как кулацкий сын, звонарь;
на всю жизнь он был запуган —
как и, впрочем, вся страна.

Но никто не раскулачивал:
видно, кончился сезон.
Рзая изнутри раскачивая,
чудный в нём рождался звон.

Но другой «сезон» у власти
на носу, и каждый раз
Рзай наш подавляет страсти.
Только так себя и спас.

Видя подлость и безвкусию,
он влагал в нутро стиха
и безгрешность безыскусную,
и застенчивость греха.

Не терпел он самозванства,
знал, что сам совсем другой,
что поэтом называться
может гаврик не любой.

Проводя его в могилу,
я увидел: наша власть
Рзяя в путь не проводила,
помогла упасть, пропасть.

С юных лет почти до гроба
содержав под колпаком,
без речей, без некролога
хоронить велел обком...

2006

ЕВТУШЕНКО

По Гангнусу тоскую (Евтушенко),
как будто он и есть надежды свет.
Про сахар он писал и про тушёнку,
когда не стало их в его Москве.

Он жаловался... А потом узнали,
что за бугор любимец укатил.
Всего там, видно, вдоволь: мёду, сала...
Он укатил творить, набраться сил.

А мы остались здесь же... Мы в России
привычны и без сахара пить чай.
Мы также и тушёнки не просили, —
без хлеба не остаться б невзначай.

Иль без картошки... лебеды... без соли...
Уж вот тогда — хана, тогда — конец:
не запоёшь ни группую, ни соло
хвалу советской власти наконец.

Его стихи читал лет сорок с лишним я.
Притворщик. Лицемер. Всю жизнь — пострел.
Теперь сей господин, для лжи родившийся, —
музейный экспонат... Он устарел.

2006

СЕВЕРЯНИН

Друг дорогой, кабальеро,
милости просим — в фазенду!
Шляпу сюда вот — сомбреро, —
всё... не позвать ли соседку?

С грацией словно фламинго,
дура она, почти дура,
но обожает Доминго,
любит и литературу.

Лезет порою в политику,
но не становится подлою.
Ставлю муската поллитриху,
чаши поднимем мы полные.

Знойна она как гитана,
вспыхнет пусть пляс-хабанера —
праздником общим пусть станет
праздник поэта-грезера.

Музыка муз! Аллегретто!
Жарь, мандолина! Мы в танце
вспомнили все пируэты.
Все! Ни один не остался...

Знойные страсти, эксцессы,
друг дорогой, кабальеро,
грозны у нашей принцессы...
Шляпа вот ваша... Сомбреро...

2006

* * *

Что больше славы? Совесть, стыд, конечно.
Стоял на том, на том всё и стою.
Тем, кто бубнит, что мысль моя копеечна,
я двуязычно отповедь даю.

Кому в особенности лавры снятся?
Тому, кто так бездарен, но нахал.
Хотят все славы, все за ней гоняются, —
нет совести, стыда у тех, кто хам.

Таких вот уйма и в литературе,
а особенно — с музами где связь.
Порою статуя — литая дура.
И что ж? Они не прочь все ею стать.

Ещё не умерли, а нужен памятник.
При жизни ждут — с ума сошли совсем.
Все рвутся — кто мошенник и кто пакостник.
На пьедесталы рвутся все со сцен.

Не знаю я, где мне могилу выроют.
Наверно, в Татарстане, где мой дом.
Что больше славы? Совесть с честной лирою.
Стоял на том я и стою на том...

2006

* * *

В Чувашстане эмир благородно
поступает — не делает зла:
где так много поэтов народных,
а поэзии нет, умерла.

Были, были у нас всё ж поэты!
Сеспель, Прга, Рзай, Атнакӑл, Айги...
Смотрят грустно сегодня с портретов,
как ни смотрят — не видно ни зги.

В тьме кромешной возможен ли гений?
И как скоро наступит рассвет?
Что хранится в теперешних генах:
зло, добро? Иль добра уже нет?

Без добра нету жизни, поэзии.
Нет поэтов теперь, есть шпана.
Чувашстан не воспрянет, в нём если
будут те же пестреть имена.

Я считаю себя всё ж поэтом,
не «народным», кем, бог упаси,
мне не быть, и уверен я в этом.
Я — поэт Чувашстана, Руси...

2006

* * *

Тебе я не люб, соплеменник.
Чуваш чуваша не уважит,
охает его непременно.
Не дружные люди — чувашаи.

Всегда неподкупен мой голос.
Не верите вы его пользе.
Терпя весь свой век холод, голод,
не льстил, извиваясь, не ползал.

Пока жив-здоров, не убит я.
Лишь друг мой, не сладив с судьбою,
от вашей смертельной обиды
покончил в пылу сам с собою.

Не смог оказаться я возле.
А вы осмеяли, ругая,
когда он был жив, ну а после —
совсем песня ваша другая.

Но это ж двуличие, люди.
Зачем вы нас губите, люди?
Любители сплетен, наветов,
вы скольких убили поэтов...

2006

ВЕЛИКИЙ ЮНОША

Ему всё — двадцать два... Из дальней дали,
став юношей великим всех времён,
презрительно взирает на медали
и ордена людей — пустых имён.

Пустые имена плодятся густо,
когда авантюристы и шпана
Россией правят и орут стоусто,
что расцветёт свободная страна.

Шутам гороховым, комедиантам,
обслуге банды, правящей страной,
даются звания, награды к датам,
дорвавшимся до власти сатаной.

Ни уважения, ни пиетета
к себе «элита» не внушает, нет.
Бездомно, беспризорно плачет детство,
а юность гибнет столько лет в Чечне.

И молодость, и старость непотребно
ведут себя и тонут в нищете.
А те, кто шарлатан, снуют победно,
воруют и жируют между тем.

А в Чувашстане нагло торговали
великим именем — какой позор!
И Сеспель, видя всё из дальней дали,
брезгливо отворачивает взор...

2006

* * *

Страшно... Всё в нас будто разрушалось...
И война, и тень крыла войны
убивали милосердье, жалость.
Были мы жестокости полны.

К супостатам внутренним и тайным
ненависть бессильная была.
Тайно нас и брали, и пытали.
В душах стыли обморок и мгла.

Жили мы под страхом новой казни,
вживе умирали сотни раз,
всё же в душах, вопреки боязни,
искра неприятия зажглась.

В пламя превращаясь, наша искра
мужество, любовь вернула к нам.
Сталинисты хуже, чем фашисты.
Жизнь при них не жизнь — дурдом, бедлам.

2006

* * *

Здравствуй, ночь беспросветного мрака!
Как мне сумрак души превозмочь?
Остаётся молиться или плакать,
зная, что скоро — вечная ночь?

Умереть — раствориться в природе.
Умереть, чтобы жить без конца:
при любых горестях и погоде
будоражить умы и сердца.

Подними ты меня, вдохновенье,
до высот, где есть свет, нету тьмы,
где не знаем ни зла, ни смиренья
в поединке соперников мы.

И бессмертье забвенья оборет —
и дорогу, и силы найдёт,
потому умираенье любое
у творца воскресеньем взойдёт...

2006

ЛЕТОМ

Хоть я и в смятенье душевном,
хоть сутью как пламень и лёд,
живя как святой, как отшельник,
собрался всё ж в вечный полёт.

Ах, старость, за мною ты вволю
гналась неотступно вослед.
Я молод, и в старости молод —
в мой самый последний расцвет.

Хочу надышаться я лугом
и лесом, свет чувств воскреся.
Мы, лето, так любим друг друга,
что, друг, и помыслить нельзя.

И вспомнится юности лето,
что с солнцем и с вспышками гроз.
Но я не ослепну от света,
но я всё ж устану от слёз.

Хоть плачь, хоть не плачь, на исходе —
все знаем — конец настанет
всему, навсегда... И уходим
мы в вечный, в последний полёт...

2006

* * *

Знал, что я мечен, что невечен.
Жил сам в себе, не напоказ.
До гроба с музою обвенчан,
в душе луч света не погас.

А жизнь, гляди, всё длится, длится.
Не обманула жизнь меня,
и счастье моё — жар-птица —
мне сердце радует, звеня.

Я счастлив, что поэт. Я верю
в мечту о лучших временах,
имею к лучшему доверье
в тоске, в надеждах и во снах.

Пусть тихие пою я песни,
пусть голос мой не громовой,
служить бы верно правде, чести
до самой крышки гробовой.

И сожалеть тут нет причины,
ведь было выдано сполна
любви, веселья и кручины,
и даже водки и вина...

2006

* * *

Ложатся тени, призрак тает...
Я столько отдаю огня
тебе, о муза, о святая,
бери, не отвергай меня.

Несу, как дань, живую душу
тебе одной, как никому.
Твоё признание и радушьё
со светлой радостью приму.

В тебе есть что-то человечье —
встаёшь, раскачивая дом,
и, видно, прижилась за печью
надёжно, как всегда, притом.

В душе — приятная истома.
Ночь ворожит, поёт петух.
Все звуки, сны родного дома
твой ловит, муза, чуткий слух.

А в небесах горит звезда
не от любви, не от обиды.
Ещё мы живы, не убиты,
убьют — воскреснем навсегда...

2006

* * *

Есть много разных славных дел.
Творцы их славны и прилежны.
Из тех я, кто не заболел
проклятой звёздной болезнью.

Господь, знать, разум уберёг
от затемнений, уклонений.
А злые страсти и злой рок
увидели, что я не гений.

И потому теперь всегда
мне через щели дома видно,
как в небесах горит звезда
не зло, не строго, не обидно.

Пуускают пусть дурной слушок,
шипят, как в бабьих пересудах,
мой ум за разум не зашёл,
нормально действует рассудок.

Гори, звезда, гори, гори,
твой свет для сердца так полезен,
всем людям добрым говори:
не болен звёздной я болезнью...

2006

* * *

Каким я был? Учти, потомок,
учти и никому не верь.
И деликатен он и тонок
вопросик сей, но не подонок
я был, ты по стихам проверь.

Каким я был? Не скажешь сразу,
а скажешь, то ведь лишь слова.
Не предавал всю жизнь ни разу.
Любил Тамару я, заразу,
любил, и даже целовал...

2006

* * *

Тебе я смог бы счастье дать,
обрадовав счастливой встречей.
Смогла б меня ты вечно ждать,
любить, ко мне стремиться вечно?

Жизнь разделить со мной, а смерть
тому, кто первым был, оставить
и разлюбить его посметь,
себя забыть о нём заставить?

Не он твой настоящий бог.
Идя по новому ты кругу,
узнала б вечную любовь,
не только — вечную разлуку...

2006

* * *

О, день! Свод небес голубой!
Не хмур я, не груб — бог с тобою! —
своей я доволен судьбой
и поздней мечтой голубою.

Такая она голубень —
мечта моя! Нежно и страстно
плывёт наверху, её тень
и та — с голубою окраской.

Сгорая в житейской тшете,
люблю воркотню голубей я,
люблю предаваться мечте,
что всё голубеет, глупеет.

Нет туч над моей головой.
Меня не пугает разлука.
Судьба — голубая голубка
и праздник она голубой...

2006

* * *

О, многоликая, как ты неуловима!
Тебя не удалось догнать мне никогда.
Я многим говорил «моя любимая»,
наивно думая, что это навсегда.

Злодейкой сказочной менялась ты коварно,
как будто кто заманивал тебя.
И сам я столько — по одной, попарно —
заманивал, клал даже под себя.

Но хлопотно любое наважденье.
Когда бывало просто, без хлопот
кота и кошечки сладкоголосопенье?
Как вспомню, стынет сердце, льётся пот.

... Давно не молод, чтоб я верил в сказки,
но мнится мне, что вновь моя — в толпе.
И знаю ведь: конечно, это — маска,
но сердце, но душа всё продолжают петь...

2006

* * *

Я торопился жить. Года летели.
Я, может, был последний сын земли,
не знающий владеть умом и телом,
но знающий ловить мелодию молитв.

И под неё мне скучно было тлеть.
Я бешено горел тем островком ненужным
опасного огня, что чуял смерть,
которую друзья готовили мне дружно.

Не удалось поставить на колени!
Горящая душа спасла крыла,
знать, оттого, что я — немножко гений,
спасла и мощно в небо подняла.

Прости, не каюсь, руки заломив,
о, жизнь, что не владел умом и телом.
Я жил, ловя мелодию молитв.
Я торопился жить... Года летели...

2006

* * *

Уж поздний вечер, темнеет в поле,
чуть светит небо, златеет рожь.
Душа вся в скорби, душа вся в боли.
О чём тоскуешь, куда бредёшь?

Темно и тихо. Куда мне — смело?
Чего мне надо? К кому успеть?
Душа от смерти уйти сумела.
Душа сумела отринуть смерть.

Любовь — зараза. Любовь — бездушье.
Любовь — проклятье. Обман — любовь.
В грядущем станет она получше,
а в настоящем — лишь скорбь и боль.

Ах, оттого-то темнеет вечер,
не светит небо, лес глух и дик.
Ах, оттого-то страшусь я вечно
земной любви, бреду один...

2006

* * *

О как давно исчезла дурь
невинных трепетных свиданий!
И нету ожиданья бурь,
страстей безумных ожиданья.

Я завершаю славный круг.
Я славлю эту дурость юных.
В ней нет греха. В ней светлых мук
звучит оркестр многострунный.

Нет ада в ней разврата грёз.
Иные там блуждают грёзы.
И воскрешая светом слёз,
любовь не омывают слёзы.

Не ложь глаголят в ней уста.
В ней, плача юными слезами,
доверю вновь своим перстам
упиться юными стихами.

Я жду, примите же меня,
ведь детство принимает юность.
Вдоль тела руки урона,
стою... стою смешно сутулясь...

2006

* * *

Эй, чу... Замри... Ты слышишь песнь рассвета
и песнь небес — безмолвный светлый звон?
Всё в мире прах, неизбежно лишь это,
и наша жизнь не жизнь, а только сон.

Все лгут: слова и взгляды и движенья.
Что видишь и что слышишь — всё враньё!
И сонное такое искаженье
нам истину увидеть не даёт.

А истина не на земле, а в небе.
Ничто, никто не вечны на земле.
Всё упадёт, пройдя, в могилу, в небыль,
чтобы лежать, сгоря, как бы в золе.

И всё же пусть во сне душа томится;
хоть и всему на свете свой черёд,
но ей неважно что и сколько длится,
ведь ясно: всё пройдёт, всё пропадёт.

О пробудись, моя душа! Беспечно
не спи, проснись, гори и не остынь.
И, зная, что не смертна, а бессмертна,
гори — гори свечой в тиши святынь...

2006

* * *

Вся жизнь — сплошной предсмертный крик.
Пока не знаем мы иного.
Лови неповторимый миг
ты каждый — бытия земного.

Живём мы здесь и лишь сейчас!
Потом уж ничего не будет.
Хоть бог и строг, но любит нас
и, верим, справедливо судит.

Коль судят все люди, в том
предвижу только ложь, хоть бейте.
Над словом глупеньким «потом»
смеюсь я и смеюсь над смертью.

Но бог же и казнит нас всех.
На господу искать управу
нельзя нам, осужденье — грех.
Судить мы не имеем права...

И жизнь — страдание одно.
Страдания и мученья — тыщи.
Но жизнь нам праздник всё равно,
душою если ты не нищий...

2006

* * *

Меняется мать, старится жестоко.
И тем дышу я, что её люблю я.
Нет, думаю, в любви моей порока —
в застенчивом сыновнем поцелуе.

И сам меняюсь, старюсь я с годами,
тем больше и ценю любовь земную.
И вновь, и вновь иным являюсь к маме
и обнимаю маму я иную.

Что расставанье наше неизбежно,
мы знаем, и отмены быть не может.
И мамин кроткий взгляд лучится нежно,
и мучает меня он и тревожит.

Рук ласковых её прикосновенье,
послушные её живые пальцы
не задержать уже ни на мгновенье,
когда господь прикажет нам расстаться.

Когда наступят день и час проститься,
уже не сможем ничего исправить —
ни пожалеть тут и ни повиниться.
Лишь боль и скорбь останутся на память.

И — пустота... И жизнь не повторится
на свете том, ином, немом и грозном —
там не поют уже земные птицы,
не светятся там и земные звёзды...

2006

ПЕРЕД СВЕЧОЙ

Мать — седая душа —
слёзы льёт пред свечой,
льёт неровно дыша,
говорит горячо:

«О прощеньи моля,
припадаю к тебе,
небо, мать моя,
сирота я теперь.

О прощеньи для всех,
не понявших тебя.
О прощеньи и тех,
кто не любит любя.

Кто любил, тот ушёл,
не вернётся назад,
с ним ушла я душой
в неземной снегопад.

И не тают снега
на седирах волос.
Снегопад на века
душу снегом занёс...»

2006

* * *

Пусть не горит моя звезда...
Не любят — убедился лично:
для чувашей давно я лишний,
а может, лишним был всегда.

Уйду... уж прозвенел звонок.
Он сразу был услышан мною.
Я понял, что схлестнусь с бедою,
и что пришёл последний срок.

Жизнь здесь для чужака трудна,
порою даже и опасна.
Горька она, горька ужасно.
Здесь глохнет, не поёт струна.

Прощаюсь я осенним днём,
прощаньем душу опечалив,
но осознаю, лишь отчалив,
весь ужас, заключённый в нём.

Ваш гнев как должное приму.
Но чем платить за гнев и речи?
Лишь горем, скорбью, больше нечем
платить мне за изгнанье в тьму...

2006

* * *

Как жаль! Как мало жил я по-земному!
Ни хлеб насущный, ни добро, ни зло
заставить не смогли жить по-иному,
страдать и плакать, сеять ворох слов.

Ни друга, ни жены и ни детей мне
бог не дал за духовный подвиг мой.
Что из того, что жизнь прожил идейно
и горюшка хлебнул в пути с лихвой?

Богатств не нажил, счастья не построил.
Нет дома у меня и нет семьи.
Я ни при новом, ни при старом строе
не рвался в бой за прихоти свои.

Зато мечта горит всю жизнь, как свечка.
Просторно в тесном сердце для стихов.
И мир бездонный, бого-человечный
непостижимостью томит — суров.

Гляжу в ночи с надеждою и болью
на небо, на причуды бытия.
И всей своею неземной любовью
согреть стараюсь ваши души я.

2006

* * *

Безумный и родной, ты — смерть,
о, мир, безоблачно прекрасный,
о, мир, возвышенно ужасный.
Ты был, ты есть и будешь впредь.

А я вот вдруг могу не быть.
Позволь побыть, позволь остаться.
Как жаль так глупо перестать мне
стихи писать, людей любить.

Я жить хочу как никогда!
Летит листва и воет ветер.
Глухая ночь. Темно на свете.
А в небе лишь одна звезда.

Гори, гори! Горю и я.
Гореть так раньше не хотел я.
Как дороги душа и тело
теперь на грани бытия!

Не суетись, душа, не рвись.
Уйдём, пойми ты, невозвратно.
Уж коли доживём до завтра,
прекрасной будет дальше жизнь...

2006

* * *

Как тихо увядают наши души.
Как дико привыкают ненавидеть.
Мне просто неприятно это слушать.
Мне просто неприятно это видеть.

Забыли мы как ветры солнцем пахнут,
и травы гнутся, снег летит как в детстве.
А сердце всё заходится от страха
и ненависть всё разъедает сердце.

Не лучше ли, к подруге чувство грея,
с ней в церкви зыбко плыть, как дым лампы,
а ночью написать стихотворенье
о том, что враждовать совсем не надо.

Враждуют... Нет вражде конца и края.
Потоки слёз — от моря и до моря.
Снаряды рвутся. Дети умирают
и сходят матери с ума от горя...

2006

* * *

Ушёл — почти что был пропащий.
Мечту сумею ль побороть?
Поладивший с собой, совпавший,
вернулся я... не я, а плоть.

Неужто плоть была дороже,
искомый постигая свет,
и возвращенье не тревожит
стыдливой совести? О, нет!

Тревожит! Вновь уйду в туманы,
вновь буду плоть испепелять,
вновь в мире высшего обмана
борцов за правду вдохновлять.

Задуманное совершим мы...
Я к вам иду о том пропеть,
таинственный огонь, вершины, —
вновь возродиться иль сгореть!

2007

* * *

Пёр в юности я без оглядки
и напролом — кричал, смеялся.
Был в юности до истин падкий.
Я жизни жаждать не боялся.

И взрывчаты глаза бывали,
искрометательны... что делать?
И все мы в юности взрывали.
И вот всё к чёрту полетело.

Светился неподдельным светом...
То — собственный мой свет... Спасая
его, как чадо, я при этом
себя на жертвенник бросаю.

О жизнь! Замучь скорее сына
за то, что весело смеялся,
за то, что жизни жаждал сильно,
врываться в ад не побоялся.

2007

ШУБАШКАР

Наш Шубашкар, все знают, — Чебоксары.
В нём издавна хреново мы живём.
И так бы можно жить, когда бы не базары,
когда б не цены, не ворьё-жульё.

«А было хуже, — говорит историк, —
за слово «Шубашкар» тебя могли бы съесть».
За что, Чувашия, меня ты так позоришь?
Отверзи мне глаза: откуда... кто я есть?

Я есть сувар-чуваш, древнейший из древнейших,
живу в своей столице как чужой.
Чуваш я здесь, о Шубашкар мой? Нет же,
я не чуваш, манкурт. Я здесь — изгой.

Вот разрываюсь снова я и снова
на части, не пойму никак, что за херня:
мы не берём чувашскость за основу,
чувашского в себе боимся, как огня.

2007

* * *

Живи, покуда не скосило,
дыши, покуда не покойник,
уразумей то, что по силам,
о смерти говори спокойно.

По библии сверяешь путь ты
иль, как тогда, по диамату,
и так, и эдак дело худо,
идёт не к раю дело, к аду.

Придётся притерпеться, видно,
верёвочка покуда вьётся.
И, ненавидя, всё ж любить нам
всё то, что жизнью здесь зовётся.

Я верю, не являясь вошью,
что человек я сапиенсный
и что, покуда не помрёшь ты,
супруге будешь интересный.

Как угадаешь дней скончанье!
Далече ли скончанье это?
Свет дней! Он дорог не случайно:
ведь наш конец — скончанье света...

2007

МОЛЧАНЬЕ

Ты долго, Рзай, молчал, я — не могу,
ищу в твоём молчанье смысла, тайны,
ища, не лицемерю и не лгу.
Прислушиваюсь к музыке страдания.

Я попрощался с веком истерий,
дал воздуху безумий отстояться.
Чтоб и сцелить, лучи эзотерий
туда вошли, метя на постоянство.

Я понял, Рзай: в молчанье зреет свет.
Там не темно, там звуки воссоздания
всего того, чего пока что нет,
но без чего не кончатся страдания...

2007

НЕЗНАКОМКЕ

Подари мне улыбку привета,
будь приветлива, будь как привет.
Так давно я ищущу человека,
человека, которого нет,
но который горит, словно Вега,
льёт мне в душу божественный свет.

Как Есенин, от месяца греясь,
вдохновляясь от дальней звезды,
и на склоне годов жду, надеясь,
жду тебя, человек из мечты,
хоть и вижу: напрасна затея,
вижу, что человек тот — не ты.

Ведь всю жизнь я ищущу человека,
человека, которого нет,
но ты всё ж не пройди без ответа,
пусть безмолвно, всё ж дай свой ответ —
подари мне улыбку привета,
будь приветлива, будь как привет...

2007

БЛУДНИЦА

Ах, жить и жить бы... Вся ты страсть
была в сей жизни сиротливой,
но не смогла прожить счастливой,
душою, сердцем серебрясь.

Как всё одну любовь любить?
Как всё заблудшее, больное,
всё слабое и отставное,
всё отгоревшее забыть?

А радость... Так она чиста.
Всё совершалось жадно, жарко:
берите, пользуйтесь, не жалко...
Целована в лобок, в уста.

Покаялась, чтоб снова жить.
Прощенья испросивши, тело
вновь с новой силою запело,
чтоб всё и всех желать, любить...

2007

* * *

Волшебна ночь-мелодия,
как лунное сияние.
Когда душа в полёте, я —
с природою слияние.

Тогда времён течение
мне гибельным не кажется.
И я пою душевнее,
пою и слёзы катятся.

Кто в плаче очищается,
душой тот обновляется,
судьба его решается,
надежда появляется.

Над робкою надеждою
подшучивать не смейте вы:
ведь под её одеждою —
надежда на бессмертие.

Когда душа в полёте, я
с природою — в слиянии:
я сам как ночь-мелодия,
как лунное сияние...

2007

* * *

Неплохо б нам, земным, средь скучных дел,
чтоб жизнь не так давила зло, гнетуще,
иметь в сём мире родственную душу.
Имел ли я? Имел и не имел.

С душой ты родственной — не одинок.
С душой одной дружили мы немного.
Ушла она, и стало одиноко.
И сам я от себя теперь далёк.

Без той души я сам себе чужой.
Такое ныне в мире отчужденье,
что кажется порой: мир в исступленьи
идёт к концу; что мир — бардак большой.

А человек в нём — человек-товар.
Он покупается и продаётся.
Дух умирает... Живым трупам косным
не нужен он, им нужен лишь базар.

И, не имея духа, не искать
им родственной души высокой сроду.
Так навевается исподтишка народу
отрава-сон, чтоб сладко тихо спать...

2007

* * *

Не знает человек когда и где
он упадёт, заткнётся и не встанет.
Не вечно же гореть его звезде
на небесах в бесстрастном мироздании.

Не ведаю и я когда и где
вдруг упаду, заткнусь как все, не встану.
А во враждебном мне зажжётся стане
злой огонёк, подобный той звезде.

Увы, подобие не есть звезда.
По-разному и паданье бывает.
Не знаю я где упаду, когда,
но знаю: упаду, на вечность уповая...

2007

* * *

Как смог, как духом уцелел
в стране, где правил сатана?
Я верил, верой этой цел.
И вера эта спасена.

Она жива глубоко в генах...
Не зажил мой от терний лоб
для осязания нетленных
материй — жив был духом чтоб.

Из глуби страждущего духа
всегда слова мои идут.
Меня бы щёлкнуть точно муху
могли, когда они — в бреду.

Сгинь, говорят, а я живу:
есть высшие любовь и суд.
Неймётся мне, и я зову,
ведь отзовётся кто-нибудь...

2007

* * *

Болит душа, чего-то ждёт.
В печали ноет, ноет сердце.
И от природы отчуждён,
и от людей — куда мне деться?

Живя лет сорок в городах,
так и не стал — не горожанин.
Без шума леса, песен птах
уныло хлопаю ушами.

Без родничка, реки, лугов
как без души я, как без сердца.
Так грустно, что удрать готов
туда, а то куда мне деться?

А люди... Равнодушной их,
чем в городах, нигде не сыщешь.
За сорок лет я граждан сих
так хорошо узнал, не взыщешь.

Но не удрать, не убежать
мне никуда, в деревню — тоже.
Надежда малая — лежать
в родной земле удастся, может...

2007

* * *

Врагов так много? Значит, много стоишь.
Друзей так мало? Значит, есть резон.
Не унывай, гордись ты этим, кореш,
вид твой внушительен, труд твой весом.

Я сам всю жизнь был окружен врагами.
Запомни: все друзья — всегда враги.
При мне они врагов моих ругали,
при них — меня: ловчили, дураки.

Не выиграли бой, как ни ловчили.
Я выиграл его, я победил.
Одни ушли, иные же почили.
Другие одичали без удил.

Ты тоже победишь, не расслабляйся,
не унывай, не будь себе палач:
коль плакать заставляють — улыбайся,
заставят громко ржать — ты громко плачь.

От звонких строк звончают разом строфы.
Звон раздражал завистников моих.
Они всю жизнь готовили голгофу
за то лишь мне, что был я звонче их...

2007

* * *

Когда душою сиротливой,
продрогший без тепла людского,
ищу кого-то торопливо,
хоть знаю, что найду не скоро,
я всё же жив, я жив, живой я:
был всё один, а будем двое.

Когда душою сиротливой,
продрогший без душевной ласки,
найду кого-то, но пытливо
начну срывать личины-маски,
уж я не жив, не жив я, мёртвый
и всё — один, зато — свободный...

2007

* * *

Как ни старайся быть доступней, проще,
считая, что мы все одна семья,
не скажут обо мне, что был хороший,
а скажут: был плохой — уверен я.

И ты, мой дорогой, подумать должен
заранее об этом неспроста:
с лицом открытым ты стремишься тоже
для ближнего всю душу опростать.

Не плюнут ли туда, войдя свободно,
как мне плевали в душу земляки?
Уверен: плюнут — запросто, охотно.
Для них сии труды невелики.

Так что ж тогда — закрыться и запрятать
живое чувство от сердец людских?
Не знаю. Я не знаю. Но не радость
и то, что через них ты замкнут, тих.

И веру потерял в добро... Всё злое
как будто окружает нас с тех пор,
как будто надоело всё земное
и спор добра со злом, извечный спор...

2007

ТАРХАН

Чтоб связь времён не порвалась,
напомню вам об этой связи:
не выходил из грязи в князи,
уж я им был — тархан есть князь.

Да, да! Потомок я тарханов!
То бишь потомственный тархан.
Для вас, безродных тараканов,
простите, я не таракан.

Не вы заступники народа.
Холопы вы, душою — раб:
такая издавна порода.
Ленивы... Алчны... Фраера!

Средь вас мне душно и противно.
Вас раньше называли «чернь».
Вы душиите оперативно
тех, кто не с вами, — каждый день.

Хоть скрыта эта ежедневность,
не скрыта с чёртом ваша связь
и к князю света ваша ненависть —
ведь чёрт не света, тьмы есть князь...

2007

МОИ СОЛОВЬИ

Не поют в лесочке соловьи.
Может, и поют, но не мои,
а мои давно уж не поют —
улетели, видимо, на юг.

Может, не на юг, а в никуда?
В старость, может, в те мои года?
Не поют в лесочке соловьи.
Нет же, нет, поют! Но не мои.

Славно как выводят — словно мне
дарят трели эти в тишине.
Слушаю и забываюсь я.
Может, старый тот не я, друзья?

2007

* * *

Хоть упаду в могилу, в небыль,
я говорю себе: я буду
не под землёй, а в синем небе,
его страданиями добуду.

Не вечны мы, страдания вечны.
Судьба глядит, душа томится.
Свербит она, она увечна.
И рана в ней гудит, дымится.

И зная, что лежать во прахе
всему, что жжёт меня сегодня,
страданий жду всегда без страха,
за что я буду в небо поднят.

2007

* * *

Время катится, бежит и помыкает
нами грубо, в бездну нас таща.
Средь обмана и вражды, изнемогая,
старится безвременно душа.

И понятия «праведник» иль «витязь»
кажутся лишь сказочными нам:
не пришлось мне праведность увидеть,
а пришлось увидеть ложь и срам.

Зависть чёрная с коварством — в паре —
сводит дружбу у людей на нет.
И не знаешь, где, когда ударит
по твоей друг горькой слабине.

Слабина моя — всю жизнь тоскую,
всё ищу и не могу найти
правду-матку, праведность людскую,
всё бунтую из-за них в пути.

Добрые и то не одобряют
чудака, а злые злобно ржут,
говорят, что не свихнулся зря я;
говорят, что идиот и шут...

2007

* * *

Пусть всё пройдёт, всё пропадёт...
Пока мы здесь и будем живы,
оставим людям в свой черёд
труды свои дней одержимых.

Творя добро, любовь даря
всему живому, неживому,
потомки наши повторят
потом наш путь — жить будем вновь мы.

Любой творящий — одержим.
Призвание — это одержимость.
Любая власть, любой режим
проверит Мастера на вшивость.

Но и тогда Творец есть Бог,
и промысел его есть божий.
Он жить по-дьявольски не мог,
и никогда, нигде не сможет.

2007

* * *

Мой отчий дом, мой дом родной,
мне как с тобою расставаться?
Ну как смогу оставить мать я,
когда она одна со мной?

Она стара, уж так стара!
Клянёт с утра промозглый дождик.
Тот не уходит со двора.
А мать ворчит, терзаясь дрожью.

И хочет жить, как никогда!
Неужто раньше не хотела?
Неужто прожиты года
не для души, а лишь для тела?

Живи, мать, долго, не дрожа,
пока что — сладостно до завтра...
Не тороплюсь... Не рвись, душа,
разлука будет невозвратной.

2007

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

Надмирен я, прости меня, о боже!
Над миром бьюсь, пока душа жива.
Людей, любя, из-под небес тревожу.
Я говорю им звёздные слова.

Смеюсь над притяжением нелепым,
родную заземлённость не кляню.
Под гиканье толпы лечу по небу,
лечу я не во сне, а наяву.

Есть роковая предопределённость
в исканьи правды, в поисках земных.
Напрасно всё! Так как всё это — ересь,
так как мы ложью завсегда сильны.

И потому так дико и безбожно
живём внизу — под солнцем и луной,
но ринуть вниз, в толпу, мне невозможно.
И я лечу — для тех, кто лжив, плохой...

2007

* * *

Уходит свет, а я хочу его продлить.
Уходит свет, трепещет луч прощально
и тает: всё, пора нам уходить,
как ни печально.

Не надо ничего просить и умолять.
Нет никого, что рядышком кружились
со мною здесь, резвясь и веселясь.
Все-все они с разлукой подружились.

Колени преклоню, прося я у небес
о чудесах, но тщетно это, знаю:
как рана, так и смерть не заживает,
когда в душе у нас — не бог, а бес.

2007

ИНОЙ РАСКЛАД...

«Люблю»... Давно так говорил, однако.
Но, несмотря на это, иногда
Вам чудится в глазах моих отвага
любить и не терять любовь... да, да.

А трепетать когда уж мы забыли!
И мало ли что губы говорят.
Мы словно задохнулись в звёздной пыли,
и в небесах теперь иной расклад.

Мы с Вами оба как бы неживые,
хоть и живые, с тех недавних лет.
И вьюги зимние в нас вдруг завьили.
Застыла кровь, огня давно в ней нет.

И неподвижно, немо, оскорблённо
глядим на свет мы, не сводя зрачков.
Не потрясённо, связанно, влюблённо,
не как на свет, а как на светлячков.

Мне, видно, одному спускаться к ночи.
Как хочется уйти опять, опять
и навсегда забыть Вас — не морочить
Вам голову... и навсегда понять.

2007

ТАМАРА

Зал полон в клубе и нарядна ель.
Светлеют лица новогодней ночью.
Ах, с кем танцует юный Сениэль?
С Тamarою. С учительскою дочкой.

Юна мамзель, но с думкою мамзель,
не по годам практична и строптивая,
где нужно — весела, а где — слезлива.
Нарядна ель... Танцует Сениэль.

Но знает он, Тamarою любуясь,
как в жизни с нею будет тяжело:
в селе, супругом становясь, «люблю вас»
не говорят — не город всё ж село.

И вообще... Какой он муж Тамаре!
Он не практичен, не строптив, поэт,
а будущее у него — в тумане,
туман так густ, и в нём просвета нет.

... Прошло полвека. Где теперь та ель?
Где радости той новогодней ночи?
И с кем танцует старый Сениэль?
С Тamarою. С учительскою дочкой.

2007

ИНАНГА АЛШИГУСТИ

Поклон тебе, поклон, о Фрези Грант!
От всех поклон бегущей по волнам!
Как создал образ твой поэт-собрат
на радость нам, жизнь улынулась нам.

В Тебя, в Мечту, поэты влюблены...
А я... прости... ещё во мгле времён,
во сне увидев, погружаясь в сны,
в Инангу Алшигусти был влюблён.

Она — моя любовь, моя судьба,
светлейший день мой, мой чистейший свет.
Через Неё я сотворил себя,
то — Дух Святой вошёл в меня, в мой бред.

И этот бред помог мне написать
великую поэму о любви.
Я смог мою всю грубость обуздать,
чтоб показать все волшебства мои.

Во мне как солнце, как огонь горишь
неугасимо ты, любовь, всю жизнь.
... Страшит тебя, душа, могилы тишь,
но с Фрези, но с Инангой не страшись.

2007

* * *

Как странно: ни о ком и ни о чём я не жалею.
Запуталась судьба, всё в жизни стало швах.
Уж не глядеть на мир смелей и веселее
и не просить мне у небес о чудесах.

Их нет, чудес... Всё-всё умрёт на свете.
И я умру, как только изнеможет плоть.
Зачем, зачем невидимые пытки эти,
невыносимые, скажи, господь?

Сказал господь: какой ответ я дам,
когда уж ты не здесь, не здесь, но и не там?

2007

* * *

Горишь не ярко, тускло в мире этом
ты, жизнь моя, — приют предвечный мой.
Уж не проститься ль раньше с белым светом,
чем сам он распрощается со мной?

Ведь рано или поздно будет вьюга,
а вьюга эта нашей смерти знак.
Все вьюги злою крутовертью вьются
над нами вечно — как того не знать.

И мы пока того лишь знать не можем,
где встретить эту вьюгу рок судил,
и струны лиры по ночам тревожим —
по мере наших лет, по мере сил...

2008

* * *

Ища поэзию, о друг, не надо
по свету бегать нам, она — в душе.
Иль вовсе нет её. Коль есть — мы рады.
Коль нету — и не жди тогда уже.

Среди мерзавцев подавать свой голос
так глупо, что вскипаю я, как псих,
и чувствую тут, как седеет волос,
как будто жизнь на волоске висит.

За славою же бегают, за славой,
утратив напрочь совесть и покой!
А у самих стихи настолько слабы,
что я от них бываю сам не свой.

Не дурни ли, твердят: всё, что угодно,
не пережить бы только вас, стихи,
пусть ваш напор своей волной свободной
и в смертный час обдаст нас, как духи.

Стихи мертвы, но графоман не сломлен,
опять, опять он одолел недуг...
У нас поэзия — в душе, огромен
её напор — мы не умрём, мой друг!

2008

* * *

Ах, листва, золотая листва...
Серебрится моя голова
и туманятся синие очи,
а ведь были сродни синеве.
Как бы сдуру мне не зареветь
от обид сих, друзья, среди ночи?

Шли неплохо у парня дела.
Неуёмная юность цвела.
И для песни моей неуёмной
я берёг в чистоте дни мои.
И запели во мне соловьи.
Я внимал им, светясь, в жизнь влюблённый.

2008

* * *

Зачем мы в мир являемся? Бог знает...
С печалью покидаем белый свет.
Наш след зимою вьюга заметает,
а летом же смывает дождь наш след.

Богаче мир не стал, мы зря явились.
Беднее он не станет, коль уйдём.
Так для чего ж росли, за жизнь мы бились
уж если — в землю нас прямым путём?

А сколько смелых и красивых, мудрых
протопало людей по тем путям!
Надолго, крепко утвердились будто,
ан нет, на небесах так не хотят.

Всех забирают из домов и с улиц,
всех, как в тюрьму, пожизненно, ну да!
Лишь раз когда-то двери распахнулись,
и, хлопнув, все закрылись навсегда...

2008

* * *

Не разгадав загадку бытия,
секрет бессмертия не будет дан.
А в чём загадка-то, не помню я?
И в чём секрет? И кто же судит так?

Забота на сердце моё легла,
запала дума в голову мою.
Потусторонняя пугает мгла,
так как не прохлаждаться нам в раю.

За что же человека люди чтут?
И что мне людям этим завещать?
Как быть? Меня одни печали ждут.
Тоскует сердце и скорбит душа.

Я видел солнце, звёзды и луну.
Богатым не был, нищим я ходил.
И если уж поближе тут взглянуть,
довольно смело души я будил.

За что и вспомнят, может, иногда?
Не вспомнят — даже жаль мне помирать.
Как разгадать загадку ту тогда,
секрет бессмертия вам, люди, дать?

2008

* * *

Всё думаю, когда я лажу стих:
не будь, о слово, ты подобно пуле,
коль где брехнул, помилуй и прости,
то значит, мы самих себя забыли.

Все будто знаем, пуля — для чего,
а призываем, чтобы было слово
подобно пуле, вышло сквозь живот
у Пушкина сегодняшнего снова.

Не Пушкин, так другой... Она убьёт
любого, кто, под пулю попадая,
к свободе, к справедливости идёт,
над Родиной растерзанной рыдает.

И не могу я, словом смерть поправ,
о слове-пуле миру не поведать,
нет у меня ни наглости, ни прав
на это — мир проходит сквозь поэта...

2008

* * *

Дотоль невиданной незримой силой
дух отрицанья жил в людских сердцах.
И, вспыхнув искрою неугасимой,
хотел я новою звездой мерцать.

Ниспроверженья слово тихо, тайно
шло долго к цели, путь его тяжёл.
И я с душой горящей неслучайно
к мятежным душам с радостью пришёл.

И той же страстью одержимый, снова
я вижу, как обманутые ждут
правдивого и пламенного слова,
в какое должен я вложить свой труд.

Чтоб силою невиданной на свете
дух отрицанья жил в людских сердцах,
и до меня мерцали звёзды эти,
и после будут, видимо, мерцать...

2008

ХУЗАНГАЮ

Покоя ты не знал, ты рвался к славе,
а людям говорил, что в батраках
у славы не был и ни часа — bravo!
Как ловко оставлял нас в дураках.

Всё жгло тебя: забудут, не забудут...
Лаская слово как голубку, ты
блаженствовал в труде своём как будто.
И что? Стихи твои бездушны и пусты.

Давно я, воспарив орлом над вами,
усёк: вы не дадите мне парить.
Покоя ты не знал, ты рвался к славе;
пока был жив, мне не давал ты жить...

2008

* * *

Душа моя в победном клике
глаголет языком вершин;
идя всю жизнь к мечте великой,
свой труд удачливо вершит.

Давным-давно мечтою чудной
жизнь заиграла предо мной.
И как бы ни было мне трудно,
не изменил я ей, родной.

Душа, душа, и вспомнить страшно,
как много было тёмных сил.
Всей скрытой силой, юной страстью
ты всё ж отъята от низин.

Мы знаем, что это такое.
Как только светлую мечтой
я воспарю, мне нет покоя —
вся жизнь бурлит передо мной...

2008

* * *

Кто свяжет дней оборванную нить?
И где они те молодые дни,
когда и крылья были, были силы,
а голову так гордо, друг, носил я,
что недруги мои, бог их храни,
страдали оттого невыносимо?

Да, были... но не плачу, не скорблю,
что молодость сгорела на корню
в заботах и нужде, в страстях и горе,
не веря, что мой дух судьбу оборет,
что и талант, и душу сохраню,
не пропаду, горя в труде упорном...

2008

* * *

О, божий мир! В нём кто — моя родня?
В нём всё любимо мною, пока жив я:
и люди, и цветы... и свет во цвете дня...
Всё, всё... а не любим же дух наживы,
чем дышат жулики, убийцы и красиво
хотят пожить — сей дух не для меня.

Как нечисть может быть любимой мной?!
И в сердце бьётся крик, но, мудростью хранимый,
звонит он не расстроенной струной,
а жалостью души невыразимой.
Жалею и себя, и всех невообразимо.
О, божий мир, поэт страдалец твой...

2008

* * *

Дух в человеке есть огонь.
Мой дух, ты мой огонь бессмертный.
Пустынно на душе, бессветно
коль нет огня, нет духа коль.

Но ты, огонь, не пожирай
теперь меня, уж я не юный,
я старый, птицы-гамаюны
покинули давно мой край.

О, птицы вещие, когда
вы надо мною пролетали,
я тени ваших крыл устало
ловил, на счастье загадав.

Я в землю пламенем уйду.
Тебя, огонь, не упрекну я
ни в чём, уйдя сквозь глубь ночную,
бессмертье там своё найду...

2008

* * *

Усталость сбросить бы мне с плеч...
Многопудова как — усталость!
И эту б тишину сберечь,
что страшною ценой досталась.

Как погляжу я в высоту,
вдруг забываю на мгновенье
навет, обман и клевету,
замалчиванье и гоненье.

Да, ноша слишком уж тяжка...
По чьей вине страдал так много,
ушли, уходят... то есть как
«ушли-уходят»? Жаль, ей-богу.

И в этом — столько доброты.
Пусть все уйдут, а я крылато,
что жизнь мою продолжишь ты,
мой стих, в бессмертье верю свято.

2008

* * *

Ещё не умер я и нет плиты
над будущей могилою моею,
чуваш, мой соплеменник, знай же ты:
не кто иной, а я лежу под нею,
и посему, хоть и спешишь куда,
остановись здесь, милый, на мгновенье,
чтоб вспомнить и понять, что не всегда
и ты жив будешь — встань на размышленье.

Остановись, чтоб дух перевести,
ошибки взвесить, оценить поступки
и над самим собою погрустить,
в раздумье пребывая, взор потупив.
И если ты умеешь и шутить,
и слово понимать, душой неистов,
мою негаснущую искру ощути,
мою в поэзии чувашской искру...

2008

* * *

Мой стих меня переживёт, я верю.
Бахвальство это? Да! Пожалуй, да!
Поверье ль то какое или доверье,
надеялся на слово я всегда.

Не надо в жизни счастья другого
ни в светлый день, ни в поздний час ночной
мне кроме богом вверенного слова,
оно — моё призванье, жребий мой.

Умру — вам плакать, рук ломать не надо:
ведь я земной, лечь в землю вышел срок.
Я стих любил. И были б мне отрадой
стихи в обличье надмогильных строк.

Не потому ли в скорби и в тревоге
над словом трепетал я столько лет.
Да, стих — начало и конец дороги.
То — мой завет... Исполните завет.

2008

* * *

Все избежать хотели бы забвенья...
Что я такого сделал для тебя,
чуваш мой, почитая и любя,
даря тебе свои стихотворенья?
Что обо мне враги мои трубят?

Они трубят, что ждёт меня забвеньё,
что ничего не сделал для людей,
что, сколько я радей иль не радей,
пусты, беспомощны мои творенья
и вреден вложенный в них круг идей.

А мне б хотелось избежать забвенья...
Не примет соплеменник, есть друзья,
которые так думать не хотят
и любят всё ж мои произведения.
Они по-русски здорово звучат!

2008

* * *

Ты говоришь: бессмертен лишь народ.
Но и в душе его живущий не умрёт.
Нас всех пусть ждут неведомые сроки,
чтоб увести навечно в край далёкий,
мы не назад всё ж смотрим, а вперёд.

А впереди всё тот же наш народ.
Но жизнь иная, думаем, придёт,
не та, которая в неведомые сроки
всех уведёт навечно в край далёкий,
где не посмотрит наш народ вперёд.

Согласен я: бессмертен лишь народ,
коль не исчезнет, с круга не сойдет.
Тогда, и уходя в неведомые сроки,
в душе его живущий одиноко
пусть смело смотрит не назад, вперёд...

2008

ЗАВЕТ

Мы, кто чуть раньше, а кто чуть позже,
уйдём отсюда, все сойдём на нет.
Жизнь наша чем-то на кино похожа:
прёт кадр за кадром и — конец кинe.

Да, друг мой дорогой, нам не дано другого.
И вот сижу я с думой, в забытьи,
заветное хочу промолвить слово,
единственное в нашем бытии.

То слово о тебе, предел желанный,
родимый уголок, саврушский край.
Ты есть начало и конец мой странный.
Ты — мой крошечный ад и светлый рай.

Тобою я рождён, тобой взлелеян.
Ты — золотая колыбель моя.
Тобой поэзии прекрасной сон навсян.
С тобой взлетел, обретший крылья, я.

Я создан был тобою ради жизни.
Меня вдали убили, в стороне.
Неловко на признание решиться,
скажу: не дали жить в чувашской мне стране.

Всегда чужой, не принят был за брата,
о друг мой милый, как всё тяжело!
Мы все уйдём... и я хочу обратно
к родным пенатам — в поле, в лес, в село.

Мы все сойдём... нам не дано другого.
И разговор наш вышел деловой.
Похороните близ села родного.
То — мой завет. Исполните его.

* * *

Мы расстаёмся. Горечь сердце гложет.
Мы расстаёмся буднично, легко,
но расстаёмся навсегда, быть может,
того хоть и не чувствует никто.

Мы расстаёмся. Госпожа разлука
нас разлучит и в вечность уведёт.
Мы будто все без взора и без слуха,
не видим и не слышим — что нас ждёт.

Мы расстаёмся. Путь наш — на край света
и дальше, в те далёкие края.
Не думал, не гадал, что песня эта
есть песня лебединая моя.

Мы расстаёмся. Горько, горько, боже...
Хоть с вами я навеки расстаюсь,
мне кажется, не весь умру я всё же —
я песней вновь оттуда отзовусь...

Я ПРИДУ...

Прощай, весна с вечернею зарёю,
с листвою пахучей, с тёплой травой,
обрызганной серебристою росой,
сверкающей с тревогой вековой.

Прощайте, сны, любовь. Прощай, и тяжесть
земных вериг! Мрачней вас не найти.
Прощаясь с вами, с жизнью я прощаюсь
пред тем, как в вековую даль уйти.

Но я, уйдя, всё ж не уйду бесследно,
не затеряюсь в тьме. Я к вам приду
не раз... И вновь, и вновь... Зимой и летом...
Властителем я буду ваших дум.

Приду весной... А осенью прибуду
на праздник листопада и ветров.
Я, души ваши озаряя, буду
к вам, как всегда, и нежен и суров.

Сквозь тьму времён приду я, как спасенье,
как ангел света, не как ангел тьмы.
И все печали ваши, потрясенья,
моим приходом будут сметены...

Содержание

<i>Иван Турган. Звуки тишины</i>	5
--	---

Листья на ветру

Утро	9
«Поэт — он больше жертва...»	10
Признание	11
«Схожу с ума...»	12
Юность	13
«Не говорите мне...»	14
«В грандиозных делах...»	15
«Здоровья нет...»	16
«Я думал умереть...»	17
Джигит	18
В степи	19
На берегу Волги	20
Лесная тропинка	21
Осыпаются листья	22
Хлеб	23
Сквозь туман	24
У пруда	25
Подражание песне	26
«Я искренне сказал...»	27
Вере Симоновой	28
Alma mater	29
Слова мои	30
Моя вина	31
Листья на ветру	32
«Хотелось мир переиначить...»	33
«Во всём один свет...»	34
«Приникнув в миру...»	35
Земляк	36
В тумане лет.....	37

Дожди	38
Надежда	39
Моё небо	41
Шумят берёзы	42
Люди, люди... ..	43
Без людей... ..	44
Дети	45
«Тоскую я...»	46
Одиночество	47
Гонят	48
Не забыть... ..	50
Спасибо... ..	51
Заявляю... ..	52
Побег	53
«Эй, где ты, юность?»	55
Маме	56
Тайна	57
Лунный свет	58
«Лихорадочно живу...»	59
«Тихий звук...»	60
Найтие	61
Свет дружбы	62
Весной	63
Боль	64
Зависть	65
Белые дни	67
По жизни	68
«О милые, дальние дали...»	70
Заблужденье	71
Куда?	72
Тревожно	73
Неожиданное признание	75
Утраты	76
«Свет солнца...»	77

У памятника	78
«Кто сказал...»	79
Мой голос	80
«Становлюсь угрюмым...»	81
Двадцатый век	82
Веселье в себе	83
Шопен	84
Играют Шопена	85
«В себе чувствуя свет...»	86
Айги	87
Лисин	88
Сениэль	90
А.С. Грин	91
Корабли	93
Облака	94
Из тьмы...	95
Защита души	96
«И те, и эти...»	98
«И чувства остыли...»	99
В ночи...	100
О, равви...	101
«Растерянность...»	102
«Жил ли я?»	103
У входа	104
Верхушка	105
Правительство	106
«Бывает час...»	107
Часы прозрений	108
У святого ключа	109
На Билляр-горе	110
Валем Хузя	112
Ночные тени	113
Спит Кама...	114
У костра	115

Тоска по Сеспелю	116
Во все времена	118
Тайная свобода	120
Зори юности	121
«Страшнее нет неволи...»	122
«Время новое...»	123
Закат над лесом	124
«Мой голос, о тебе тоскуя...»	125
Истина	126
Бесы	127
«Предчувствую скорую гибель...»	128
«Пусть нету счастья...»	129
Скакун моей судьбы	130
Мгновенья эти... ..	131
Мои враги	132
Один	134
Ах, мама... ..	136
Соловей	137
Страх смерти	138
Не люблю	139
«Молчу...»	140
«Безлунно на душе...»	141
«Есть эмиры...»	142
Эмир наш... ..	143
Богомысль	144
«В том нет моей вины...»	145
«Я никак не забуду...»	146
Скорбь	147
Тусклые	148
Запрещают... ..	149
Сквозь годы... ..	150
Рахмат	151
Не боюсь... ..	152

Свет и тени

Далёкая даль	155
Упрёк... ..	156
Я пройдуся... ..	157
Раздумье	158
Отрада.....	159
Бессонница	161
Случай	162
Кутёж	163
Осеннее	164
Не забыл... ..	166
Порфирий	167
Ульга	168
Музыкант.....	169
Душе моей больной	170
Дух	171
Исповедь	172
Ночная звезда	173
Звёздный час	174
«Умчались дни мои...»	175
«Ну как же так...»	176
Сеспель	177
«Кручусь в кручине...»	178
Жизнь моя... ..	179
«Хоть и сделали...»	180
«Луна вешней ночью...»	181
Ветер	182
В роще	183
Васильки	184
Сирень	185
С тобой	186
«Всех нас коснётся...»	187
«Мы пережили...»	188
«Давно я понял...»	190

Грёза...	191
Сад наш...	192
«Какой я стал...»	193
«Строй изменился...»	194
«Жизнь догорает...»	195
«Где вы, где?»	196
«Поощряя дворцовую лесть...»	197
В ночах весенних	198
Тархану Ахплату	199
Убив тебя...	200
Говорит Алюнов	201
Жертвенный сын	202
Юман	203
Вещие сны...	205
Лучи последние...	206
Одному другу	207
Рай	208
Вере	209
Доколь?	211
В мир теней...	212
Опасный друг	213
Мои времена	215
Печаль души моей	216
Без друзей	217
Звезда моя горит...	218
Ивану Егорову	219
Клики лебедей	221
Дева	222
Вновь, друг, прощаясь...	223
Цветов огонь	224
Осенний свет	225
Я плачу...	226
Уходящее время	227
Зимние ночи	228

Гурия	229
О, кто ты?	230
Силуэт	231
Я люблю...	233
Твой образ	234
Чувашская боль	235
Тарханская кровь	236
Материнская улыбка.....	237
«Время, время...»	238
«Насмешка злая...»	239
«Совершая путь свой...»	240
Мавзолей	241
«Так мало жил я...»	242
«Прошу тебя...»	243
Пустеет жизнь	244
К закату жизни	246
Начало и конец	247
«Всё, что было...»	248
«Не знаю — много ли...»	249
Моей судьбе	250
Над Аксу...	251
Кто что сказал...	252
Встреча на Лебяжьем	253
Хасан Туфан	254
Мечеть	255
Дэрдменд	256
Гараю Рахиму	257
Казань	258
«Тишь. И зыбкий мерещится свет»	259
«Жизнь прошла...»	260
Плач по Зелимхану	261
Прощание с Зелимханом	262
Прощание с отцом	263
В доме моём.....	264

«Прощай, прощай!»	265
«Пусть ты думой...»	266
Тамаре	267
В ночь полнолуния	268
Боюсь...	269
Не хотят	270
Бездушье	271
Весенний мотив	272
Промелькнули...	273
Пир	274
Живёт...	275
«Ещё не все...»	276
Не вернуть...	277
«Явись, я жду тебя...»	278
Этот зов	279
Гостя смерть	280
«Я один...»	282
На опушке	283
«Душа заныла...»	284
«Душе родные мерещатся тени»	285
«Доволен будь ты...»	286
«Я вспомнил...»	287
«Не ведаю...»	288
«Встретаться с тобой...»	289
«Во мгле падающая звезда»	290
«Стал я с годами...»	291
«Не сказка это...»	292
«Иду непокорённый...»	293
«Себя — подобного лучу...»	295
«Светятся в небе...»	296
«День метельной непогоды!»	297
«Жил сам в себе...»	298
«Налево и направо...»	299
«В каких ты снах...»	300

«Не говори ты...»	301
«Не дожил до покоя...»	302
«Всё глуше жизнь...»	303
«А был ли долго я в пути?»	304
«Всю зиму под метелями...»	305
«Без огня сажу...»	306
«Пока живу...»	307
«Не спрашивай...»	308
«В глаза мне время...»	309
Друзья народа	310
Милли	311
Трое	312

Мой завет

Русский язык	315
«Не тороплюсь...»	316
«Роптали тихо раньше...»	317
Сирано	318
Тигеткель	319
«Бедная ты моя, бедная!»	320
«Старость для поэта — катастрофа»	321
«Духовного здоровья нету!»	322
«Я остался давно...»	323
«То же небо...»	324
«Лишь увяданье...»	325
«Полдненный зной...»	326
«О сколько встреч...»	327
«Склонюсь над неудавшейся судьбой...»	328
«Моё бывшее счастье!»	329
«Не понимая...»	330
О, знали б вы...	331
«Под старость...»	332
«В объятьях у распада находясь...»	333
«Те, кто из вас...»	334

Сумерки	335
Гнездо эмира	336
Двуязычие	337
Поездка на родину	338
«Родной земли неслышный звук...»	339
«Давно я, друг, на всё готов...»	340
«Пройдя по жизни...»	341
«Не суеверной верую...»	342
Атнакӑл	343
Уйдаш	345
Новогодняя элегия	346
«Мы в незаметном...»	347
«Вы любите меня...»	348
«Надо мной, над вами...»	349
«Ведь наш удел — Вселенская Свобода!»	350
«Дни Гнева и Печали...»	351
«Соловьи на рассвете поют...»	352
«Всё снега и снега...»	353
«Ритм во мне...»	354
Ренессанс	355
Политэмигрант	356
«Поэзия — моё призванье...»	357
Казанбай	358
Рзай	359
Евтушенко	361
Северянин	362
«Что больше славы?»	363
«В Чувашстане эмир...»	364
«Тебе я не люб, соплеменник...»	365
Великий юноша	366
«Страшно...»	367
«Здравствуй, ночь...»	368
Летом	369
«Знал, что я мечен...»	370

«Ложатся тени...»	371
«Есть много разных славных дел...»	372
«Каким я был?»	373
«Тебе я смог бы счастье дать».....	374
«О, день!».....	375
«О, многолика!».....	376
«Я торопился жить»	377
«Уж поздний вечер...»	378
«О как давно...»	379
«Эй, чу... Замри...»	380
«Вся жизнь...»	381
«Меняется мать...»	382
Перед свечой	383
«Пусть не горит...»	384
«Как жаль! Как мало жил...»	385
«Безумный и родной...»	386
«Как тихо увядают...»	387
«Ушёл...»	388
«Пёр в юности...»	389
Шубашкар	390
«Живи, покуда не скосило...»	391
Молчанье	392
Незнакомке	393
Блудница	394
«Волшебна ночь-мелодия...»	395
«Неплохо б нам, земным...»	396
«Не знает человек...»	397
«Как смог, как духом уцелел...»	398
«Болит душа...»	399
«Врагов так много?»	400
«Когда душою сиротливой...»	401
«Как ни старайся...»	402
Тархан	403
Мои соловьи	404

«Хоть упаду...»	405
«Время катится...»	406
«Пусть всё пройдёт...»	407
«Мой отчий дом...»	408
Ночной полёт	409
«Уходит свет...»	410
Иной расклад	411
Тамара	412
Инанга Алшигусты	413
«Как странно...»	414
«Горишь не ярко...»	415
«Ища поэзию, о друг»	416
«Ах, листва...»	417
«Зачем мы в мир являемся?»	418
«Не разгадав загадку бытия»	419
«Всё думаю...»	420
«Дотоль невиданной незримой силой»	421
Хузангаю	422
«Душа моя в победном клике»	423
«Кто свяжет дней оборванную нить?»	424
«О, божий мир!»	425
«Дух в человеке»	426
«Усталость сбросить бы...»	427
«Ещё не умер я»	428
«Мой стих...»	429
«Все избежать хотели бы забвенья»	430
«Ты говоришь...»	431
Завет	432
«Мы расстаёмся...»	434
Я приду...	435

Михаил СЕНИЭЛЬ
(Михаил Павлович Егоров)

ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

Стихотворения

Редактор *И.П. Турган*
Художник *А.А. Трофимов*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *М.П. Егоров*
Оригинал-макет *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати __. __. 08
Бумага офсетная
Гарнитура Times
Учётно-изд. л.
Тираж 500 экз.

Формат 70x1081/32
Печать оперативная
Физ. печ. л.
Заказ №

Отпечатано в типографии
Чувашского государственного института гуманитарных наук

428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1